

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 — 2024

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 16.10.2022 г.)*

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва; доктор политических наук, ассоциированный научный сотрудник),
Н. Л. Пушкарёва (заместитель главного редактора, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),
З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва; доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор),
А. В. Белова (Тверской государственный университет, г. Тверь; доктор исторических наук, доцент)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (главный редактор, Ивановский государственный университет, г. Иваново; доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),
И. Н. Смирнова (ответственный секретарь, Ивановский государственный университет, г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),
Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново; кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции (издателя): 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2024
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2024

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 1 — 2024

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 16.10.2022)*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Associated Researcher (Institute of Sociology of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. N. L. Pushkareva, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. O. V. Riabov, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. Z. H. Saralieva, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
R. N. Suleimanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. E. R. Iarskaia-Smirnova, Dr. Sc. Sociology (National Research University "Higher School of Economics", Moscow),
Assoc. Prof. **A. V. Belova**, Dr. Sc. History (Tver State University, Tver)

Editorial Board:

- Prof. O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. I. S. Kletsina, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. T. B. Riabova, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiriyazev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2024
© Ivanovo State University, 2024

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые коллеги!

Перед вами первый номер журнала в 2024 году. Тематика научных исследований, которая найдет отражение на страницах журнала, разнообразна.

В этом году исполняется 28 лет со дня выхода первого номера. Дата не юбилейная, но она свидетельствует о большом интересе ученых к осмыслению путей повышения роли женщин во всех сферах жизни российского общества.

Мы планируем публиковать статьи по результатам исследований в области политических, социологических, исторических наук. Указом Президента Российской Федерации 2024 год объявлен Годом семьи. Учитывая значимость этого события для укрепления института семьи, приглашаем к сотрудничеству ученых, занимающихся исследованием различных аспектов семейной жизни. В рамках Года семьи редакционная коллегия журнала приняла решение издать специальный выпуск о проблемах семьи и государственной семейной политике.

В разделе «Научная жизнь» планируем освещать деятельность научных коллективов по продвижению идей о равноправии полов, размещать информацию о научных проектах и конференциях.

Редакционный совет и редакционная коллегия журнала выражают глубокую благодарность ректорату и издательству Ивановского государственного университета за многолетнюю поддержку.

От имени редакционной коллегии приветствуем ученых, авторов и читателей нашего журнала и желаем всем успехов в осуществлении творческих планов.

*Главный редактор журнала
О. А. Хасбулатова*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 4–22.

Woman in Russian Society. 2024. No. 1. P. 4–22.

Научная статья

УДК 94:784(091)(47+57)

DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.1

«СОВЕТСКАЯ РОДИНА» КАК КОНЦЕПТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ. МАТЕРИНСКИЙ СИМВОЛ СТРАНЫ В МАССОВОЙ ПЕСНЕ

Олег Вячеславович Рябов, Татьяна Борисовна Рябова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, riabov1@inbox.ru

Аннотация. В статье впервые изучается использование в песнях СССР материнского символа Родины для репрезентаций проблематики холодной войны. При помощи количественного и качественного контент-анализа исследовано более 1500 советских песен (1946—1991); 350 из них включают данный символ. Авторы показывают, что «Советская Родина» — один из наиболее значимых компонентов «культурной холодной войны». В этом символе отразились основные черты советско-американской конфронтации. В свою очередь, использование этого символа вносило новые черты в холодную войну, позволяя представить ее как не только идеологическое, но и национальное по своей природе противостояние. Культ Советской Родины оказывал влияние на восприятие ценности материнства, способствуя тому, что идеальной советской женщиной считалась женщина-мать.

Ключевые слова: Родина-мать, холодная война, советская песня, материнство, образ врага

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305 «Образы врага в массовой культуре холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США», <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>.

Для цитирования: Рябов О. В., Рябова Т. Б. «Советская Родина» как концепт холодной войны. Материнский символ страны в массовой песне // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 4–22.

Original article

THE “SOVIET MOTHERLAND” AS THE COLD WAR CONCEPT. THE MOTHER SYMBOL OF THE COUNTRY IN THE SOVIET POPULAR SONGS

Oleg V. Riabov, Tatiana B. Riabova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation, riabov1@inbox.ru

Abstract. The paper deals with the analysis of using the Motherland symbol by the Soviet popular songs in order to represent the Cold War issues. Using quantitative and qualitative content analysis, the authors examine more than 1500 Soviet songs (1946—1991); 350 of them employ this symbol. The article demonstrates that the “Soviet Motherland” served as one of the most significant components of the “cultural Cold War”. The meanings of the symbol reflected the basic traits of the USSR—U.S. confrontation. In its own turn, exploiting this symbol introduced additional characteristics to the Cold War, representing it as not only ideological conflict but also as national by nature. The authors also point out that the cult of the Motherland had an influence on the perceived value of maternity in the USSR, contributing to the fact that mother serves as ideal Soviet woman.

Key words: Motherland, Cold War, Soviet songs, motherhood, image of the enemy

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 22-18-00305 “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics”, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/>.

For citation: Riabov, O. V., Riabova, T. B. (2024) “Sovetskaia Rodina” kak kontsept kholodnoĭ voĭny. Materinskiĭ simvol strany v massovoĭ pesne [The “Soviet Motherland” as the Cold War concept. The mother symbol of the country in the Soviet popular songs], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 4—22.

Библиография исследований образа Родины-матери насчитывает десятки работ (в числе наиболее весомых см., например: [Hubbs, 1988; Гюнтер, 1997; Сандомирская, 2001; Рябов, 2007; Степанова, 2015; Лескинен, 2023]). Ученые рассматривали историю данного символа, его отражение в языке, культуре, искусстве, социальные представления о нем, его роль в военной мобилизации, использование в политике. Среди вопросов, которые остаются недостаточно изученными, важной представляется проблема трансформации этого символа в различных ценностных системах: какие его значения остаются константами, а какие меняются в зависимости от исторического и идеологического контекстов. Мы предлагаем исследовать этот символ в новом (и значимом в условиях современного противостояния России и «коллективного Запада») аспекте — в качестве концепта холодной войны, привлечение которого оказывало влияние на легитимацию советско-американской конфронтации, укрепление советской идентичности, создание образов «своих» и «чужих». Мы рассмотрим его в системе других важнейших концептов — таких как коммунизм, коллективизм, борьба за мир, дружба народов, советский патриотизм. Объектом исследования является столь мало изученный источник по «культурной холодной войне», как массовая песня.

Методология и методы

Материнский образ родной земли — один из важнейших символов отечественной культуры с многовековой историей, которая продолжилась в советское время. Если в первые годы после прихода к власти большевики ассоциировали понятие Родины с царизмом, эксплуататорским строем, великорусским шовинизмом и трактовали его как едва ли не контрреволюционное, то с середины 1930-х гг. «Советская Родина» становится важнейшим элементом символической системы страны [Рябов, 2007]. Он широко использовался в легитимации власти, ее внутренней и внешней политике. Вместе с тем, как справедливо отмечает Е. Степанова, «восприятие образа Родины исключительно как средства идеализации советской политической системы... страдает излишней категоричностью» [Степанова, 2015: 38]. Помимо политических, этот символ выполняет широкий спектр других функций, от когнитивной до эстетической. Особо отметим экзистенциальную (смысложизненную) функцию. Конечность индивидуального существования всегда побуждала человека искать бессмертие: физическое или же социальное. Наиболее примечательным выражением поисков социального бессмертия стало появление такой формы социальности, как нация. Э. Смит отметил, что принадлежность к нации «переживается страстно, как некому весьма реальному и конкретному сообществу, в котором мы можем найти определенную гарантию нашей идентичности и даже — через наших потомков — нашего бессмертия» [Смит, 2004: 261]. Идентификация с нацией, со страной, помогает преодолеть чувство страха, вызванного конечностью индивидуального бытия и перспективой забвения; символ родины позволяет индивиду ощутить себя частью бесконечной цепи поколений. Несколько забегаая вперед, отметим, что представление о Родине как вечной, обеспечивающей социальное бессмертие, отразилось и в советской песне. «Все имеет срок, а ты бессмертна, страна, / Жизнь моя, дыханье мое!»¹ — такие слова есть в композиции 1973 г. Понимание жизни как бесконечной связи поколений, которые являются частью истории родной страны, выражено в песне «Течет река Волга»²; великая русская река, которой «конца и края нет», в отечественной культуре традиционно выступает в качестве субститута России-матушки.

Итак, репрезентации Родины в «культурной холодной войне» мы исследуем на материале массовой песни. Ее изучение, во-первых, позволяет установить значимые черты символической политики СССР: власти отдавали отчет в важности песни в идеологической борьбе и она находилась под серьезным контролем. Во-вторых, содержание музыкальных произведений косвенно свидетельствует и о массовом сознании: множество раз услышанные и воспроизведенные

¹ «Торжественная песня» (М. Магомаев; Р. Рождественский, 1973; здесь и далее сначала указывается автор(ы) музыки, затем, после точки с запятой, — автор(ы) слов). Другой пример — песни на стихи Е. Евтушенко «Идут белые снеги» (Э. Колмановский, 1969) и «Родина моя» (Б. Терентьев, Э. Колмановский, 1974); в последней есть такие строки: «На свете все не бесконечно, / От океана до ручья. / Но если что-то в мире вечно, / То это Родина моя! // Меня не станет — солнце встанет, / И будут люди, и земля, / И если кто меня вспомнит, / То это Родина моя».

² М. Фрадкин; Л. Ошанин, 1962.

музыка и стихи становились частью внутреннего мира советского человека. Всего было выявлено 350 песен, созданных в 1946—1991 гг., в которых в той или иной форме присутствуют образы Родины; мы анализируем эту совокупность песен как единый метатекст. Выборка была сплошной; материал собирался на специализированных сайтах («Советская музыка» и др.).

Т. Адорно подчеркнул два отличительных признака популярной музыки: стандартизацию, которая делает музыку более доступной для восприятия, и массовость, что превращает ее в коммерческий продукт [Adorno, 1990]. Песня обладает не только общими с другими видами массовой культуры чертами, но и специфическими. Среди них отметим прежде всего интерактивность. Затем, это особая эмоциональность. Далее, это относительная оперативность создания и скорость распространения в социуме. Кроме того, необходимо принимать во внимание, что песня (по крайней мере, некоторые ее субжанры) в меньшей степени контролировалась властями, чем, скажем, кинематограф. Наконец, это синтетический характер создания образа в песнях, объединение в них стихотворного текста и музыки (а с появлением музыкальных клипов и видеоряда), что делало их особенно эффективным инструментом убеждения; следует учитывать и связанные с этим ограничения: при создании идеологических месседжей на выбор авторами слов влияют как жанр музыки, так и закономерности поэтического творчества (рифма, стихотворный размер и др.) [Рябова, 2022]. Все эти свойства популярной музыки используются в символической политике [Schmelz, 2009].

Символ Родины и песни холодной войны

Музыкальный образ Советской Родины формируется одновременно с возникновением массовой песни в СССР. Так, «Песня о Родине» И. Дунаевского и В. Лебедева-Кумача стала одной из визитных карточек советской культуры в 1930-х гг. Материнский символ страны был среди основных в пропаганде Великой Отечественной войны, и не будет преувеличением сказать, что это выступило одним из факторов победы; значительный вклад в мобилизацию советского народа вносили и песенные образы Родины.

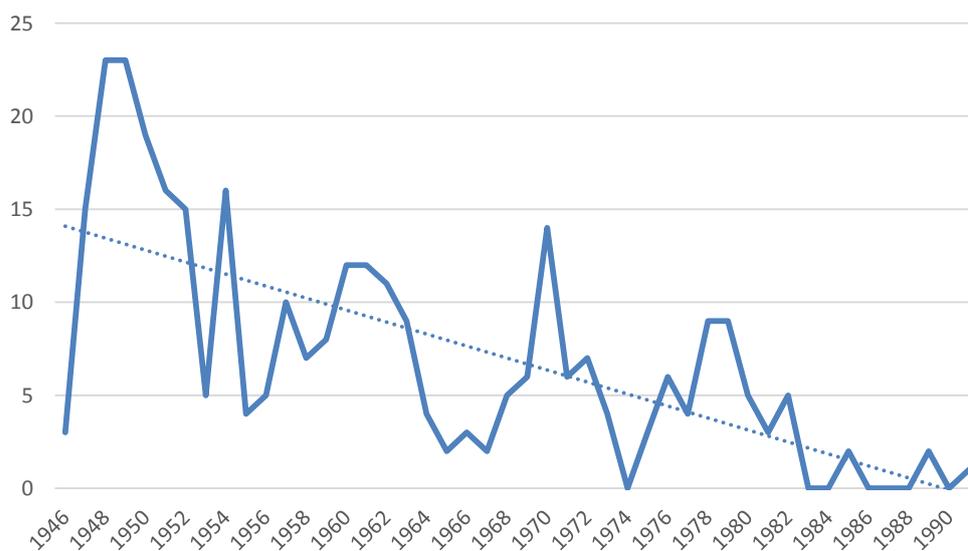
Холодная война, особенно во второй половине 1940-х гг., репрезентировалась и в СССР, и в США как продолжение Второй мировой: противоположная сторона обвинялась в том, что она фактически продолжает дело нацистов [Рябов и др., 2023]. Многие образы и символы Великой Отечественной, включая и Родину-мать, вошли в советскую культуру того времени. Именно на послевоенный период приходится наивысшая востребованность данного символа и в коллективной идентичности советских людей, и в политике памяти, и в антиамериканской пропаганде³.

Это отразилось во множестве произведений культуры, включая монументальную скульптуру, плакаты, кинофильмы, поэзию, почтовые открытки, значки. Песня, эмоциональное воздействие на человека которой сложно переоценить, занимала особое место. Способность музыкальных композиций объединять людей, а также вовлеченность человека в воспроизводство произве-

³ Так, данные Национального корпуса русского языка свидетельствуют о том, что наиболее востребованным выражение «Родина-мать» было именно в 1948—1949 гг.

дений этого вида массовой культуры (песни пели, подпевали исполнителям на концертах, иногда их сочиняли; они сопровождали человека в радости и горе, в трудовые будни и праздники) обуславливали их роль в жизни советского общества: они являлись частью повседневности и в то же время служили эффективным оружием пропаганды (см., например: [Гюнтер, 1997; Тяжелникова, 2000; Дружкин, 2013; Амент, 2021; Рябова, 2022]). Песня утверждала важнейшие советские ценности: построение коммунизма, любовь к Советской Родине, верность заветам Ленина, борьбу за мир, коллективизм, интернационализм, непримиримость к эксплуататорам, социальный оптимизм, равенство, справедливость.

Что касается песен о Родине, то всего нами выявлено 350 песен (динамика их появления представлена на диаграмме), созданных в 1946—1991 гг., в которых используются выражения «Родина», «Отчизна», «родная земля», «родная страна»; идет речь о стране как о матери; говорится о сыновьях и дочерях страны⁴. Одна часть этих песен была непосредственно связана с проблематикой холодной войны; другая отражала исторический и идеологический контексты советско-американской конфронтации.

Динамика обращения к теме Родины в советской песне (1946—1991), ед.

Мы проанализируем эти произведения, выделив следующие темы привлечения материнского символа страны: во-первых, песенный образ Советской Родины, создаваемый при помощи демонстрации тех ценностей, которые советский

⁴ Кроме того, в силу специфики функционирования песни в обществе фактором «культурной холодной войны» были и многие произведения, созданные в предыдущие годы, но активно исполнявшиеся в исследуемый период (например, «Песня о Родине» из кинофильма «Цирк» (реж. Г. Александров, 1936), обличающего расизм в США, тем более в исполнении Поля Робсона, одного из символов той части американцев, которые вместе с советским народом боролись за мир).

народ под руководством Коммунистической партии защищал в противостоянии с Западом; во-вторых, репрезентации отношения советских людей к своей стране; в-третьих, образы врага, угрожающего Родине; в-четвертых, противопоставление Родины и чужбины, образы внутренних «чужих» в контексте проблемы эмиграции.

Образ Советской Родины

Песенный образ Родины прежде всего вносил вклад в поддержание и корректировку советской идентичности, эксплицируя ценности, во имя которых велась холодная война. Среди этих ценностей в первую очередь следует назвать коммунизм — «цель заветную», как это обозначено в «Весеннем марше», прозвучавшем в фильме Г. Александрова «Весна»⁵. «Под солнцем Родины мы крепнем год от года. / Мы беззаветно делу Ленина верны. / Зовет на подвиги советские народы / Коммунистическая партия страны!» — поется в композиции «Партия — наш рулевой»⁶.

Важнейшим событием истории Советской Родины называлась Октябрьская революция. Так, в песне «Родина моя» подчеркивается: «Трудом, отвагой и любовью / Ты в грозных бурях создана». Особенности такого вида искусства, как массовая песня, обусловили широкое привлечение поэтических образов, когда коммунизм обозначался, например, как счастливое будущее всего человечества. В той же композиции есть такие слова: «Твои просторы озарила / Мечта о счастье светлых дней»⁷. Связь символа Родины с коммунистической идеологией проявляет себя, как в этом произведении, также в прославлении людей труда, в утверждении его ценности.

Одним из наиболее примечательных музыкальных произведений, воспевающих грядущий коммунистический строй, стала композиция «И мы в то время будем жить»⁸, созданная в 1961 г., после принятия на XXII съезде КПСС новой программы партии, провозгласившей: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Песня обращена к Родине; в ее первом куплете говорится: «Когда с вершины завоеванной / Глядишь ты, Родина, вперед, / Твой взгляд, высокий и взволнованный, / Невольно за сердце берет». Далее в ней называются такие черты коммунистического общества, как высочайший уровень развития производительных сил, научный прогресс, свобода, мир на планете, торжество коммунистической морали («человек мне — брат и друг»). Завершается песня такими словами: «Земля для счастья станет тесною, / И станут люди все дружить, / И станет жизнь прекрасной песнею, / И мы в то время будем жить!»

Другой важнейший вопрос идеологических баталий холодной войны — борьба за мир, которая в послевоенный период становится краеугольным камнем советской идеологии и советской идентичности, превратившись в своеоб-

⁵ И. Дунаевский; С. Михалков, 1947.

⁶ В. Мурадели; С. Михалков, 1952.

⁷ А. Новиков; Л. Ошанин, 1946.

⁸ А. Долуханян; М. Лисянский, 1961.

разную визитную карточку внешней политики СССР. Материнские символы занимали особое место в пропаганде борьбы за мир (см., например, плакат В. Иванова «Проклятье поджигателям войны! Матери всего мира, боритесь за мир!», 1950). Образ матери, защищающей своего ребенка от ужасов войны, получает распространение и в песне (как, скажем, в композиции «Кончайте разбой!»⁹).

С этим образом был непосредственно связан и образ Родины. Необходимо подчеркнуть, что привлечение материнского символа страны помогало обоснованию столь важной идеи о миролюбии СССР¹⁰. В песенной культуре 1970—1980-х гг. к этой идее добавляется такая характеристика страны, как доброта («Отчизна свободы щедра и добра»¹¹). Среди наиболее выразительных примеров привлечения темы материнской заботы Советской Родины, которая дарит всем народам мира «свет высокой доброты»¹², — композиция 1981 г. «Я о Родине пою», исполненная М. Магомаевым: «Ты живешь судьбой народов всей Земли, / Чтоб они покой и счастье обрели. / Ты не ждешь награды — лишь бы были рады, / Жили б в мире люди всей Земли! <...> Всем уже давным-давно понять пора: / Ты добра, но не от слабости добра. / В нашей правде столько мощи / И душевного тепла!» Стремление Советской Родины к миру на Земле встречает понимание во всех странах: «Ты мудра и добра, / И народы Земли / Славят сердце твое, / Славят думы твои»¹³.

Вместе с тем борьба за мир — это не «буржуазный пацифизм»; важно подчеркнуть, что Советская Родина не просто миролюбива — она стоит на страже мира, воплощая не только доброту, но и могущество («голос мира, спокойный и веский», как охарактеризована позиция страны в «Русской песне»¹⁴ — одной из наиболее известных в творчестве Л. Зыкиной).

Еще один важный концепт идеологического противостояния — дружба народов как демонстрация успешного решения национального вопроса при социализме. Здесь также обратим внимание на роль материнского символа страны: Советская Родина для всех является матерью, вне зависимости от национальной принадлежности, все «дети» перед ней равны. «Родина — это дружба всех пле-

⁹ А. Новиков; В. Харитонов, 1960.

¹⁰ Это заметно и в визуальном дискурсе. Так, на плакате И. Тоидзе «Во имя мира» (1959) образ женщины в красном платке, знакомый каждому по плакату «Родина-мать зовет!» (1941), теперь выступал символом миролюбия и доброты.

¹¹ «Прекрасная, как молодость, страна» (А. Пахмутова; Н. Добронравов, 1977).

¹² «Я о Родине пою» (С. Туликов; Н. Доризо, 1981).

¹³ «Россия моя, золотые края» (С. Туликов; С. Островой, 1961).

¹⁴ А. Пахмутова; Е. Долматовский, 1968. См. также, например: «Родина моя! / Мирная, любимая, / Нерушима, неприступна, / Родина моя!» («Родина моя» (А. Новиков; Л. Ошанин, 1946)). Это представление в исследуемый период получило отражение и в монументе «Родина-мать зовет!», воздвигнутом на Мамаевом кургане. Маршал В. Чуйков в выступлении на митинге в честь открытия в октябре 1967 г. памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» подчеркнул, что «величественный памятник», который «отражается в воде великой русской реки матушки Волги», служит предостережением любому агрессору [Подвиг Сталинграда бессмертен, 1967].

мен и рас!» — поется в «Оде о Родине»¹⁵. Большое внимание дружбе народов уделялось в армейских песнях, скажем: «Из разных мест пришли служить с тобою, / Но Родина у всех у нас одна! / С Урала я, товарищ из Тамбова, / С цветущей Украины — старшина»¹⁶. А в песне «Родина моя» при создании образа единства страны используется семейная метафора: «Я, ты, он, она, / Вместе — целая страна, / Вместе — дружная семья, / В слове “мы” — сто тысяч “я”, / Большегоглазых, озорных, / Черных, рыжих и льняных, / Грустных и веселых / В городах и селах»¹⁷.

Идея дружбы народов — это не только идеологическая догма, но и следствие жизненного опыта советского человека, это убежденность, которая формируется у него в результате общения с людьми из разных регионов. Например, герой песни «Моя Родина» так объясняет чувство единства великой страны: «У Черного моря прошло мое детство. / В Москве я учился и жил. / Работал на Буге, рыбачил на Волге, / В Ростове солдатом служил»¹⁸.

Женские аллегории нации позволяют очеловечить образ государства, которое благодаря им предстает не холодной бездушной машиной, а живым существом, к которому индивид может не только демонстрировать лояльность, но и испытывать чувство любви. Человеческими чертами наделяется и Советская Родина — как в визуальном дискурсе [Рябов, 2007], так и при помощи выбора тропов, посредством которых она репрезентируется в песне. Многие произведения приписывают Родине способность испытывать чувства и эмоции; она может думать, верить, знать, помнить, благодарить, любить, ожидать, грустить, тревожиться, волноваться, смотреть, слышать; воспеваются руки Родины, ее сердце¹⁹. Антропоморфизации образа Родины способствовало и использование идеи иерогамии; во многих песнях 1946—1953 г. образ Родины-матери дополнял образ Сталина-отца.

В образной системе холодной войны Родина сохраняет те черты, которые ей приписывали на протяжении веков: плодородие и изобилие. Акцентируются также сила и могущество, которое проявляет себя, например, в способности к абсолютному знанию («Родина слышит, Родина знает, / Как нелегко ее сын побеждает»)²⁰. Отношение Родины — плодородной, изобильной, могучей — к жителям Страны Советов, ее детям характеризуется как защита, забота, кормление. Песня 1960 г. призывает: «Берегите Россию, / Чтобы сильной была, / Чтобы нас от беды / В грозный час сберегла»²¹, а в прозвучавшей в фильме «Мировой парень» (реж. Ю. Дубровин, 1971) песне в исполнении «Песняров» есть слова «И Родина щедро поила меня / Березовым соком...»²².

¹⁵ А. Холминов; Ю. Полухин, 1961.

¹⁶ «Отчизна наша думает о нас» (В. Струков; В. Семернин, 1978).

¹⁷ Д. Тухманов; Р. Рождественский, 1978.

¹⁸ А. Долуханян; М. Лисянский, 1956.

¹⁹ В песнях «оттепели» описание телесности Родины получает и такие воплощения, как, скажем, «У нее коса пшеничная, / Родниковые глаза» («Красно солнышко» (П. Аедоницкий; И. Шаферан, 1969)).

²⁰ «Родина слышит, Родина знает» (Д. Шостакович; Е. Долматовский, 1950).

²¹ «Нет России другой» (Б. Терентьев; Е. Сеницын, 1960).

²² «Березовый сок» (В. Баснер; М. Матусовский, 1971).

Отдельно отметим такую черту Родины, как требовательность, что особенно характерно для первых послевоенных лет, когда ее изображали как требовательную мать. В песне «Летят перелетные птицы» Родина, судьбу которой героиней называет «суровой и ясной», вполне может призвать его еще раз пройти все испытания: «Пускай утопал я в болотах, / Пускай замерзал я на льду, / Но если ты скажешь мне слово, / Я снова все это пройду»²³.

В культуре «оттепели» образ советского человека претерпевает изменения, он становится многограннее. Более лирическим становится и образ Родины. Если ранее ее ассоциируют с политическими символами, со «звездами башен московских, / Башен кремлевских»²⁴, то теперь, например в песне «С чего начинается Родина», — с «картинкой в твоём букваре», с «песней, что пела нам мать», с «заветной скамьей у ворот»²⁵. Кроме того, более популярной становится тема малой родины, и в этот период многие произведения воспевают любовь к отчужденному дому.

Сыновья и дочери Советской Родины

Важным компонентом политики советской идентичности были репрезентации отношения к Родине ее «детей» — советских людей. Коренное отличие советского патриотизма от буржуазного, начиная с первых лет его включения в коммунистическую идеологию, видели в том, что государство в СССР является народным и все в нем принадлежит человеку труда. В статье, опубликованной в «Правде» 19 марта 1935 г., утверждалось, что «советский патриотизм — это любовь нашего народа к стране, кровью и потом отвоеванной у капиталистов и помещиков» (цит. по: [там же: 180—181]). При этом советский патриотизм объявляется высшим типом патриотизма: самые большие патриоты — это именно трудящиеся СССР; у капиталистов же «естественное чувство привязанности к родному краю» подавлено стремлением к наживе.

Эта идея была выражена в известных строках «Песни о Родине»: «Человек проходит как хозяин / Необъятной Родины своей». Родина была именно Советской; в этом видели и источник жизнеспособности общества, обеспечившей победу СССР над нацистской Германией. Песни исследуемого периода также обращались к этой идее — важнейшей для идеологической конфронтации холодной войны (например: «Земля родная, Родина, привольное житье! / Эх, сколько мною езжено, / Эх, сколько мною пройдено, / Эх, сколько мною видано — / И все вокруг мое!»²⁶).

Другая значимая черта, которая привлекается на протяжении всей истории советской песни, — неразрывная связь судеб отдельного человека и страны: «Желанья свои и надежды / Связал я навеки с тобой»; «Гордою судьбою, светлою мечтою / Мы навеки связаны с тобой!»; «Мать — Россия моя, / С чем тебя мне сравнить? / Без тебя мне не петь. / Без тебя мне не жить»; «Не знаю счастья

²³ М. Блантер; М. Исаковский, 1949.

²⁴ «Родина слышит, Родина знает» (Д. Шостакович; Е. Долматовский, 1950).

²⁵ В. Баснер; М. Матусовский, 1968.

²⁶ «Дорожная» (И. Дунаевский; С. Васильев, 1949).

большого, / Чем жить одной судьбой. / Грустить с тобой, земля моя, / И праздновать с тобой»²⁷.

В песенных репрезентациях отношения советских людей к Родине наиболее заметны темы любви, благодарности и долга. Песни о Родине — это прежде всего песни о любви²⁸. Восхищение вызывает и героическая история страны, и бескрайность ее просторов, и величие родной природы [Степанова, 2015]; Родина воплощает представление о прекрасном (например, в песне А. Вертинского «Пред ликом Родины» (1946) говорится о «ее лице бессмертной красоты»).

Благодарность — еще одна заметная черта отношения к Родине. «“Спасибо” скажем Родине, Родине советской, / За светлое, и ясное, и радостное детство»²⁹ — исследуемый образ широко привлекался в детские песни, и политическая социализация юных жителей СССР обеспечивалась в том числе при помощи использования этого образа.

Наконец, долг перед Родиной — важнейший морально-политический императив советского человека: «И не было большего долга, / Чем выполнить волю твою»³⁰. Ничто не освобождает от долга перед Родиной: «И где бы ни жил я и что бы ни делал — / Пред Родиной вечно в долгу»³¹. В условиях войны, пусть и холодной, выполнение долга предполагает прежде всего защиту от агрессивной политики соперника, что объясняет появление множества музыкальных композиций с военной тематикой [Рябова, 2022]. Защита Родины — это не только значимая черта советской идентичности, но и ключевой компонент военной мобилизации; например, в «Песне летчиков» говорится: «Храня от врагов нашу Родину-мать, / Ни сил не щадя и ни жизни, / Мы будем все выше, все дальше летать, / Служа беззаветно Отчизне!»³² Количественный контент-анализ песен о воинской службе показал, что советские воины чаще всего характеризовались через роль защитника страны, Родины, отчего дома (37 %); воинская служба представлена как «ратный труд», который «любовью к Родине согрет»³³ [там же].

Как выполнение долга перед Родиной и как защиту ее расценивали и участие в локальных конфликтах за пределами СССР. Так, эта тема — одна из центральных в песнях военных советников, оказывавших помощь вьетнамскому народу в его борьбе против агрессии США [там же]. Долг перед Родиной — важный мотив солдатских песен воинов-интернационалистов в Афганистане (например: [Липатов, 2009: 107]).

²⁷ «Летят перелетные птицы» (М. Блантер; М. Исаковский, 1948); «Родина» (С. Туликов; Ю. Полухин, 1960); «Россия моя, золотые края» (С. Островой; С. Туликов, 1961); «Гляжу в озера синие» (Л. Афанасьев; И. Шаферан, 1971).

²⁸ Примечательно, что эта любовь претерпевает эволюцию. Во многих песнях, начиная с 1960-х гг., сыновнюю и дочернюю любовь сменяет высокая эротика, для которой характерно более личное, интимное отношение к стране; она нередко описывается как любимая женщина («доверчивая», «застенчивая», «синеокая» и др.), сравнивается с Алenuшкой.

²⁹ «“Спасибо” скажем Родине» (Е. Тиличьева, А. Шибицкая, 1958).

³⁰ «Летят перелетные птицы» (М. Блантер; М. Исаковский, 1948).

³¹ «Моя Родина» (А. Долуханян; М. Лисянский).

³² Б. Александров; С. Михалков, 1954.

³³ «Гимн Группы советских войск в Германии» (М. Блантер; В. Андрианов, 1950-е).

Во имя Родины совершали подвиги не только боевые, но и трудовые («Товарищ, товарищ! В труде и в бою / Храни беззаветно Отчизну свою!»³⁴). Особым видом трудового подвига было покорение космоса, и здесь также речь идет о выполнении долга перед страной: «Мы знаем точно — скоро построим звездолет, / Который к дальним звездам отряд наш поведет. / И в том далеком мире, куда мы полетим, / Отчизны нашей знамя навеки водрузим»³⁵.

Помимо прочего, победа в космической гонке была свидетельством успешности самого социалистического строя. Специфика холодной войны заключалась в том, что советско-американское противостояние было не только соперничеством в военных или экономических вопросах, но и «борьбой за сердца и умы». Поэтому огромное значение имели те соревнования, которые были призваны показать превосходство образа жизни в целом, его способность создавать наилучшие условия для развития человека, науки, культуры, экономики. Это отражено в спортивных песнях, в которых любовь к Родине, стремление укрепить ее международный престиж объявляются важнейшим мотивом достижений спортсменов СССР, как, например, в двух известных композициях, написанных в разные периоды холодной войны: «Спортивном марше» («Во всех забегах, во всех заплывах / Мы неустанно умножаем славу Родины своей!»)³⁶ и «Героях спорта» («Шествуй на Олимп гордо, / К солнечной стремись награде / Ради красоты спорта, / Родины своей ради!»)³⁷.

Наконец, даже учеба школьников воспевалась в качестве выполнения долга перед Родиной: «Отдаем мы любимой Отчизне своей / И учебу и труд, / Пионерские песни, пионерские песни, / Пионерский салют!»³⁸

Образ врага

Еще одной важнейшей темой имагологии холодной войны был образ врага. Противостояние внешним и внутренним врагам рассматривалось в качестве защиты Советской Родины. Враг номер один — это американский империализм, который стремится к порабощению СССР, установлению господства над миром, сохранению несправедливого общественного порядка, построенного на эксплуатации человека человеком и колониальном грабеже. Цель врага обозначается определенно и в песнях: «И помешать нам в победном движении / Пусть не пытается враг!»³⁹ И если Советский Союз — это «знаменосец мира»⁴⁰, то правящие

³⁴ «Весенний марш» (И. Дунаевский; С. Михалков, 1947).

³⁵ «Гагаринское звено» (неизвестные авторы, 1969).

³⁶ «Спортивный марш» (М. Блантер; Я. Хелемский, 1952).

³⁷ «Герои спорта» (А. Пахмутова; Н. Добронравов, 1972).

³⁸ «Если петь нам о Родине...» (А. Долуханян; В. Семернин, 1960).

³⁹ «Партия — наш рулевой» (В. Мурадели; С. Михалков, 1952).

⁴⁰ Одна из наиболее известных песен исследуемого периода «Хотят ли русские войны?» (Э. Колмановский; Е. Евтушенко, 1962), направленная на разоблачение мифа о советской угрозе, обращена к американцам. Именно они должны вспомнить совместную битву СССР и США с нацизмом; они не могут не подтвердить то, что СССР не хочет войны: «Спросите тех, кто воевал, / Кто вас на Эльбе обнимал / (Мы этой памяти верны), / Хотят ли русские, хотят ли русские, / Хотят ли русские войны».

круги стран Запада во главе с США — это «поджигатели войны»: для сохранения своего господства «люди без души, кровью торгаши»⁴¹ стремятся развязать новую глобальную бойню.

Образ «врага номер один» в песнях представлен меньше, чем в других видах массовой культуры, и при этом лишь немногие произведения прямо называют США⁴². Иногда используется косвенное указание (в песне «Кончайте разбой!» речь идет о «заморских пиратах»⁴³, в «Марше ракетчиков» — о «заморском налетчике»⁴⁴, а в композиции «В защиту мира» звучит такое предостережение: «Вновь богачи раздувают пожар / Миру готовят смертельный удар»⁴⁵). Чаше враг представлен образно; нередко привлекается животная метафора: упоминаются «звериные тропы», «звериная злоба», «стаи черных воронов», «коршуны»⁴⁶.

«Снова в час ночной / Тучи над Землей / Хочет враг собрать»⁴⁷ — опасность для Советской Родины репрезентируется достаточно выразительно. Важное значение при создании образа врага имеет символ детства, и угроза детям в песнях показана особенно отчетливо [Riabova, 2024]⁴⁸. Однако социальный оптимизм советской идеологии требовал, чтобы в песнях выражалась уверенность в том, что мир удастся сохранить, а врагу в случае необходимости будет нанесен сокрушительный удар: «И напрасно свора людоедская / Угрожает счастьем твоему: / Мы тебя, земля моя советская, / Не дадим в обиду никому!»⁴⁹

«Госпожа чужбина»

Ценность Родины для советских людей показывалась и за счет противопоставления ее чужбине, а также при помощи описания той ностальгии, которую они испытывают, находясь вдалеке от своей страны. Хотя и в годы «борьбы с низкопоклонством перед Западом» ксенофобия не воспевается⁵⁰ и достоинства других стран признаются (как признается и то, что патриотизм представляет собой естественное чувство человека⁵¹), советский человек не может не тосковать по Родине, даже любясь красотами других земель. Выразительные образы подобных переживаний были созданы во многих известных песнях (скажем: «И не

⁴¹ «Мы за мир» (С. Туликов; А. Жаров, 1948).

⁴² «Про советский атом. Солдатская песня» (В. Мурадели; С. Михалков, 1951); «Как веревочка ни вьется...» (Б. Александров; С. Михалков, 1952) и др.

⁴³ А. Новиков; В. Харитонов, 1960.

⁴⁴ А. Новиков; М. Вершинин, 1959.

⁴⁵ В. Белый; И. Френкель, 1948.

⁴⁶ «С добрым утром, Родина!» (Ф. Маслов; А. Пришелец, 1950); «Наша сила в деле правом» (В. Захаров; С. Михалков, 1951); «Далеко-далеко» (Г. Носов; А. Чуркин, 1950); «Летите, голуби» (И. Дунаевский; М. Магусовский, 1951).

⁴⁷ «Мы за мир» (С. Туликов; А. Жаров, 1948).

⁴⁸ «Наша сила — в деле правом» (В. Захаров; С. Михалков, 1951).

⁴⁹ «Посмотрю я в это утро раннее» (К. Молчанов; М. Исаковский, 1953).

⁵⁰ Так, в «Плане мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма» (1947) подчеркивалось: «Чувство гордости советских людей за свою Родину лишено всякой национальной ограниченности. Советские люди умеют ценить заслуги других народов...» [План мероприятий... , 1947: 113].

⁵¹ См., например: «О Родине песню пою» (Г. Носов; А. Чуркин, 1957).

было горше печали, / Чем жить от тебя вдалеке»⁵²). В первые послевоенные годы несколько песен было написано от имени тех, кто побывал во многих странах, однако «не оставил там души ни крошечки», как уверяет аудиторию «Морская песенка», исполненная М. Бернесом. В ней есть и такие строки: «Бананы ел, пил кофе на Мартинике, / Курил в Стамбуле злые табаки, / В Каире я жевал, братишки, финики — с тоски, / Они, по мненью моему, горьки, / Они вдали от Родины горьки»⁵³.

В контексте нашего исследования особую значимость имеют песенные образы эмигрантов. Тема эмиграции играла заметную роль в «борьбе за сердца и умы»: пропагандистские машины обеих сверхдержав использовали случаи побега на противоположную сторону «железного занавеса» в качестве доказательства превосходства собственного образа жизни [Рябов и др., 2023]. Поэтому было важно создать образ эмигранта, который либо недостоин великой Родины, либо тоскует о ней и хочет вернуться.

В то время как советский человек — всемогущий («Все смогу, Я все на свете смогу, / Если ты со мною, страна»⁵⁴), эмигранты и прочие внутренние «чужие» — жалкие и слабые, и их политическая или идеологическая инаковость обнаруживает себя в отношении к Родине. Так, в резолюции собрания московских писателей о деле Б. Пастернака говорится: «Пусть незавидная судьба эмигранта-космополита, предавшего интересы Родины, будет ему уделом!» (цит. по: [Рябов, 2007: 211]).

Два образа противопоставлены в песне «Летят перелетные птицы», которая стала первой музыкальной композицией холодной войны, посвященной проблеме эмиграции: «Летят перелетные птицы / Ушедшее лето искать. / Летят они в жаркие страны, / А я не хочу улетать»⁵⁵. Параллели с этой известной песней очевидны в произведении, появившемся уже в другую эпоху: «Хоть та земля теплей, / А Родина милей, / Милей — запомни, / Журавленок, это слово»⁵⁶.

Песня «Смоленский мальчишка Иван»⁵⁷ рассказывает о юных гражданах СССР, которые не по своей воле оказались после войны на чужбине. В этой композиции создается выразительный образ мальчика, который «войной от России отринутый» бродит по «Нью-Йорку холодному», глядит «на небо недоброе» и верит заученным, «чужим», иностранным словам о том, что у него больше нет родины. Мальчишка там — «запуганный», «он горбится в молчании», «За годы скитаний измученный, издерганный, приученный / При встрече здороваться левою, / А правую руку — в карман...». Песня, однако, оставляет надежду на то, что Иван все же поймет, что «Родина есть у него», и вернется домой.

⁵² «Летят перелетные птицы» (М. Блантер; М. Исаковский, 1948).

⁵³ Н. Богословский; В. Дыховичный, М. Слободской, 1949. См. также: «Ходили мы походами» (К. Листов; А. Жаров, 1947 или 1948); «В дальнем рейсе» (Ю. Левитин; Н. Лабковский, 1948) и др.

⁵⁴ «Торжественная песня» (М. Магомаев; Р. Рождественский, 1973).

⁵⁵ М. Блантер; М. Исаковский, 1949.

⁵⁶ «Журавленок» (Э. Колмановский; И. Шаферан, 1968).

⁵⁷ А. Основиков; Л. Дербенев, 1961.

Проблеме эмиграции посвящены многие кинофильмы, и в них для создания образа эмигранта нередко привлекались песни. В «Ночном патруле» (реж. В. Сухобоков, 1957) «Песню о Родине» исполняет М. Бернес от имени Павла Обручева — вора-«медвежатника» по кличке «Огонек», который во время войны попал в плен, затем в лагерь для перемещенных лиц, оказался в эмиграции, стал Майклом Рестоном, по всей вероятности гражданином США. Но, как следует из его рассказа, несмотря на уголовное прошлое и отсутствие симпатий к советской власти, он не соглашается принять настойчивые предложения представителя западных спецслужб стать шпионом. Все годы эмиграции он жил с мечтой вернуться на Родину и, оказавшись в Советском Союзе, решает покончить с уголовным прошлым: «Нету свету, / Счастья нету / Посреди чужих людей. / Даже птице / Не годится / Жить без родины своей!»⁵⁸

Тоскует по Родине и русский эмигрант в западном разведцентре — один из эпизодических персонажей фильма «Ошибка резидента» (реж. В. Дорман, 1968). Именно в его исполнении зритель впервые слышит песню «Я в весеннем лесу пил березовый сок»: «Зачеркнуть бы всю жизнь да с начала начать, / Полететь к ненаглядной певунье своей! / Да вот только узнает ли Родина-мать / Одного из пропащих своих сыновей?»⁵⁹

Наконец, отметим еще одну группу советских песен, которые исполняются от лица эмигрантов. Следует подчеркнуть, что для советской культуры конца 1960-х характерна тенденция переосмысления опыта русской эмиграции. Менее враждебным стало изображение представителей царской России, в том числе из среды белой эмиграции. Едва ли советского патриота могли оставлять равнодушными слова, которые в фильме «Бег» (реж. А. Алов, В. Наумов, 1970) произносит герой М. Ульянова, белогвардейский генерал Григорий Чарнота, волею судеб оказавшийся в Париже: «При желании можно выклянчить все: деньги... славу... власть... Но только не Родину, господа! Особенно такую, как моя...» Исполнение песни «Русское поле» В. Ивашовым, играющим роль белого офицера в «Новых приключениях неуловимых» (реж. Э. Кеосаян, 1968), призвано показать, что Родина является ценностью для всех русских — даже для тех, кто оказался на «неправильной стороне» истории: «Здесь Отчизна моя, / И скажу, не тая: / “Здравствуй, русское поле, / Я твой тонкий колосок”»⁶⁰. «Ваше благородие, госпожа чужбина, / Жарко обнимала ты, да только не любила» — так в песне из «Белого солнца пустыни» (реж. В. Мотыль, 1969) выразил свою боль другой представитель царской России — таможенник Павел Верещагин, оказавшийся вдали от родных мест⁶¹.

Ностальгия этих киноперсонажей, безусловно, вносила вклад в легитимацию любви к Родине, в том числе советского патриотизма. Вместе с тем размывание символических границ между Советской Россией и Российской империей, очевидно, вело к ослаблению коммунистической идеологии, что в какой-то мере определило ту легкость, с которой произошел отказ от нее в период перестройки.

⁵⁸ А. Эшпай; Л. Ошанин, 1957.

⁵⁹ Е. Агранович, 1954—1968.

⁶⁰ Я. Френкель; И. Гофф, 1968.

⁶¹ «Ваше благородие, госпожа удача» (И. Шварц; Б. Окуджава, 1969).

Заключение

Массовая песня выступала одним из орудий «культурной холодной войны», внося заметный вклад в укрепление советской идентичности, формирование образов Советской Родины и советского народа, представлений о нерушимой дружбе народов, нормах и ценностях советского образа жизни, об успехах в труде, науке, культуре и спорте, о солидарности с трудящимися всей планеты, счастливым детстве.

Именно песня в период холодной войны в наибольшей степени воплощала тот образ Родины, который соответствовал и задачам пропаганды, и общественным настроениям, и личным переживаниям. Песня создавала возможность выразить всю палитру чувств, которые вызывал этот символ: любовь, долг, благодарность, восхищение, боль, гордость, веру в будущее, память о павших. Семантика материнского образа страны позволяла подчеркивать в песне те ценности, которые СССР отстаивал в идеологическом соперничестве с США. Символ Родины вносил значительный вклад в легитимацию таких концептов, как морально-политическое единство советского народа; коллективизм, противостоящий западному индивидуализму; дружба народов; преданность советской власти (при этом Родина становится со временем более человечной и менее связанной с государством). В борьбе за мир этот символ был особо востребованным, выступая в роли аргумента в соревновании с Западом за статус морального лидера человечества. Отдельные произведения подчеркивали не просто миролюбие страны, но также материнское бескорыстие, доброту, а то и жертвенность Советской Родины, представляя главной целью ее внешней политики заботу о всех народах мира (в уже упомянутой в статье песне речь идет даже о святости: «Я горжусь тобой, советская страна. / Жизнь твоя святому подвигу равна. / Это счастье, что судьбою / Ты мне в матери дана!»⁶²).

Таким образом, использование символа Советской Родины вносило новые черты в холодную войну, позволяя представить ее как не только идеологическое, но и национальное по своей природе противостояние. Сложно в полной мере понять содержание этого противостояния, не принимая во внимание значимость материнского символа страны, история которого начинается еще в доимперский период России. Этот кейс в то же время показывает, что для реализации задач холодной войны массовая культура производила ресемантизацию образов, созданных в другие временные периоды и в других культурных контекстах, акцентируя внимание на одних значениях и игнорируя другие. В свою очередь, культ Советской Родины не мог не оказывать влияние на восприятие ценности материнства, способствуя тому, что прежде всего женщина-мать считалась идеальной советской женщиной; иными словами, образ Родины выступал одним из факторов гендерных отношений в советском обществе.

Отметим еще одну ипостась идеи Родины-матери, которая находит выражение в советской песне, — образ матери-Земли, появившийся как результат эволюции советской идентичности и открытия космической эры человечества

⁶² «Я о Родине пою» (С. Туликов; Н. Доризо, 1981).

в период «оттепели». Своей популярностью этот образ в немалой степени обязан полету Юрия Гагарина. Уже в первых сообщениях о полете появились характеристики героя как сына не только Родины, но и Земли. Это отразилось и в песнях; наиболее известный пример — композиция «Знаете, каким он парнем был», где Гагарин назван «сыном Земли и звезд»⁶³. Планета Земля как мать всех людей — эта тема становится достаточно заметной с начала 1960-х гг. Так, на песню «Я — Земля» был снят один из первых советских музыкальных клипов, где О. Воронец в образе матери-Земли обращалась к космонавтам: «Я — Земля! / Я своих провожаю питомцев, / Сыновей, дочерей. / Долетайте до самого Солнца / И домой возвращайтесь скорей!»⁶⁴ Примечательно, что в этих песнях образ Земли создается при помощи тех же характеристик, что и образ Советской Родины. Причем происходит перемещение символических границ: важнейшим становится то, что объединяет представителей всех стран, — их принадлежность к человеческому роду; пролетарский интернационализм уходит на второй план. Вместе с тем это не означало отказа от коммунистической идеологии; скорее, это результат эволюции советскости, развитие идеи советского мессианизма, которая, как показывает В. Журавлева, являлась значимым фактором холодной войны [Журавлева, 2022]. Полномочным представителем единого человечества видится советский человек; коммунизм же — подлинное лицо человечества, которое и должно быть явлено в контактах с внеземными цивилизациями. Однако исследование образа матери-Земли в культуре холодной войны — это тема отдельной статьи.

В период перестройки деконструкции подвергаются символы советской эпохи, включая символ Родины [Рябов, 2007], что нашло отражение и в песнях, и мы завершим статью упоминанием двух из них. Песня группы ДДТ противопоставляет Родину и государство, что является распространенным приемом делегитимации власти в России, начиная с дореволюционных времен [Рябов, 2017]: «Родина! / Еду я на Родину. / Пусть кричат: “Уродина!”, / А она нам нравится, / Хоть и не красавица. / К сволочи доверчива, / Ну, а к нам — тра-ля-ля-ля... / Эй, начальник!»⁶⁵ В песне А. Пахмутовой и Н. Добронравова «Остаюсь» (1991) образ Родины также далек от рассмотренного в статье советского канона, однако она проникнута другим настроением: «Вот пришло письмо издалека, / Где живут богато и свободно. / Пусть судьба страны моей горька, — / Остаюсь с обманутым народом. <...> Слышен звон чужих монастырей: / Снова мы себя переиначим. / На обломках Родины моей / Вместе соберемся и поплачем»⁶⁶. Наверное, одна из характерных черт отечественного патриотизма как раз и заключается в том, что в его основе не только восхищение родной страной, но и жалость к Родине, сострадание к ней. И эта способность сопереживать Родине всегда помогает мобилизации ее «сыновей» и «дочерей», выступая источником жизнеспособности российского общества.

⁶³ А. Пахмутова; Н. Добронравов, 1971.

⁶⁴ В. Мурадели; Е. Долматовский, 1962. См. также: «Земля, земля» (А. Бабаев; В. Семернин, 1962) и др.

⁶⁵ «Родина» (Ю. Шевчук, 1989).

⁶⁶ А. Пахмутова; Н. Добронравов, 1991.

Список источников

- Амент С.* Допеть до победы! Роль песни в советском обществе во время Второй мировой войны. СПб.: БиблиоРоссика, 2021. 414 с.
- Гюнтер Х.* Поющая Родина: (советская массовая песня как выражение архетипа матери) // Вопросы литературы. 1997. № 4. С. 46—61.
- Дружкин Ю. С.* Песня как социокультурное действие. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2013. 226 с.
- Журавлева В. И.* «Крокодил» против Дяди Сэма: американский Другой в советской карикатуристике в начале холодной войны (1947—1960) // История. 2022. № 9. URL: <https://history.jes.su/s207987840022753-7-1/> (дата обращения: 20.09.2023).
- Лескинен М. В.* Среди богатырей и дев: работа М. О. Микешина над визуальным образом России-матушки // Художественная культура. 2023. № 2. С. 268—303.
- Липатов В. А.* Солдатские песни о локальных войнах и конфликтах второй половины XX в. // Уральский исторический вестник. 2009. № 3. С. 105—112.
- План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма, 1947 // Сталин и космополитизм, 1945—1953: документы Агитпропа ЦК / под ред. Д. Г. Наджафова. М.: Материк, 2005. С. 110—116.
- Подвиг Сталинграда бессмертен. Открытие памятника-ансамбля на Мамаевом кургане // Красная звезда. 1967. 17 октября.
- Рябов О. В.* «Россия-Матушка»: национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart; Hannover: Ibidem, 2007. 290 с.
- Рябов О. В.* «Родина-мать» в революционной карикатуре начала XX в.: легитимация и делегитимация власти // Женщина в российском обществе. 2017. № 2. С. 84—97.
- Рябов О. В., Белов С. И., Давыдова О. С., Кубышкин А. И., Рябов Д. О., Рябова Т. Б., Смирнов Д. Г., Спутницкая Н. Ю., Юдин К. А.* «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
- Рябова Т. Б.* Стереотипизация как оружие пропаганды холодной войны: воинская маскулинность в советской песне // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13, № 4. С. 90—106.
- Сандомирская И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. 296 с.
- Смит Э.* Национализм и модернизм: критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.
- Степанова Е. А.* «Все проходит. Остается Родина — то, что не изменит никогда»: образ Родины в советской песне // Лабиринт: журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 28—42.
- Тяжелыникова В. С.* Советская песня и формирование новой идентичности // Отечественная история. 2000. № 1. С. 174—181.
- Adorno T.* On popular music (with the assistance of G. Simpson) // On Record: Rock, Pop, and the Written Word / ed. by S. Frith, A. Goodwin. Routledge, 1990. P. 256—267.
- Hubbs J.* Mother Russia. The Feminine Myth in Russian Culture. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1988. 302 p.
- Riabova T. B.* «May There Always Be Sunshine!»: a symbol of childhood in Soviet and American Cold War songs // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. № 1. С. 16—25.
- Schmelz P. J.* Introduction: music in the Cold War // Journal of Musicology. 2009. Vol. 26. P. 13—16.

References

- Adorno, T. (1990) On popular music (with the assistance of G. Simpson), in: Frith, S., Goodwin, A. (eds), *On Record: Rock, Pop, and the Written Word*, Routledge, pp. 256—267.
- Ament, S. (2021) *Dopet' do pobedy! Rol' pesni v sovetskom obshchestve vo vremia Vtoroi mirovoi voyny* [Sing to the victory! Song in the Soviet society during World War II], St. Petersburg: BiblioRossika.
- Druzhkin, Iu. S. (2013) *Pesnia kak sotsiokul'turnoe deistvie* [Song as social and cultural act], Moscow: Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniia.
- Giunter, Kh. (1997) Poiushchaia Rodina: (Sovetskaia massovaia pesnia kak vyrazhenie arkhetaipa materi) [Singing Motherland: (Soviet mass song as an expression of the mother archetype)], *Voprosy literatury*, no. 4, pp. 46—61.
- Hubbs, J. (1988) *Mother Russia. The Feminine Myth in Russian Culture*, Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.
- Leskinen, M. V. (2023) Sredi bogatyrei i dev: rabota M. O. Mikeslina nad vizual'nym obrazom Rossii-matushki [Among bogatyrs and maidens: visual images of the Mother Russia in Mikhail O. Mikeslin's work], *Khudozhestvennaia kul'tura*, no. 2, pp. 268—303.
- Lipatov, V. A. (2009) Soldatskie pesni o lokal'nykh voynakh i konfliktakh vtoroi poloviny XX v. [Soldier songs about local wars and conflicts of second half of XX century], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 3, pp. 105—112.
- Plan meropriiatiĭ po propagande sredi naseleniia idei sovetskogo patriotizma, 1947 (2005) [The plan on reinforcement of the Anti-American propaganda among the Soviet population, 1947], in: Nadzhafov, D. G. (ed.), *Stalin i kosmopolitizm, 1945—1953: Dokumenty Agitpropa TsK*, Moscow: Materik, pp. 110—116.
- Podvig Stalingrada bessmertn. Otkrytie pamiatnika-ansambliia na Mamaevom kurgane (1967) [Podvig of Stalingrad is immortal. Opening of monuments of the ensemble on the Mamayev Hill], *Krasnaia zvezda*, October 17.
- Riabov, O. V. (2007) “Rossiia-Matushka”: natsionalizm, gender i voĭna v Rossii XX veka [“Mother Russia”: nationalism, gender and war in the 20th century], Stuttgart, Hannover: Ibidem.
- Riabov, O. V. (2017) “Rodina-mat” v revoliutsionnoi karikature nachala XX v.: legitimatsiia i delegitimatsiia vlasti [The “Motherland” in the revolutionary caricature of early XX c.: legitimation and delegitimation of power], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 84—97.
- Riabov, O. V., Belov, S. I., Davydova, O. S., Kubyshkin, A. I., Riabov, D. O., Riabova, T. B., Smirnov, D. G., Sputnitskaia, N. Iu., Iudin, K. A. (2023) “Vrag nomer odin” v simvolicheskoi politike kinematografii SSSR i SShA perioda kholodnoi voiny [“Enemy number one” in the symbolic politics of the cinematographies of the USSR and the USA during the Cold War], Moscow: Aspect Press.
- Riabova, T. B. (2022) Stereotipizatsiia kak oruzhie propagandy kholodnoi voiny: voinskaia maskulinnost' v sovetskoĭ pesne [Stereotyping as a weapon of Cold War propaganda: military masculinity in Soviet songs], *Sotsial'naiia psikhologiia i obshchestvo*, vol. 13, no. 4, pp. 90—106.
- Riabova, T. B. (2024) “May There Always Be Sunshine!”: a symbol of childhood in Soviet and American Cold War songs, *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia 4, Istoriia, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniia, no. 1, pp. 16—25.
- Sandomirskaia, I. (2001) *Kniga o Rodine. Opyt analiza diskursivnykh praktik* [The book about the Motherland: the experience of analyzing discourse practices], Wien.
- Schmelz, P. J. (2009) Introduction: Music in the Cold War, *Journal of Musicology*, vol. 26, pp. 13—16.

- Smit, È. (2005) *Natsionalizm i modernizm: Kriticheskiĭ obzor sovremennykh teoriĭ natsiĭ i natsionalizma* [Nationalism and modernism: A critical survey of recent theories of nations and nationalism], Moscow: Praksis.
- Stepanova, E. A. (2015) “Vsë prokhodit. Ostaëtsia Rodina — to, chto ne izmenit nikogda”: obraz Rodiny v sovetskoĭ pesne [“Everything passes. Only Motherland remains, the one which would never be unfaithful”: image of Motherland in Soviet song], *Labirint: Zhurnal sotsial’no-gumanitarnykh issledovaniĭ*, no. 4, pp. 28—42.
- Tiazhel’nikova, V. S. (2000) Sovetskaia pesnia i formirovanie novoĭ identichnosti [Soviet song and creating new identity], *Otechestvennaia istoriia*, no. 1, pp. 174—181.
- Zhuravleva, V. I. (2022) “Krokodil” protiv Diadi Sëma: amerikanskiĭ Drugoĭ v sovetskoĭ karikaturistike v nachale kholodnoĭ voĭny (1947—1960) [“Krokodil” against Uncle Sam: the American Other in Soviet cartoons at the beginning of the Cold War (1947—1960)], *Istoriia*, no. 9, available from <https://history.jes.su/s207987840022753-7-1/> (accessed 20.09.2023).

Статья поступила в редакцию 09.12.2023; одобрена после рецензирования 29.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 09.12.2023; approved after reviewing 29.12.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Рябов Олег Вячеславович — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabov1@inbox.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Leading Researcher, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

Рябова Татьяна Борисовна — доктор социологических наук, профессор кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, riabova2001@inbox.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 23—39.

Woman in Russian Society. 2024. No. 1. P. 23—39.

Научная статья

УДК 316.346.2(519.5)

DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.2

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ:
ИНДЕКС ОСЕВЫХ ИНСТИТУТОВ

Софья Михайловна Ребрей, Виктория Витальевна Богачева

Московский государственный институт международных отношений (университет),
Министерство иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, sofia rebrey@gmail.com

Аннотация. Республика Корея входит в число развитых экономик, претендующих на мировое лидерство на рынках высокотехнологической продукции и в области научно-технических достижений. Однако при этом страна известна широкой распространенностью дискриминирующих практик и уязвимым положением женщин. Настоящее исследование посвящено измерению положения женщин в Южной Корее в осевых институтах (семья и рынок труда, образование и наука, государственное и корпоративное управление), а также выявлению эффективных практик государственной политики по борьбе с неравенством и его последствиями.

Ключевые слова: гендерное равенство, индекс осевых институтов, неоплачиваемый труд, баланс «работа — семейная жизнь», женщины в науке, женщины в управлении, Республика Корея

Для цитирования: Ребрей С. М., Богачева В. В. Положение женщин в Республике Корея: индекс осевых институтов // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 23—39.

Original article

WOMEN'S POSITION IN THE REPUBLIC OF KOREA: AN AXIAL INSTITUTIONS INDEX

Sofia M. Rebrey, Viktoriya V. Bogacheva

Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation, sofiarebrey@gmail.com

Abstract. The Republic of Korea is one of the developed economies claiming world leadership in the markets of high-tech products and in the field of scientific and technical achievements. However, at the same time, the country ranks low in the rankings of gender equality, the problem which is so complex that it affects all spheres of life of South Korean society. This study is concerned with measuring gender equality in South Korea in axial institutions (family and labor market, education and science, state and corporate governance), as well as identifying positive and negative trends in the context of government policies to tackle gender inequality. One of the main results of this study was the identification of predominantly positive trends in the development of gender equality in the Republic of Korea. Since the late 1990s the level of gender equality has been increasing, especially in the field of state and corporate governance, as well as in family and science mostly to pro-equality government policy. In the corporate sector, an additional factor for women's empowerment is a high degree of integration into the global economy and a willingness to cooperate with Western corporations. At the same time, the situation in the labor market is still quite pessimistic: a high level of horizontal segregation and large gaps in participation, wages and income. The phenomenon of double workload and the feminization of poverty remain serious problems in South Korea. Amid the intensification of conservative rhetoric in the political life of the Republic of Korea, the positive dynamics of the last fifteen years in the development of gender equality could be undermined; a solid foundation for equal opportunities has yet to be formed. Today, it is especially important to continue to expand the involvement of fathers and to study the socio-economic consequences of such a rapid transformation of the family model. It is also important to continue to increase the representation of women in state, corporate and academic institutions.

Key words: gender equality, axial institutions index, unpaid work, work —family life balance, women in science, women in governance, Republic of Korea

For citation: *Rebrey, S. M., Bogacheva, V. V. (2024) Polozhenie zhenshchin v Respublike Koreia: indeks osevykh institutov [Women's position in the Republic of Korea: an axial institutions index], Zhenshchina v rossiiskom obshchestve, no. 1, pp. 23—39.*

Искоренение всех форм дискриминации девочек и женщин — одна из основных целей человечества, зафиксированная в пятой цели устойчивого развития¹, что подразумевает достижение равенства прав и возможностей женщин и мужчин, а также равный доступ к ресурсам и благам. Расширение прав и возможностей женщин способствует раскрытию инновационного и технологического потенциала нации в результате, во-первых, эффективного распределения талантов (в соответствии со способностями, а не полом), во-вторых, выравнива-

¹ Цели в области устойчивого развития. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 29.08.2023).

ния баланса «работа — семейная жизнь», что положительно сказывается на качестве ухода за детьми (т. е. человеческом потенциале последующих поколений), укреплении браков и повышении рождаемости. Так, в экономике знаний инклюзивные условия труда, равные условия участия женщин и мужчин в оплачиваемом и неоплачиваемом труде являются важными составляющими и нынешней конкурентоспособности, и будущего потенциала. Это достигается за счет инклюзивной семейной и трудовой политики, адаптированной к нуждам и женщин, и мужчин [Ребрей и др., 2023].

Тем не менее не все развитые экономики характеризуются высоким уровнем равенства. Республика Корея занимает последние места в рейтингах гендерного равенства (например, согласно Всемирному экономическому форуму 2023 г. — 105-е место), что не мешает ей находиться на лидирующих позициях на рынках высокотехнологической продукции.

Настоящее исследование посвящено измерению женских возможностей и сравнению их с мужскими показателями в динамике в Республике Корея на основе индекса осевых институтов (с охватом таких сфер, как семья и рынок труда, образование и наука, государственное и корпоративное управление), а также социально-экономическим последствиям неравенства.

Критический обзор литературы

Связь положения женщин и экономического роста и развития привлекла внимание экономистов в середине прошлого века. Толчком послужила работа Э. Бозеруп о противоречивом влиянии модернизации Африки на положение женщин в сельском хозяйстве [Boserup, 1970]. Многочисленные исследования подтверждают позитивное влияние расширения прав и возможностей женщин на экономический рост и развитие, однако обратная связь не так однозначна. Например, ускоренная индустриализация азиатских экономик, особенно новых индустриальных стран второй и третьей волн, сопряжена с использованием дешевого женского труда в экспортно ориентированных отраслях, что позволяет сокращать издержки труда, повышать конкурентоспособность продукции и позитивно влиять на экономическую динамику [Seguino, 2000, 2010; Bandara, 2015; Kabeer, 2016; Kim et al., 2016; Elson, Seth, 2019; Bertay et al., 2020]. Тем не менее в долгосрочной перспективе плохие условия труда и низкие зарплаты приводят к резкому ухудшению женского здоровья в репродуктивном возрасте и здоровья следующих поколений, т. е. ухудшению качества человеческого капитала. Ухудшение качества человеческого капитала и потенциала также связано с неэффективным распределением талантов [Flouri, Buchanan, 2003; Cabrera et al., 2000; Lamb, 2010], слабой вовлеченностью женщин в системообразующие (осевые) институты, такие как управление и наука.

Ограниченные возможности женщин негативно сказываются не только на качестве человеческого капитала, но и на уровне рождаемости, тогда как расширение прав и возможностей женщин ведет к его росту [Da Rocha, Fuster, 2006; Myrskylä et al., 2011; Lacalle-Calderon et al., 2017; Duvander et al., 2019; Zhou, Kan, 2019]. Повышение рождаемости объясняется ростом вероятности регистрации брака, снижением вероятности разводов и в целом более стабильной атмосферой в

семье, что повышает вероятность рождения вторых и третьих детей и в основном достигается за счет вовлечения отцов в дела семьи [Ребрей и др., 2023].

Волны интереса к исследованию положения женщин в Корее часто совпадают с периодами активизации феминистского движения. С 2015 г. в Южной Корее наблюдается значительный рост интереса, в частности у молодых женщин, к феминистским идеям. Эта тенденция получила название «феминистская перезагрузка». В ее рамках наблюдается и увеличившееся число работ корейских авторов, посвященных феминизму и правам женщин. Многие из них, например Хван Чонми [Hwang, 2019], Ким Чжинсук [Kim, 2021], Сон Чжиэ [Seong, 2016], Со Чонмин и Чхве Соён [Seo, Choi, 2020], обращаются к анализу нынешнего этапа развития корейского феминизма, его истоков и отличительных черт. Большая часть исследователей отмечают особую актуальность изучения положения женщин в корейском обществе сегодня в связи с активной эксплуатацией этой темы южнокорейскими политиками. Другая важная мысль большинства работ связана с комплексностью проблемы как таковой, характерной буквально для всех сфер жизни корейского общества.

Данные и методы

Индикаторы, измеряющие возможности женщин и мужчин в осевых институтах, описывающие разрыв в женских и мужских показателях, отбираются по принципу доступности, понятности, простоты и призваны характеризовать как доступность благ, так и равенство возможностей. Набор индикаторов и источников представлен в таблице 1. Анализ индикаторов дополнен изучением социально-экономической политики и национальной институциональной специфики.

Таблица 1

Осевые институты и индикаторы измерения

Институт	Индикатор — гендерный разрыв	Источник
Семья	Участие в уходе за детьми и другими близкими*	KOSIS (Korean Statistical Information Service)
	Участие в домашнем хозяйстве*	
Рынок труда	Участие в оплачиваемой занятости	МОТ
	Оплата труда	ОЭСР
Образование	Охват первичным, вторичным и третичным образованием	ЮНЕСКО
	Индекс горизонтальной сегрегации в высшем образовании**	
Наука	Доля женщин PhD	ЮНЕСКО
	Доля женщин в управлении наукой	
Государственное управление	Доля женщин в кабинете министров	Всемирный банк
	Доля женщин в парламенте	
Корпоративное управление	Доля фирм с женщинами, входящими в советы директоров	Всемирный банк
	Доля фирм с женщинами — топ-менеджерами	

* Обратный гендерный разрыв (отношение мужских показателей к женским).

** Рассчитывается как среднее арифметическое гендерных разрывов участия в гуманитарных и технических направлениях обучения в бакалавриате.

Результаты исследования

Институт семьи

Глубоко укоренившаяся в культуре и мировоззрении корейцев патриархальная модель семьи серьезно ограничивает возможности кореянок в результате неравномерного распределения домашней нагрузки. Гендерный разрыв во временных затратах на домашний труд в 2019 г. в среднем составлял 3,4, что сопоставимо с уровнем арабских и африканских развивающихся стран. Замужние женщины в среднем тратят 5 часов 24 минуты на неоплачиваемый домашний труд в день, что более чем в 2,5 раза превышает мужские затраты. 97,0 % замужних женщин и чуть более половины женатых мужчин — 57,4 % — заняты домашним трудом. В уходе за детьми и другими близкими участвуют 44,0 % замужних кореянок и всего 22,6 % мужчин, что свидетельствует как о низкой фертильности, так и о малой степени вовлеченности мужчин в уход за ребенком. Основным фактором домашней занятости и разрывов выступает брачный статус: среди незамужних кореянок затраты составляют около 2 часов и равны мужским. Разрыв временных затрат на оплачиваемый труд в браке, напротив, сокращается, формируя самую занятую когорту населения в Южной Корее — работающих матерей, которые тратят более 11 часов в сутки на оплачиваемую и неоплачиваемую занятость, что называется эффектом двойной нагрузки. В оплачиваемой занятости участвуют менее половины замужних женщин — 44,0 %².

Эффект двойной нагрузки влечет целый ряд негативных последствий как для самих женщин, так и для детей, семей, для национальной экономики. Двойная нагрузка приводит к сокращению женских возможностей, деградации здоровья, сокращению доходов, феминизации бедности, горизонтальной и вертикальной сегрегации и обесцениванию женского оплачиваемого труда. Сверхнагрузки неизбежно приводят к снижению качества женского труда, что негативно сказывается в первую очередь на качестве человеческого капитала будущего поколения, а также на его количестве. Рождаемость в Южной Корее самая низкая среди стран ОЭСР: в 2022 г. коэффициент рождаемости составил 0,78³.

² Participation rates in activities by marital status, 2019 // KOSIS. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_2019_019_1TM1041X&vw_cd=MT_ETITLE&list_id=B_9_002_001&scrId=&language=en&seqNo=&lang_mode=en&obj_var_id=&itm_id=&conn_path=MT_ETITLE&path=%252Feng%252FstatisticsList%252FstatisticsListIndex.do (дата обращения: 30.08.2023).

³ Vital statistics of Korea // KOSIS. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1B8000F&vw_cd=MT_ETITLE&list_id=A2_6&scrId=&seqNo=&language=en&obj_var_id=&itm_id=&conn_path=A6&path=%252Feng%252Fsearch%252FsearchList.do (дата обращения: 29.08.2023).

Тем не менее наблюдается устойчивая позитивная динамика и постепенное выравнивание гендерного дисбаланса в распределении домашнего труда, что является результатом последовательной политики по вовлечению отцов в домашний неоплачиваемый труд.

Для стимулирования рождаемости правительство еще в 1995 г. вводит непередаваемый отцовский отпуск по уходу за ребенком (подробнее см. табл. 2), а в 2001 г. делает его оплачиваемым [Kim, Lundqvist, 2023]. Непередаваемый отцовский отпуск остается очень коротким и составляет всего 10 дней (был увеличен с 3 дней) [Information on the Implementation... , 2022]. Другим инструментом повышения отцовского участия выступает гибкий годовой отпуск по уходу за ребенком: первые 3 месяца годового отпуска родителю выплачивается 80 % заработка, в последующие 9 месяцев — 50 %. Однако в случае, когда родители по очереди берут отпуск по уходу за ребенком, пособие за первые 3 месяца, взятые вторым родителем, увеличивается до 100 % заработка. Обычно первыми из родителей уходят в отпуск женщины, следовательно, данная мера направлена именно на поддержку участия мужчин в процессе воспитания детей. Эти дополнительно оплачиваемые месяцы даже получили неофициальное название «папины месяцы» (appaui dal / 아빠의 달) [Kim, 2020]. Такая политика оказалась очень результативной: в 2021 г. доля отцов среди родителей, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, составила 22,7 %⁴ по сравнению с 13,4 % в 2018 г. и 2,0 % в 2010 г. [ibid.]. Для сравнения: в Японии доля мужчин, уходящих в отпуск для ухода за ребенком, значительно меньше — 15,3⁵. Число корейских родителей, воспользовавшихся «папиными месяцами», также выросло на 48,2 % (с 6606 чел. в 2018 г. до 9796 чел. в 2019 г.). При этом подавляющая их часть — 87,8 % — отцы. В случае если мужчина уходит в отпуск по уходу за ребенком, он в среднем находится в нем 6,6 месяцев: порядка 40 % — менее 3 месяцев, 39 % — 9—12 месяцев. Женщины чаще берут более продолжительный отпуск: 9—12 месяцев выбирают более 70 % матерей, менее 3 месяцев — лишь 10 % [ibid.].

Женщины в Корее продолжают неохотно брать отпуск по уходу за ребенком. В 2019 г. доля женщин, воспользовавшихся специальным отпуском по беременности и родам, от общего числа родивших составила примерно 24 % (73 306 чел.). Выделяются три основные причины столь невысокого показателя: низкий уровень полной занятости (многие роженицы не являются трудоустроенными и не могут взять официальный отпуск), ограниченный охват предоставляемого страхования, отсутствие права на подобный отпуск у самозанятых женщин [Kim, 2020].

⁴ Korean fathers miss out on OECD's longest paternity leave // The Korea Herald. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud=20230606000119> (дата обращения: 30.08.2023).

⁵ Ibid.

Таблица 2

**Развитие политики в отношении отпуска по уходу за ребенком
в Республике Корея, 1995—2021 гг.**

Год	Реформа	Цель
1995	Введение неоплачиваемого отпуска по уходу за ребенком для отцов сроком на 1 год (вместо работающих супругов)	Обеспечить равные возможности для мужчин и женщин
2001	Усиление охраны материнства (продлением декретного отпуска с 60 до 90 дней), введение оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком для обоих родителей (с фиксированным пособием в размере 0,2 млн вон)* до тех пор, пока ребенку не исполнится 1 год	Предотвратить снижение уровня рождаемости и повысить гендерное равенство, обеспечить поддержку доходов работникам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком, и содействовать социальному обеспечению
2006	Повышение максимального возраста детей с 1 до 3 лет в качестве периода, когда родители могут взять отпуск по уходу за ребенком	Поощрять использование отпуска по уходу за ребенком
2008	Введение 3-дневного неоплачиваемого отпуска по уходу за ребенком для мужчин	Продвигать культуру гендерного равенства и поощрять мужчин использовать отпуск по уходу за ребенком
2010	Повышение максимального возраста детей до 6 лет в качестве периода, когда родители могут взять отпуск по уходу за ребенком	Повысить коэффициент рождаемости в «преддверии» тенденций низкой рождаемости и старения населения и поощрять экономическую активность женщин путем принятия многогранных мер, способствующих балансу между работой и личной жизнью
2011	Введение пособия по фиксированной ставке за отпуск по уходу за ребенком (40 % от заработной платы, максимальный размер 1 млн вон, минимальный — 0,5 млн)	Расширить возможности для получения отпуска по уходу за ребенком в целях создания условий, способствующих балансу между работой и семейной жизнью
2012	Продление отпуска по уходу за ребенком до 5 дней, с включением оплачиваемого работодателем пособия на полный рабочий день в течение 3 дней	Обеспечить расширенные меры, способствующие балансу между работой и личной жизнью, в ответ на тенденцию к снижению рождаемости и старению общества
2014	Введение системы премиального поощрения для второго лица, берущего отпуск, под названием «папины месяцы» (ограничение в 1,5 млн вон) и повышение максимального возраста детей до 8 лет в качестве периода, когда родители могут взять отпуск по уходу за ребенком	Сократить потерю дохода во время отпуска по уходу за ребенком, поощрять отцов брать отпуск по уходу за ребенком и облегчить обязанности женщин по уходу за детьми

Окончание табл. 2

Год	Реформа	Цель
2016	Продление срока действия премиальных поощрений («папины месяцы») для второго увольняющегося до 3 месяцев	Увеличить использование отцами отпуска по уходу за ребенком
2017	Увеличение пособия по уходу за ребенком в течение первых 3 месяцев до 80 % от заработной платы (с максимальным размером 1,5 млн вон и минимальным 0,7 млн)** и увеличение максимального размера премиальных поощрений для второго лица, взявшего отпуск, до 2 млн вон	Поощрять как мать, так и отца брать отпуск по уходу за ребенком, даже если не полностью, путем увеличения пособий на первые 3 месяца; способствовать созданию условий, гарантирующих равные возможности для получения отпуска по уходу за ребенком и предотвращающих прерывание карьеры женщин
2019	Увеличение пособий по истечении 3 месяцев до 50 % от заработной платы (с максимальной суммой 1,2 млн вон и минимальной — 0,7 млн вон), увеличение максимальной суммы премиальных стимулов для второго работника, берущего отпуск, до 2,5 млн вон и продление отпуска по уходу за ребенком до 10 дней (плата за полный рабочий день разделена между правительством и работодателем)	Свести к минимуму потерю дохода, поощрять использование мужчинами отпуска по уходу за ребенком и максимально увеличить количество времени, которое родители могут проводить с детьми
2020	Введение возможности для обоих родителей одновременно брать отпуск по уходу за ребенком	Поощрять использование отцами отпуска по уходу за ребенком

* Размер пособия увеличился до 0,3 млн вон в 2003 г., 0,4 млн вон в 2004 г. и 0,5 млн вон в 2007 г.

** Размер пособия на оставшееся время был на уровне 40 %, максимальная величина 1 млн вон, минимальная — 0,5 млн вон [Kim, Lundqvist, 2023].

Относительно недавно — в 2008 г. — Южная Корея окончательно отказалась от системы *хожжу* (호주), в соответствии с которой лишь мужчина мог считаться официальным главой семьи. В числе центральных элементов системы был семейный реестр *хожжок* (호적), ранее игравший роль одного из главных документов в семейном праве. В соответствии с данной системой после смерти мужа права наследования переходили его старшему сыну (вне зависимости от его возраста), а не вдове. Девушка, выходя замуж, выписывалась из семейного реестра ее отца и добавлялась в *хожжок* ее мужа, туда же вписывались и их дети. При этом даже в случае развода и сохранения за матерью прав на опеку дети сохраняли фамилию отца и относились к его семейному реестру⁶, а для

⁶ Abolishing the hoju system // The Korea Herald. URL: <https://www.koreaherald.com/view.php?ud= я20050323000033> (дата обращения: 27.02.2023).

оформления любых документов требовалось письменное согласие отца⁷. Отсутствие у пары ребенка-мальчика фактически означало конец рода [Korea's Family Registration Law, 2018].

В 2005 г. корейский Конституционный суд признал данную систему законодательно закрепленным механизмом консервирования передававшейся из поколения в поколение патриархальной семейной структуры⁸. С 2008 г. в Республике Корея действует обновленное семейное законодательство, в соответствии с которым была упразднена система хочжу и реестры хочжок, стало возможным давать детям фамилию матери, а также отчима даже без согласия биологического отца, но при положительном решении суда [ibid.]. Однако на сегодняшний день в обществе сохраняется тенденция, в соответствии с которой в большинстве случаев собственниками имущества являются мужчины⁹, в процессе наследования внутри семей предпочтение чаще отдается сыновьям, а не дочерям.

Южнокорейские женщины сталкиваются с двойным бременем, вынуждающим их уделять меньше время работе и, следовательно, ограничивающим возможность обеспечения полной экономической независимости. Препградой для ее достижения также, повторим, является преимущественное положение мужчин в вопросах собственности на имущество. О тяжелом экономическом положении женщин в южнокорейском обществе свидетельствуют и высокие показатели женской бедности.

По феминизации бедности Республика Корея находится среди лидеров в странах ОЭСР: в 2020 г. 49,3 % женских домохозяйств были на пороге бедности, 42,1 % оставались бедными и 34,5 % — крайне бедными [Kim et al., 2022]. Стоит отметить значительное ухудшение ситуации с 2006 г., тогда данные показатели составляли 34,1, 30,2 и 28,7 % соответственно¹⁰. При этом мужских домохозяйств, переживающих бедность или находящихся далеко за чертой бедности, значительно меньше — менее 20 % [ibid.]. Данные показатели свидетельствуют о низком уровне экономической поддержки нетрадиционных домохозяйств.

Рынок труда

На февраль 2023 г. уровень экономической активности женского населения Республики Корея составил 54,2 %¹¹, что почти на 4 п. п. выше, чем в 2005 г. Несмотря на позитивную динамику, Южная Корея значительно отстает от среднего уровня стран ОЭСР — 65 %¹². Гендерный разрыв в экономической

⁷ Korea: the family registration system («hoju»); who has access to the system and whether or not individuals can access information on other families // Refworld. URL: <https://www.refworld.org/docid/47d6545fc.html> (дата обращения: 27.02.2023).

⁸ Abolishing the hoju system.

⁹ 1인 가구 절반은 ‘가난’... 여성·노인에 더 가혹한 빈곤의 늪 // 한겨레. URL: <https://www.hani.co.kr/arti/society/rights/1087115.html> (дата обращения: 25.07.2023).

¹⁰ Song C. Women in Korea 2020: Statistical Handbook. Korean Women's Development Institute, 2020. P. 62.

¹¹ Economically Active Population Survey in February 2023 / Korea National Statistical Office. Social Statistics Bureau Employment Statistics Division, 2023.

¹² Gender Equality: Korea Has Come a Long Way, but There is More Work to Do. URL: <https://www.oecd.org/country/korea/thematic-focus/gender-equality-korea-has-come-a-long-way-but-there-is-more-work-to-do-8bb81613/> (дата обращения: 21.03.2023).

активности составляет 18 %. Уровень безработицы также, хоть и ненамного, выше среди женщин¹³.

По материалам ОЭСР, по уровню гендерного разрыва в заработной плате на 2022 г. Республика Корея занимает последнее место с показателем 31,1 %. За последние 20 лет он снизился на 10 п. п., но все еще очень далек от среднего уровня стран ОЭСР — 11,9 %¹⁴.

Рынок труда характеризуется высоким уровнем горизонтальной сегрегации и наличием ярко выраженного разделения на мужские и женские отрасли. Например, в обрабатывающей промышленности традиционно работает больше мужчин, однако в пищевой промышленности, гостиничном бизнесе, торговле и образовании выше доля женщин [Lee, 2017: 403].

Образование и наука

Женское население характеризуется более высоким уровнем образования: гендерный разрыв в высшем образовании составляет 120,0 %, а доля женщин среди бакалавров и магистров в 2020 г. — соответственно 52,3 и 53,4 %¹⁵.

Горизонтальная сегрегация в образовании практически отсутствует: на гуманитарных направлениях в 2020 г. большинство составляли женщины — 64,4 %, а на технических мужчины — 55,6 %¹⁶. Доля женщин среди студентов STEM-направлений растет: в 2012 г. она составляла 27,0 %, в 2021 г. — 30,3 %, причем именно за счет инженерного дела, где доля женщин выросла до 22,0 %¹⁷.

В науке женщины составляют всего 19,0 %, хотя докторскую степень получает гораздо большая доля — 38,4 %, на уровне профессуры доля женщин сокращается до 17,7 %. В технических науках положение женщин еще хуже: Республика Корея занимает 3-е место с конца среди стран ОЭСР, обгоняя Японию и Бразилию¹⁸.

Тем не менее в управлении наукой доля женщин существенно выше, чем во многих других странах, и составляет 12,4 % среди ректоров, увеличившись на 4 п. п. за последние 20 лет¹⁹.

Государственное и корпоративное управление

Средняя доля женщин на руководящих должностях в 2022 г. составила 14,6 % при среднем показателе 33,8 % в странах ОЭСР²⁰. Средняя доля женщин на руководящих позициях в компаниях — около 30 %, при этом в фирмах с чис-

¹³ Economically Active Population Survey in February 2023.

¹⁴ Earnings and Wages — Gender Wage Gap — OECD Data. URL: <https://data.oecd.org/earnwage/gender-wage-gap.htm> (дата обращения: 21.03.2023).

¹⁵ Song C. Op. cit. P. 23.

¹⁶ Ibid. P. 22.

¹⁷ 2021 STEM Workforce in Korea: Women and Men in Science, Technology, Engineering and Mathematics. Korea Foundation for Women in Science, Engineering and Technology (WISSET), 2023.

¹⁸ Song C. Op. cit. P. 23.

¹⁹ Ibid.

²⁰ The economist's glass-ceiling index // The Economist. URL: <https://www.economist.com/graphic-detail/glass-ceiling-index> (дата обращения: 21.03.2023).

ленностью сотрудников более 1000 человек эта доля составляла всего 19,0 %, в финансовом секторе — 42,0 %, в обрабатывающей промышленности — 26,0 %, секторе услуг — 24,0 %. Показатель выше в фирмах с иностранными инвестициями и иностранными работниками (34,0 против 28,0 % и 36,0 против 27,0 % соответственно). Доля женщин-руководителей также выше в фирмах с наличием политики обеспечения равных возможностей (35,0 против 24,0 %) [Patterson, Chang, 2016: 14]. Доля женщин в составе советов директоров компаний тоже отстает от среднего показателя для развитых стран и в 2022 г. составила 12,8 %²¹. В советах директоров чеболей — ведущих игроков южнокорейской экономики — обычно 1 или 2 женщины среди 7—13 членов совета.

Уровень политической репрезентации женщин в Республике Корея остается достаточно низким. В результате парламентских выборов 2020 г. депутатами Национального собрания стало самое большое число женщин в истории — 19,0 %²², это разительно отличается от показателя 5,9 % в 2003 г.²³ и стало следствием введения электоральных квот в 2004 г. (не менее 51 % женщин в партийных списках на выборах). Помимо этого, большинство из занявших места в парламенте женщин в 2020 г. были членами двух главных партий: демократической партии «Тобуро» (27) и «Сила народа» (21)²⁴. Более того, из 26 женщин-депутатов, избранных в одномандатных округах, лишь 3 являлись кандидатами не в столичном регионе²⁵, что свидетельствует о гораздо меньшей актуальности и распространенности идей политического участия женщин в жизни страны в регионах.

В исполнительной власти в 2020 г. также зафиксирован рекордный показатель по доле женщин — 33,0 %²⁶. Однако к декабрю 2023 г. число женщин в верхних эшелонах исполнительной власти сократилось до 2: министра окружающей среды Хан Хвачжин и руководителя Министерства малого и среднего бизнеса и стартапов О Ёнчж²⁷. Место главы Министерства гендерного равенства, которое до отставки в сентябре 2023 г. занимала Ким Хёнсук, остается сво-

²¹ Ibid.

²² Five things to know about women and South Korea's 2020 elections // Washington Post. 2020. November 5. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/05/11/five-things-know-about-women-south-koreas-2020-elections/> (дата обращения: 26.03.2023).

²³ 여성 국회의원 비율 // KOSIS. URL: https://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1ZGAE20 (дата обращения: 26.03.2023).

²⁴ Current members // The National Assembly of the Republic of Korea. URL: <https://korea.assembly.go.kr:447/portalEn/assm/membrby/memSearch.do?menuNo=1500086> (дата обращения: 02.05.2023).

²⁵ Women's presence in politics still limited in South Korea // International Knowledge Network of Women in Politics. URL: <https://www.iknowpolitics.org/en/news/world-news/women%E2%80%99s-presence-politics-still-limited-south-korea> (дата обращения: 26.03.2023).

²⁶ Ratio of female lawmakers, ministers in S. Korea hits record high // Yonhap News Agency. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200904007000315> (дата обращения: 26.03.2023).

²⁷ Cabinet // The Official Website of the Republic of Korea. URL: <https://www.korea.net/Government/Administration/Cabinet> (дата обращения: 26.03.2023).

бодным. Доля женщин в судебной системе страны составляет почти треть: на 2022 г. приблизительно 30 % судей являются женщинами, однако их доля среди работников полиции составляет 4 % [Moon, 2022].

Введение электоральных квот стремительно расширяет возможности корейских женщин в государственной власти, тогда как жесткая иерархическая структура корпоративного бизнеса сохраняется на стабильно низком уровне.

Выводы и дискуссия

Хотя положение женщин в Республике Корея остается на достаточно низком уровне, активная политика по расширению прав и возможностей женщин, которой придерживается правительство начиная с конца 1990-х гг. (введение непередаваемого отцовского отпуска и «папиных дней», электоральных квот, увеличение числа женщин в управлении наукой, а также женщин в STEM), показывает впечатляющие результаты: разрывы в женских и мужских возможностях сокращаются, особенно в сфере государственного управления, в семье и науке. Возможности женщин в образовании характеризуются малыми разрывами с мужчинами, что проявляется в крайне низком уровне горизонтальной сегрегации в образовании. Однако рынок труда представляет более печальную картину — с более высоким уровнем горизонтальной сегрегации и большими разрывами в уровне участия, оплате труда и доходах. Думается, что по мере сокращения дисбаланса в семье рынок труда будет предъявлять более схожие требования к женщинам и мужчинам, нивелируя эффект «штрафа за материнство».

Основным драйвером расширения прав и возможностей женщин выступает проактивная политика и увеличение репрезентации женщин во власти на фоне не менее активной политики по стимулированию рождаемости, нацеленной на вовлечение отцов и выравнивание баланса «работа — семейная жизнь».

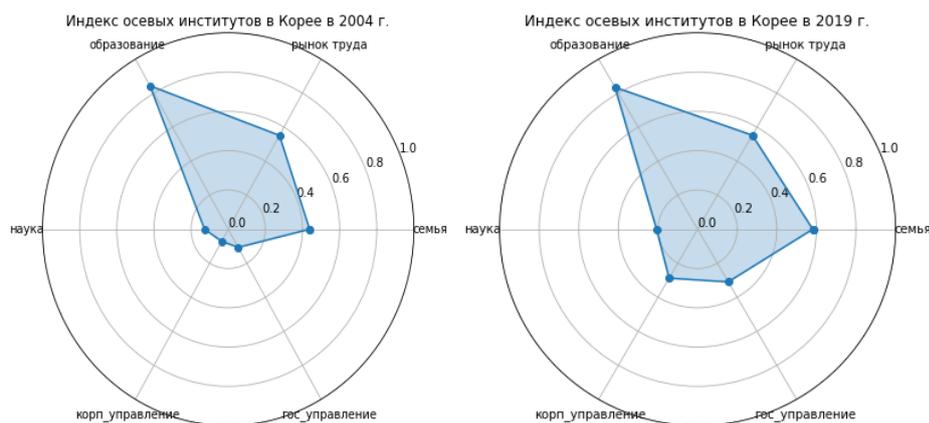
Однако в корпоративном секторе основным драйвером расширения прав и возможностей женщин выступает фактор высокой степени интеграции обрабатывающей промышленности и услуг в глобальную экономику и стремление к партнерству с западными корпорациями. Так, в западных филиалах, работающих на территории Республики Корея, и в международных альянсах доля женщин-руководителей и показатель их участия в принятии решений значительно выше.

Третьим фактором, способствующим позитивной динамике расширения прав и возможностей женщин, выступает наращивание женской представленности в управлении наукой, благодаря чему результаты женских исследований интегрируются как в академический дискурс, так и в формирование социально-экономической политики.

Тем не менее, в сравнении с другими развитыми экономиками, возможности корейских женщин серьезно ограничены, что выражается в феномене двойной нагрузки и феминизации бедности. Препградой для достижения корейками экономической независимости становится также и преимущественное положение мужчин в вопросах собственности как следствие долгое время существовавших дискриминирующих наследственных законов и практик.

В целом положительная динамика последних 15 лет, с одной стороны, характеризуется как значительный прогресс (рис.), с другой — нельзя сказать, что уже сформирован прочный фундамент для равных возможностей.

На данном этапе велики риски отката и консервации традиционных гендерных ролей на фоне все большего вовлечения женщин в оплачиваемый труд, что неизбежно в стареющем обществе. Можно сказать, что корейское общество находится в самом эпицентре трансформации ценностной системы. Ориентация на экономическую эффективность, сверхнизкая рождаемость и стремление к партнерству с западными корпорациями составляют серьезную поддержку эгалитарным ценностям.

Индекс осевых институтов в Республике Корея в 2004 и 2019 гг.
(сост. на основе материалов табл. 1)

Однако иногда именно в пронаталистской политике побеждают ультраправые силы, де-факто заменяя ее на пролайферскую. Примером этой тенденции стали президентские выборы 2022 г., в ходе которых победу одержал представитель консервативных сил, выступавший за разгон Министерства семьи и гендерного равенства, обвинявший женщин, в частности феминисток, в низкой рождаемости и вытекающих из нее экономических проблемах. Президент Юн Согёль не стал воплощать в жизнь свои столь радикальные идеи после вступления в должность. Тема женских прав и возможностей отошла в деятельности его правительства на задний план, особенно в сравнении с активной политикой предыдущего президента-демократа Мун Чжэина в этом направлении.

Таким образом, на современном этапе важно прежде всего продолжать расширять вовлеченность отцов и изучать социально-экономические последствия стремительной трансформации семейной модели. Не менее важно продолжать повышать представленность женщин в институтах государственной, корпоративной и академической власти.

Список источников

- Ребрей С. М., Комиссарова Ж. Н., Киселева И. В., Пастухова Д. Р. Стимулирование рождаемости на фоне расширения прав и возможностей женщин: актуальные инструменты семейной и трудовой политики // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 2. С. 80—93.
- Bandara A. The economic cost of gender gaps in effective labor: Africa's missing growth reserve // *Feminist Economics*. 2015. Vol. 21. P. 162—186.

- Bertay A. C., Dordevic L., Sever C.* Gender Inequality and Economic Growth: Evidence from Industry-Level Data: IMF Working Paper № 20/119. 2020. April. 43 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=3658594> (дата обращения: 22.03.2023).
- Boserup E.* Woman's Role in Economic Development. New York: St. Martin's Press, 1970. 283 p.
- Cabrera N. et al.* Fatherhood in the twenty-first century // *Child Development*. 2000. Vol. 71, № 1. P. 127—136.
- Da Rocha J. M., Fuster L.* Why are fertility rates and female employment ratios positively correlated across O.E.C.D. countries? // *International Economic Review*. 2006. Vol. 47, № 4. P. 1187—1222.
- Duvander A.-Z. et al.* Parental leave policies and continued childbearing in Iceland, Norway, and Sweden // *Demographic Research*. 2019. Vol. 40. P. 1501—1528.
- Elson D., Seth A.* Gender Equality and Inclusive Growth: Economic Policies to Achieve Sustainable Development. New York: UN Women, 2019. 143 p.
- Flouri E., Buchanan A.* The role of father involvement in children's later mental health // *Journal of Adolescence*. 2003. Vol. 26, № 1. P. 63—78.
- Hwang J.-M.* Gendering democracy after democratization in Korea public feminism and politics of identity // *Journal of the Korean Welfare State and Social Policy*. 2019. Vol. 3, № 1. P. 43—65.
- Information on the Implementation of the Agreed Conclusions on «Women's Economic Empowerment in the Changing World of Work» (Republic of Korea). UN Women, 2022. P. 1—6.
- Kabeer N.* Gender equality, economic growth, and women's agency: the «endless variety» and «monotonous similarity» of patriarchal constraints // *Feminist Economics*. 2016. Vol. 22. P. 295—321.
- Kim J., Lee J.-W., Shin K.* A Model of Gender Inequality and Economic Growth. Asian Development Bank, 2016. 30 p.
- Kim H.* Korea country note // *International Review of Leave Policies and Research 2020*. 2020. URL: http://www.leavenetwork.org/lp_and_r_reports/ (дата обращения: 21.03.2023).
- Kim J.* Sticky activism: the Gangnam station murder case and new feminist practices against misogyny and femicide // *Journal of Cinema and Media Studies*. 2021. Vol. 60, iss. 4. P. 37—60.
- Kim T., Han S., Lee J.-M.* Statistical yearbook of poverty 2022 // 한국보건사회연구원. China Statistics Press, 2022. P. 35—82.
- Kim Y., Lundqvist Å.* Parental leave reforms in South Korea, 1995—2021: policy translation and institutional legacies // *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 2023. Vol. 30, iss. 4. P. 1113—1136.
- Korea's Family Registration Law, 2018 / The Law Office of Jeremy D. Morley. URL: <https://www.international-divorce.com/family-registration-law-korea.htm> (дата обращения: 27.02.2023).
- Lacalle-Calderon M. et al.* Fertility and economic development: quantile regression evidence on the inverse J-shaped pattern // *European Journal of Population*. 2017. Vol. 33, № 1. P. 1—31.
- Lamb M. E.* How do fathers influence children's development? Let me count the ways // *The Role of the Father in Child Development*. 5th ed. John Wiley & Sons, 2010. P. 1—26.
- Lee Y.* Women workforce in the Korean context // *International Review of Management and Marketing*. 2017. Vol. 7, iss. 1. P. 403—412.
- Moon K. H.* South Korea's misogyny problem // *East Asia Forum*. 2022. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2022/12/09/south-koreas-misogyny-problem/> (дата обращения: 26.03.2023).
- Myrskylä M., Kohler H., Billari F.* High Development and Fertility: Fertility at Older Reproductive Ages and Gender Equality Explain the Positive Link: MPIDR Working

Paper № 2011-017. 2011. October. 55 p. URL: http://www.researchgate.net/publication/254404965_High_Development_and_Fertility_Fertility_at_Older_Reproductive_Ages_and_Gender_Equality_Explain_the_Positive_Link (дата обращения: 28.03.2023).

- Patterson L., Chang H.* Post-feminism in Korea and its impact on equal opportunity policies on gender gap // *International Journal of Knowledge and Innovation in Business*. 2016. Vol. 3, № 2. P. 1—34.
- Seguino S.* Gender inequality and economic growth: a cross-country analysis // *World Development*. 2000. Vol. 28. P. 1211—1230.
- Seguino S.* Gender, distribution, and balance of payments constrained growth in developing countries // *Review of Political Economy*. 2010. Vol. 22, № 3. P. 373—404.
- Seo J., Choi S.* Introduction // *Journal of Asian Sociology*. 2020. Vol. 49, № 4. P. 371—398.
- Seong J.* Megalia: South Korea, Feminism, and the Internet Walk into a Bar... An STS Analysis of Nascent Korean Feminism. 2016. P. 2—11. URL: https://www.researchgate.net/publication/326331639_Megalia_South_Korea_feminism_and_the_Internet_walk_into_a_bar_An_STS_analysis_of_nascent_Korean_feminism (дата обращения: 26.03.2023).
- Zhou M., Kan M.-Y.* A new family equilibrium? Changing dynamics between the gender division of labor and fertility in Great Britain, 1991—2017 // *Demographic Research*. 2019. Vol. 40. P. 1455—1500.

References

- Bandara, A. (2015) The economic cost of gender gaps in effective labor: Africa's missing growth reserve, *Feminist Economics*, vol. 21, pp. 162—186.
- Bertay, A. C., Dordevic, L., Sever, C. (2020) *Gender Inequality and Economic Growth: Evidence from Industry-Level Data*: IMF Working Paper no. 20/119, April, available from <https://ssrn.com/abstract=3658594> (accessed 22.03.2023).
- Boserup, E. (1970) *Woman's Role in Economic Development*, New York: St. Martin's Press.
- Cabrera, N. et al. (2000) Fatherhood in the twenty-first century, *Child Development*, vol. 71, no. 1, pp. 127—136.
- Da Rocha, J. M., Fuster, L. (2006) Why are fertility rates and female employment ratios positively correlated across O.E.C.D. countries?, *International Economic Review*, vol. 47, no. 4, pp. 1187—1222.
- Duvander, A.-Z. et al. (2019) Parental leave policies and continued childbearing in Iceland, Norway, and Sweden, *Demographic Research*, vol. 40, pp. 1501—1528.
- Elson, D. (2019) *Gender Equality and Inclusive Growth: Economic Policies to Achieve Sustainable Development*, New York: UN Women.
- Flouri, E., Buchanan, A. (2003) The role of father involvement in children's later mental health, *Journal of Adolescence*, vol. 26, no. 1, pp. 63—78.
- Hwang, J.-M. (2019) Gendering democracy after democratization in Korea public feminism and politics of identity, *Journal of the Korean Welfare State and Social Policy*, vol. 3, no. 1, pp. 43—65.
- Information on the Implementation of the Agreed Conclusions on "Women's Economic Empowerment in the Changing World of Work" (Republic of Korea)* (2022), UN Women.
- Kabeer, N. (2016) Gender equality, economic growth, and women's agency: the "endless variety" and "monotonous similarity" of patriarchal constraints, *Feminist Economics*, vol. 22, pp. 295—321.
- Kim, J., Lee, J.-W., Shin, K. (2016) *A Model of Gender Inequality and Economic Growth*, Asian Development Bank.

- Kim, H. (2020) Korea country note, *International Review of Leave Policies and Research 2020*, available from http://www.leavenetwork.org/lp_and_r_reports/ (accessed 21.03.2023).
- Kim, J. (2021) Sticky activism: The Gangnam station murder case and new feminist practices against misogyny and femicide, *Journal of Cinema and Media Studies*, vol. 60, iss. 4, pp. 37—60.
- Kim, T., Han, S., Lee, J.-M. (2022) Statistical yearbook of poverty 2022, *한국보건사회연구원*, China Statistics Press, pp. 35—82.
- Kim, Y., Lundqvist, Å. (2023) Parental leave reforms in South Korea, 1995—2021: policy translation and institutional legacies, *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*, vol. 30, iss. 4, pp. 1113—1136.
- Korea's Family Registration Law* (2018), The Law Office of Jeremy D. Morley, available from <https://www.international-divorce.com/family-registration-law-korea.htm> (accessed 27.02.2023).
- Lacalle-Calderon, M. et al. (2017) Fertility and economic development: quantile regression evidence on the inverse J-shaped pattern, *European Journal of Population*, vol. 33, no. 1, pp. 1—31.
- Lamb, M. E. (2010) How do fathers influence children's development? Let me count the ways, in: *The Role of the Father in Child Development*, 5th ed., John Wiley & Sons, pp. 1—26.
- Lee, Y. (2017) Women workforce in the Korean context, *International Review of Management and Marketing*, vol. 7, iss. 1, pp. 403—412.
- Moon, K. H. (2022) South Korea's misogyny problem, *East Asia Forum*, available from <https://www.eastasiaforum.org/2022/12/09/south-koreas-misogyny-problem/> (accessed 26.03.2023).
- Myrskylä, M., Kohler, H., Billari, F. (2011) *High Development and Fertility: Fertility at Older Reproductive Ages and Gender Equality Explain the Positive Link*: MPIDR Working Paper no. 2011-017, October, available from https://www.researchgate.net/publication/254404965_High_Development_and_Fertility_Fertility_at_Older_Reproductive_Ages_and_Gender_Equality_Explain_the_Positive_Link (accessed 28.03.2023).
- Patterson, L., Chang, H. (2016) Post-feminism in Korea and its impact on equal opportunity policies on gender gap, *International Journal of Knowledge and Innovation in Business*, vol. 3, no. 2, pp. 1—34.
- Rebrey, S. M. et al. (2023) Стимулирование рождаемости на фоне расширения прав и возможностей женщин: актуальные инструменты семейной и трудовой политики [Stimulation of birth rate amid women's empowerment: relevant family and labor policy instruments], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 80—93.
- Seguino, S. (2000) Gender inequality and economic growth: a cross-country analysis, *World Development*, vol. 28, pp. 1211—1230.
- Seguino, S. (2010) Gender, distribution, and balance of payments constrained growth in developing countries, *Review of Political Economy*, vol. 22, no. 3, pp. 373—404.
- Seo, J., Choi, S. (2020) Introduction, *Journal of Asian Sociology*, vol. 49, no. 4, pp. 371—398.
- Seong, J. (2016) *Megalia: South Korea, Feminism, and the Internet Walk into a Bar... An STS Analysis of Nascent Korean feminism*, pp. 2—11, available from https://www.researchgate.net/publication/326331639_Megalia_South_Korea_feminism_and_the_Internet_walk_into_a_bar_An_STS_analysis_of_nascent_Korean_feminism (accessed 26.03.2023).
- Zhou, M., Kan M.-Y. (2019) A new family equilibrium? Changing dynamics between the gender division of labor and fertility in Great Britain, 1991—2017, *Demographic Research*, vol. 40, pp. 1455—1500.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 09.01.2024.

The article was submitted 10.11.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for publication 09.01.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Ребрей Софья Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, sofia rebrey@gmail.com (PhD in Economics, Associate Professor at the World Economy Department, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Богачева Виктория Витальевна — бакалавр, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия (Bachelor, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40–55.

Woman in Russian Society. 2024. No. 1. P. 40–55.

Научная статья

УДК 314.146

DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3

**МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ И РЕПРОДУКТИВНЫЕ УСТАНОВКИ
МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ
МОЛОДОЙ СЕМЬИ**

*Юрий Рудольфович Вишневецкий, Яна Викторовна Дидковская,
Ольга Борисовна Зырянова*

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия, j.r.vishnevsky@urfu.ru

Аннотация. На основе статистических данных, вторичном анализе социологических исследований и результатов собственного исследования — социологического мониторинга екатеринбургского студенчества 1999—2020 гг. обоснована необходимость отказа от гиперболизированной трактовки ряда угроз в брачно-семейной и демографической сфере, а также от соотнесения этих угроз сугубо с поведением молодежи. Результаты анализа позволяют оценить репродуктивные и матримониальные установки молодежи скорее позитивно: в сознании молодежи семья сохраняет свое значение как ведущая ценность, наблюдается превращение семьи из нормативно одобряемого паттерна в самоценность, сохраняется достаточно высокая оценка репродуктивной и воспитательной функций семьи, хотя ее роль видится в первую очередь во взаимной поддержке и совместном проведении досуга.

Ключевые слова: безопасность, молодая семья, молодежь, матримониальные установки, репродуктивные установки, молодежная политика, демографическая политика, культура безопасности

Для цитирования: Вишневецкий Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40—55.

Original article

MATRIMONYAL AND REPRODUCTIVE ATTITUDES OF YOUTH IN THE CONTEXT OF YOUNG FAMILY SAFETY

Yuri R. Vishnevsky, Yana V. Didkovskaya, Olga B. Zyryanova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg,
Russian Federation, j.r.vishnevsky@urfu.ru

Abstract. The article, based on statistical data, secondary analysis of sociological research and the results of the authors' own research — sociological monitoring of Yekaterinburg students in 1999—2020, substantiates the need to abandon the hyperbolic interpretation of a number of threats in the marriage, family and demographic sphere. The authors also examine how these threats relate specifically to the behavior of youth. The results of the analysis make it possible to assess the reproductive and matrimonial attitudes of young people rather positively: in the minds of young people, the family retains its importance as a leading value, there is a transformation of the family from a normatively approved pattern into an intrinsic value, a fairly high assessment of the reproductive and educational functions of the family remains, although the role of the family is seen primarily turn in mutual support and joint leisure activities. The article establishes that the current and projected decline in fertility is not associated with the “deterioration” of the reproductive attitudes of the younger generation, but with the consequences of the demographic echo of the 1990s and serious factors limiting these attitudes — the risk of not providing the level of financial situation of the family and living conditions necessary for the upbringing and development of children.

Key words: safety, security, young family, youth, matrimonial attitudes, reproductive attitudes, youth policy, population policy, safety culture

For citation: Vishnevsky, Y. R., Didkovskaya, Y. V., Zyryanova, O. B. (2024) Matrimonial'nye i reproductivnye ustanovki molodëzhi v kontekste bezopasnosti molodoï sem'i [Matrimonial and reproductive attitudes of youth in the context of young family safety], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 1, pp. 40—55.

Постановка проблемы и выбор исследовательского подхода

Проблематика благополучия и устойчивости молодой семьи в последнее время активно обсуждается не только научным академическим сообществом [Гафиатулина и др., 2017; Назарова, Зеленская, 2019; Титаренко, 2022], но и в рамках общественно-политических дискуссий. Особенную остроту и болезненность теме придает постановка проблемы в ракурсе интерпретаций репродуктивных установок молодых россиян на фоне неблагоприятных демографических прогнозов [Котов, Грек, 2020; Ростовская и др., 2022; Гафизова, Цалко, 2023]. Это доказывает значимость вопроса и объясняет внимание к нему на государственном уровне, актуализирует проблему сохранения и развития молодой российской семьи в качестве магистрального направления государственной политики, но, к сожалению, и провоцирует спекулятивные выводы и заявления, которые могут стать псевдонаучными основаниями для непродуманных управленческих решений. В связи с этим задачей статьи является анализ ведущих трендов и установок репродуктивного и матримониального поведения молодежи

с целью обоснования отказа от гиперболизированной трактовки ряда угроз в брачно-семейной и демографической сфере, а главное — отказа от соотнесения этих угроз с поведением молодежи.

Предпринятый в статье анализ основывается на статистических данных Федеральной службы государственной статистики (Росстат), характеризующих демографическое поведение россиян с 1990 г. по настоящее время; на вторичном анализе социологических исследований, посвященных благополучию молодой российской семьи и репродуктивным установкам молодежи; на результатах собственного исследования — социологического мониторинга екатеринбургского студенчества (1999—2020 гг., анкетный опрос студентов 13 вузов Екатеринбурга, использована квотно-гнездовая выборка, N = 2000, руководитель Ю. Р. Вишневецкий, при участии соавторов статьи).

Безопасность молодой семьи анализируется нами с позиций социологической школы В. Т. Лисовского, в рамках которой молодая семья рассматривалась с точки зрения достижения ее стабильности, понимаемой не как нечто неизменное, а в духе получившей в тот период широкое распространение теории «устойчивого развития» или преодоления дестабилизации [Голод, 1984; Лисовский, 2003]. Для анализа проблематики молодой семьи особенно важен акцент на первичной стабилизации семьи, которая характеризуется как наиболее сложная стадия в процессе семейного развития, испытывающая воздействие всей совокупности рискогенных факторов.

В Концепции государственной политики в отношении молодой семьи ее безопасность получила важный ориентир — сохранение и развитие благополучной семьи [Ростовская, 2007: 332]. Концепция имела развитие в ряде работ Т. К. Ростовской и ее коллег, выделивших в качестве критериев благополучия молодой семьи юридическую оформленность супружеских отношений, полноту семьи (родители и дети), экономическую обеспеченность, наличие условий для самореализации супругов (см., например: [Ростовская, Васильева, 2023]).

Для нас особенно значимо выделение в качестве критериев благополучной семьи условий для самореализации молодых супругов в различных сферах жизнедеятельности. Это во многом перекликается с самореализационной теорией культуры основателя уральской школы социологии культуры Л. Н. Когана. Согласно его концепции культура выступает мерой реализации сущностных сил человека, в процессе которой не только создаются ее материальные и духовные продукты, но и развивается сам человек. Она определяет специфику нашего социокультурного подхода к безопасности молодежи и молодой семьи, акцентирующего проблематику культуры безопасности [Вишневецкий, Зырянова, 2017].

Понятие «культура безопасности» подчеркивает наличие, наряду с безопасностью как security (связана с объективными факторами и обеспечивается воздействием на угрозы и риски, их минимизацией извне), безопасности как safety (связана с субъективным осмыслением и ощущением, пониманием безопасности). Думается, что наиболее удачно это отражено в известном ответе И. Валлерстайна на заданный им же вопрос: «Кто способен сегодня обеспечить нам повседневную безопасность? — Мы должны обеспечить ее для себя сами» [Валлерстайн, 2004: 28].

В представлениях о безопасности утвердилась и до сих пор сохраняется объективизационная тенденция (безопасность как security). Мы же полагаем, что

не менее значимо, особенно говоря о безопасности семьи, интерпретировать ее как устойчивость и ощущение благополучия вне отрыва от ценностных ориентаций и установок субъекта безопасности. Это предполагает социокультурный подход. Безопасность, по мнению Дж. П. Берджесса, «снова и снова проявляется как функция ценности, выраженной в терминах явной или неявной философии жизни, культуры, индивидуальных и коллективных тревог и стремлений, ожиданий относительно того, чем можно пожертвовать, а что стоит сохранить» [Burgess, 2011: 2]. Такую объективно-субъективную диалектику мы постарались учесть при анализе актуальных проблем безопасности молодой семьи на основе трендов и установок репродуктивного и матримониального поведения молодежи.

Результаты и дискуссия

Согласно анализу тенденций, осуществленному сотрудниками Института демографических исследований РАН, репродуктивное поведение россиян в последние десятилетия претерпело ряд трансформаций. Во-первых, широкое распространение получили практики планирования беременности; во-вторых, произошла смена среднететных (3—4 детей) репродуктивных установок на малодетные (1—2 ребенка); в-третьих, вырос средний возраст матери при рождении первенца [Демографическое развитие... , 2022: 5]. Помимо репродуктивных установок, изменения претерпели и нормы матримониального поведения россиян: повысился возраст вступления в первый официальный брак, а сожителство как вид отношений, предваряющих его регистрацию, стало популярной альтернативой официальному браку [Демографическое развитие... , 2022].

Подчеркнем, что наши коллеги (профессиональные демографы) не ставили задачу охватить все разнообразие произошедших за последние десятилетия трансформаций и изменений, они выделили основные. Это означает, что их подход может быть дополнен и уточнен с учетом специфики проблематики молодых семей.

В частности, в связи с распространившейся практикой планирования беременности можно говорить о заметно улучшившейся в сравнении с 1960—1980-ми гг. ситуации с контрацептивной культурой молодежи. В сочетании с повысившимся возрастом «сексуального дебюта» (по данным исследований, за эти годы он вырос на 3—4 года, достигнув в среднем у юношей и девушек 16—17 лет) резко сократилась частота подростковых беременностей [Девятых, 2005: 75; Стародубов, Суханова, 2012: 42].

При этом, говоря о демографических трендах рождаемости, нельзя не отметить такой важный тренд челоvекосбережения, как значительное снижение числа абортов за 2000—2020 гг. — почти в 4 раза, с 2138,8 тыс. до 553,5 тыс. Позитивно выглядит и изменение соотношения родов и абортов: на каждые 100 родов в 2000 г. приходилось 168,7 абортов, а в 2020 г. — только 38,8 [Демографический ежегодник... , 2021: 71]. Кроме того, по мнению В. Козлова и А. Ракши, для России, в отличие от развитых стран Запада, проблема абортов вообще не имеет молодежного характера: в России высоких показателей распространенности абортов среди молодежи уже нет, к абортам прибегают в основном

замужние женщины из более старших возрастных групп как методу планирования семьи [Козлов, Ракша, 2017].

Критика ряда аспектов репродуктивного и матримониального поведения молодежи часто связана с односторонней или даже искаженной трактовкой статистических данных. Так, рассуждения о более низкой рождаемости у молодых женщин как причине естественной убыли населения явно не учитывают характера многих относительных демографических индикаторов (коэффициентов рождаемости, смертности, естественного прироста/убыли и др.), рассчитываемых на «1000 человек населения, женщин, мужчин». Но ведь эта «тысяча» может иметь разное реальное наполнение в разные годы, например разное количество женщин в разных по репродуктивной активности возрастных группах.

Особо хотелось бы остановиться на сопоставлении коэффициентов брачности и разводимости, порождающих распространенные стереотипные суждения о «кризисе современной семьи»: «у нас распадается каждый второй-третий брак». Действительно, статистика браков и разводов последних лет не вызывает оптимизма (табл. 1).

Таблица 1

Динамика браков и разводов в России в 1990—2022 гг.

Демографические индикаторы	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2022
Браки на 1000 чел. населения	8,9	7,3	6,2	7,4	8,5	7,9	5,3	7,2
Разводы на 1000 чел. населения	3,8	4,5	4,3	4,2	4,5	4,2	3,9	4,7
Разводы на 1000 браков	427	616	693	568	529	532	736	653

Примечание. Сост. по: [Демографический ежегодник... , 2023: 50].

Однако если эту статистику понимать буквально, то придем к абсурду: как видим, в отдельные годы должны были бы распасться 2 из 3 или даже 3 из 4 семей. Нерелевантность такого суждения состоит в том, что статистику браков и статистику разводов нельзя сопоставлять друг с другом, они фиксируют разные процессы: первая — прибавление новых семей (зарегистрированных за год) к тем, которые уже существовали; вторая — долю распавшихся из числа этих существовавших семей. Кроме того, свой вклад в данную картину вносят колебания доли молодежи, вступающей в брачный возраст. Анализ динамики браков и разводов с учетом этих обстоятельств показывает, что молодые семьи имеют значительные шансы сохранить устойчивость, доля браков, распающихся в первый год своего существования, не превышает 3,5 % [Молодежь о будущем... , 2021: 322].

В ряду соотнесения некоторых демографических угроз с поведением молодежи особенно часто говорится о «нежелании» молодых россиянок и россиян иметь детей [Хожателева, 2020]. При этом нередко искажаются или игнорируются результаты социологических исследований. По данным нашего мониторинга, в среде студенчества 84 % молодых людей планируют когда-

нибудь стать родителями и лишь 16 % не планируют стать родителями даже в отдаленной перспективе (хотя допускаем, что мнение и этой группы респондентов на более позднем жизненном этапе может измениться в пользу деторождения). Среди тех, кто планирует в будущем стать родителями, среднее ожидаемое число детей («Я думаю, что у меня будет... детей») — 1,8, среднее желаемое число детей («Я хочу, чтобы у меня было... детей») — 1,9, среднее желаемое в идеальных условиях («Если бы у меня было все необходимое, то у меня было бы... детей») — 2,2.

Результаты опроса студентов примерно отражают стабильность суммарного коэффициента рождаемости, которую фиксируют и специалисты-демографы в течение последних 3 лет, — 1,5 ребенка на женщину [Щербакова, 2022]. Конечно, даже ожидаемое число детей в семье несколько ниже уровня, необходимого для обеспечения воспроизводства населения (2,1). Но анализ его изменения за последние 30 лет показывает: репродуктивная активность женщин из поколения родителей нынешних потенциальных рожениц была еще ниже. Например, в 1995 г. суммарный коэффициент рождаемости составлял 1,157, в 2000 г. — 1,195 [Ростовская, Васильева, 2023].

Депопуляция в России часто соотносится и с отмеченным выше трендом роста возраста матери при рождении первенца и последующих детей. Существенный резонанс получило высказывание министра здравоохранения РФ М. А. Мурашко, назвавшего «порочной практикой желание молодых россиянок сперва получить высшее образование, сделать карьеру, добиться материального благополучия и лишь потом подумать о том, чтобы стать матерью» [Анисимова, 2023]. Нам понятна озабоченность министра, тем более что в стране за последние годы, несмотря на разнообразные меры социальной поддержки семей и рождаемости [Bagirova et al., 2021], не удается преодолеть демографический кризис и депопуляцию. Однако ошибочность подобных обобщений проявляется в свете серьезного научного социально-демографического анализа. Прежде всего, рост возраста женщины, становящейся матерью, — это сложившийся в России тренд. Растет удельный вес женщин-матерей из старших возрастных групп в пределах репродуктивного возраста (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика доли родившихся живыми по возрастным группам матерей
в общем числе родившихся живыми в России за 1990—2020 гг., %**

Год	Группа женщин по возрасту, лет							
	15—17	18—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49
1990	2,7	11,1	36,6	27,0	15,6	5,9	1,0	0,0
2020	0,8	2,7	17,2	28,2	30,6	16,6	3,6	0,2

Примечания. Опущена доля женщин 50 лет и старше и тех, чей возраст неизвестен.
Рассчитано по: [Демографический ежегодник... , 2021: 57].

Если в 1990 г. каждого второго ребенка родила женщина в возрасте до 25 лет, то в 2020 г. — женщина старше 30 лет.

Указанный тренд не специфически российское явление, он носит глобальный характер. Как отмечали авторы обзора исследований рождаемости в

развитых странах, процесс перехода к рождению первого ребенка в более позднем возрасте (postponement transition) — главный феномен последних десятилетий [Balbo et al., 2013]. Причем исследователи обращали внимание на более широкое понимание этого феномена, выделяя не только сдвиг деторождения в сторону более позднего возраста и сопутствующее снижение рождаемости в более молодом возрасте, но и последующее восстановление, компенсаторное повышение рождаемости в более старшем репродуктивном возрасте [Sobotka et al., 2011].

Приведенные в таблице 2 данные о репродуктивном поведении российских женщин показывают, что и для многих из них откладывание рождения ребенка (особенно первенца) отнюдь не равнозначно отказу от его рождения. И пренебрегать этим неправомерно даже во имя благих целей преодоления депопуляции в России, тем более что сегодняшние упреки часто обращены к малочисленному поколению, родившемуся в «лихие 1990-е». За 2002—2020 гг. численность женщин репродуктивного возраста сократилась в России на 5,5 млн человек [Молодежь о будущем... , 2021: 314]. С учетом эффекта демографического эха спада рождаемости в кризисных 1990-х мы имеем сегодня такую ситуацию: объективно потенциальных рожениц меньше, однако рожают они даже больше, суммарный коэффициент рождаемости в 2000 г. — 1,2, а в 2020 г. — 1,5. Отметим еще один важный момент: численность женщин в возрастных группах 30—34 и 35—39 лет, сегодня лидирующих в реализации отмеченного компенсаторного повышения рождаемости, явно превышает численность переходящего в ближайшие годы в эти возрастные группы поколения женщин, рожденных в 1990-х гг. Это означает неправомерность иллюзий о слишком скором преодолении «демографической ямы» рубежа XX—XXI вв.

Применительно к молодым семьям речь соответственно должна идти о понимании, что предстоящее в ближайшие годы снижение рождаемости в России (по прогнозу Росстата, в 2024 г. — 1,321 млн, в 2025 г. — 1,332 млн, в 2026 г. — 1,352 млн, в 2027 г. — 1,374 млн [Росстат опубликовал демографический прогноз... , 2023]) связано с этими молодыми семьями скорее количественно (малочисленность потенциальных матерей), нежели качественно (их установки и ценностные ориентации).

Результаты нашего мониторинга позволяют оценить эти установки в основном позитивно. Семья сохраняет свое значение как ведущая ценность, получая на всех этапах мониторинга поддержку каждого второго или двух из каждых трех респондентов и устойчиво занимая 1—2-е места в ранговом ряду терминальных ценностей студенческой молодежи (табл. 3). Кроме семьи как ценности, контекстуально связанной с демографическим поведением молодежи, существенно важным для студентов на протяжении практически всего мониторинга остается здоровье, опережая значимость богатства и денег. Обращаем внимание на возросшую значимость для студенческой молодежи самореализационных установок с 5 % в 1999 г. до 31 % в 2007 г. и сохранение этого тренда до 2020 г. Однако самореализацию, на наш взгляд, не стоит противопоставлять ценности семьи, поскольку она может предполагать различные варианты, в том числе самореализацию в сфере семьи, в воспитании успешных и счастливых детей [Багирова, Шубат, 2017].

Таблица 3

Динамика терминальных ценностей студенческой молодежи
с 1999 по 2020 г., % от числа ответивших

Ценности	Г о д						
	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020
Семья, дети, родители	65	60	67	68	48	70	60
Здоровье	21	67	63	61	51	48	52
Деньги, богатство, бизнес	27	56	49	47	37	34	44
Возможность реализовать свои способности	5	24	31	33	31	31	33
Самостоятельность, независимость, свобода	22	33	30	28	20	17	32
Интересная творческая работа	24	39	47	42	24	22	29
Общение с друзьями	35	51	44	41	19	14	18
Получение удовольствий от жизни	17	27	20	18	17	11	16
Образованность, профессионализм	21	27	37	33	16	14	14
Личная безопасность	14	27	16	15	7	5	13
Признание окружающих, престиж, власть	2	12	10	12	6	12	13

В оценке функций семьи на первый план в ответах респондентов, особенно девушек, вышли психологическая поддержка и общение (77 %), совместный досуг (70 %), что отражает превращение семьи из нормативно одобряемого паттерна (вариант «чтобы соответствовать общепринятым нормам» выбрали лишь 6 % респондентов) в самооценку (рис. 1).

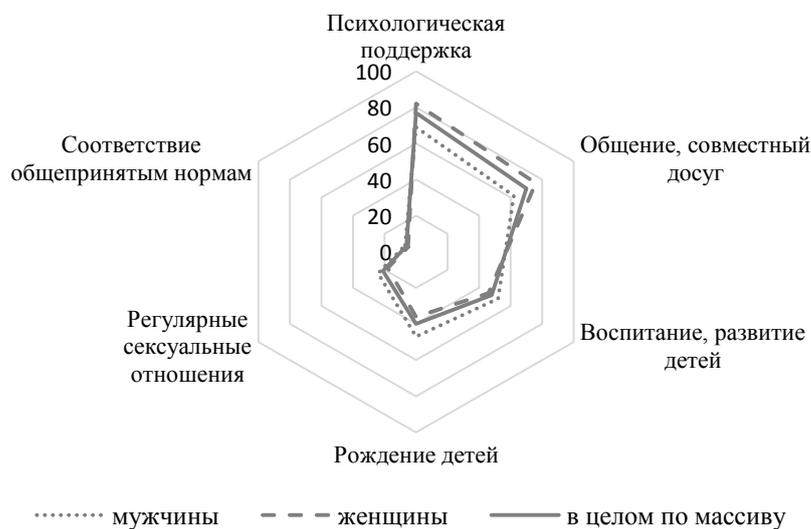

Рис. 1. Значимость функций семьи в оценках студентов, 2020 г., % от числа ответивших

В целом сохраняется достаточно высокая оценка репродуктивной функции семьи («для рождения детей» — 40 %) и воспитательной («для воспитания и развития детей» — 48 %). Причем в том, что воспитание и развитие детей оценивается студентами как более важное, чем их рождение, мы фиксируем осознанное и ответственное отношение к родительству со стороны молодого поколения. Как видим, имеется некоторая гендерная специфика в осмыслении значимости и функций семьи: девушки несколько реже (36 и 46 %), чем юноши (47 и 52 %), видят предназначение семьи в рождении и воспитании детей, в чем, на наш взгляд, и проявляется тренд женской части молодежи на отложенное рождение детей ради завершения образования и профессиональной карьеры. Учитывая выявленное социологами влияние гендерного дисбаланса в распределении семейных ролей на удовлетворенность семейной жизнью, мы поддерживаем позицию Е. В. Панкратовой и О. А. Хасбулатовой: сегодня не следует навязывать молодой семье гендерные стереотипы, «относящие семью к области ответственности женщин, а необходимо создавать условия, позволяющие супругам выбрать эффективные стратегии совмещения профессиональных и семейных ролей» [Панкратова, Хасбулатова, 2018: 49].

Как мы указывали выше, отложенное рождение детей не равнозначно отказу от него, поскольку лишь у одного из шести (у девушек — одной из семи) в планах на будущее нет родительства. Все виды предпочитаемого количества детей («ожидаемое» — 1,8, «желаемое» — 1,9, «желаемое в идеальных условиях» — 2,2) выше суммарного коэффициента рождаемости на момент опроса, тем не менее лишь последний — «идеальный» — близок к норме естественного воспроизводства. В связи с этим при разработке мер по поддержке молодых семей важно учесть мнение молодежи о факторах, от которых зависит количество детей в семье (табл. 4).

Таблица 4

**Факторы, определяющие количество детей в семье,
в оценках студентов, 2020 г., % от числа ответивших**

Факторы	Мужчины	Женщины	В целом по массиву
Материальное положение семьи	79	83	81
Жилищные условия	49	49	49
Физическое здоровье потенциальных родителей	40	53	48
Взаимоотношения потенциальных родителей	42	48	46
Внутренняя потребность в определенном количестве детей	26	28	27
Уверенность, что родится здоровый ребенок	18	22	20
Случайное стечение обстоятельств	16	16	16
Государственные меры поддержки	12	12	12
Уровень занятости женщины	5	10	8
Готовность родителей помочь детям в воспитании их детей	9	6	7

Наиболее значимы для принятия решения о числе детей в семье, согласно мнению наших респондентов, внешние факторы — материальное положение

семьи и жилищные условия, что отражает основные риски и угрозы безопасности молодой семье в ощущениях молодежи — снижение уровня жизни, рост цен, инфляцию [Дидковская и др., 2022]. Соответственно меры поддержки семьи должны быть направлены в первую очередь именно на это. Еще сильнее «ощущение небезопасности и неуверенности» проявляется в двух других факторах — физическом здоровье потенциальных родителей и уверенности, что родится здоровый ребенок. Эти результаты коррелируют с выводами исследования Д. А. Котова и Н. В. Грека, согласно которым ведущую роль при откладывании рождения ребенка семейными парами играют неудовлетворенность доступностью качественного медицинского обслуживания, стабильностью заработка, доступностью детских учреждений и инфраструктуры [Котов, Грек, 2020].

В оценках респондентами преимуществ и недостатков родительства на первый план выходят следующие приоритеты: ощущение полноты, осмысленности жизни (средний балл в целом по массиву 1,5), оптимизация отношений супругов в семье (1,1 балла), возможности получения удовольствия от жизни (0,9 балла) (рис. 2).

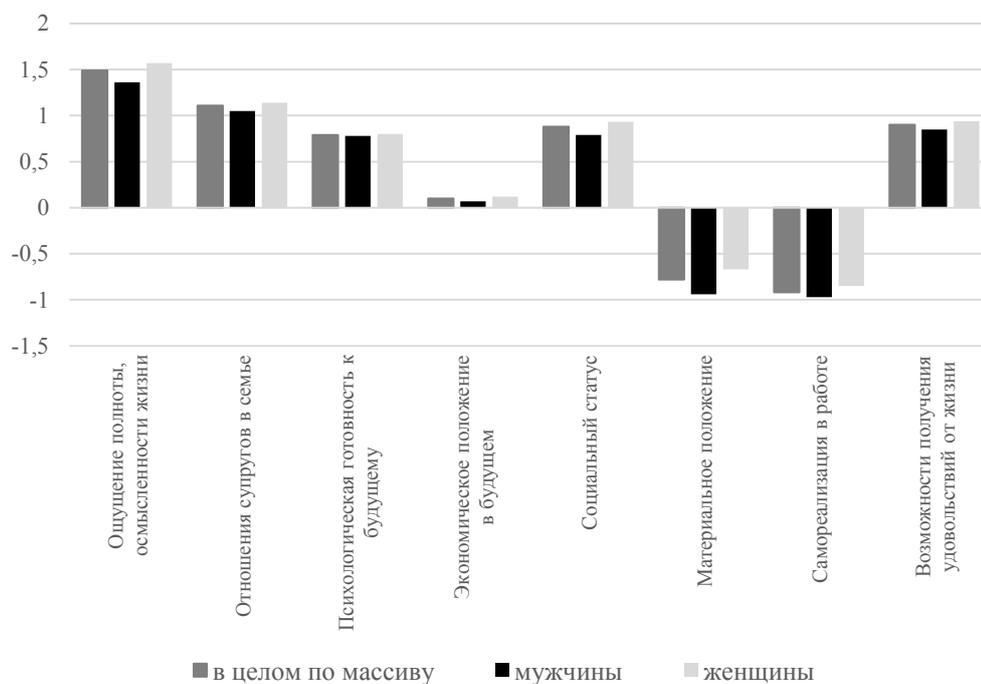

Рис. 2. Оценки преимуществ и недостатков родительства, средний балл (средние баллы рассчитаны в диапазоне условных значений от 2 — преимущество до -2 — недостаток)

Подчеркнем, что эти ответы если и не опровергают, то ставят под большое сомнение основную «претензию» к молодежи — нежелание отказаться от жизненных удовольствий ради семьи и рождения детей: в сознании молодых людей родительство совсем не противоположно удовольствиям от жизни, а составляет их органичную часть.

Что касается недостатков родительства, то респонденты соотносили их прежде всего с усилением трудностей самореализации в работе (средний балл в целом по массиву $-0,92$) и ухудшением материального положения семьи (средний балл $-0,78$). На их смягчение и должна быть направлена политика государства по укреплению безопасности молодой семьи.

Заключение

Подводя итог нашему исследованию безопасности молодой семьи на фоне анализа матримониальных и репродуктивных установок молодежи и более общих трендов демографического поведения россиян, мы можем заключить следующее.

1. Молодежь, несмотря на склонность к отложенному рождению детей, в перспективе ориентирована на ответственное родительство, а при наличии идеальных условий (достижения важных критериев благополучия — материального достатка, достойных жилищных условий, возможностей самореализации в различных сферах) существенная ее часть была бы готова к рождению и воспитанию 2 и более детей.

2. Сдерживающими факторами для репродуктивных установок молодежи выступают внешние по отношению к семье риски и угрозы, прежде всего риск не обеспечить необходимый для воспитания и развития детей уровень материального положения семьи и жилищные условия.

3. В структуре терминальных ценностей молодых россиян семья стабильно занимает доминирующее положение, при этом роль семьи для них заключается в первую очередь во взаимной поддержке и совместном проведении досуга; однако воспитательная и репродуктивная функция семьи по-прежнему значимы для молодежи.

4. Угроза «ухода в демографическую яму» вполне реальна в ближайшей перспективе, но не из-за недостаточно «традиционных» ценностей и «неправильных» репродуктивных установок молодежи и не вследствие роста числа аборт (оно, напротив, стабильно сокращается в России), а по причине демографического эха 1990-х гг. и серьезных барьеров, препятствующих компенсации отложенного рождения детей более старшими возрастными группами (после 30 лет), — неудовлетворенности качеством и доступностью медицинского обслуживания, материальным положением и жилищными условиями.

С учетом существующей зависимости — чем выше благосостояние семей, тем больше детей они заводят, необходимо дальнейшее углубление ориентации демографической и молодежной политики на благополучие молодых семей. Добавим, что значимо не просто совершенствование образовательного, профессионального и карьерного роста молодежи, освоение ею современных информационных технологий, но и их растущее влияние на ее благополучие, что напрямую связано с последовательным проведением политики «справедливого неравенства». Заслуживают внимания и реализации предложения демографов о коррекции материнского капитала в плане дифференциации его в зависимости от очередности детей — переход к «аккордному финансированию» и увеличению его размера при рождении второго ребенка и последующих детей.

Особенно важно изменить тональность отношения к молодежи и молодой семье: от критики, как мы попытались показать, далеко не всегда обоснованной, — к поддержке ее матримониальных и репродуктивных установок.

Список источников

- Анисимова Н. Мурашко назвал «порочным» стремление отложить рождение детей ради карьеры // РБК. 2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/07/2023/64b68eae9a79475ae4f59dab?from=sory> (дата обращения: 03.01.2024).
- Багирова А. П., Шубат О. М. Семья и родительство сквозь призму мнений студенток // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 126—131.
- Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века. М.: Логос, 2004. 368 с.
- Вишневский Ю. Р., Зырянова О. Б. Культура безопасности в системе культуры жизни // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3, № 1. С. 32—41.
- Гафиатулина Н. Х., Верещагина А. В., Самыгин С. И. Социальное здоровье молодой семьи: показатели и уровни оценки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8—9. С. 21—25.
- Гафизова Н. Б., Цалко Е. О. Восприятие бездетности современной молодежью: (региональный аспект) // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 120—132.
- Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984. 136 с.
- Девярых С. Ю. Возраст, мотив и ретроспективная оценка гетеросексуального дебюта в юношеском возрасте // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2005. Т. 4, № 3. С. 75—79.
- Демографический ежегодник России, 2021. М.: Росстат, 2021. 256 с.
- Демографический ежегодник России, 2023. М.: Росстат, 2023. 170 с.
- Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности. М.: Проспект, 2022. 264 с.
- Дидковская Я. В., Вишневский Ю. Р., Зырянова О. Б. Социальная безопасность студенческой молодежи как субъективное восприятие рисков // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 57—70.
- Козлов В., Ракиа А. Аборты в современной России. Некоторые особенности // Аист на крыше: демографический журнал. 2017. № 4. С. 6—15.
- Котов Д. А., Грек Н. В. Трансформация репродуктивного поведения в контексте жизненных стратегий российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 499—517.
- Лисовский В. Т. Молодежь: любовь, брак, семья: социологическое исследование. СПб.: Наука, 2003. 365 с.
- Молодежь о будущем России и о себе: вызовы настоящего и конструирование горизонтов грядущего: (по материалам VIII этапа мониторинга динамики социокультурного развития уральского студенчества 1995—2020 гг.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 372 с.
- Назарова И. Б., Зеленская М. П. Брак, семья, обучение: установки и представления студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 78—89.
- Панкратова Е. В., Хасбулатова О. А. Концепция качества семейной жизни в социологии: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 43—52.

- Росстат опубликовал демографический прогноз до 2046 года. 2023 // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (дата обращения: 03.01.2024).
- Ростовская Т. К. Социальная работа с молодежью: сборник нормативных правовых документов. М.: ИНФРА-М, 2007. 620 с.
- Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Стратегии формирования благополучия студенческих семей: (по результатам глубинного интервью) // *Logos et Praxis*. 2023. Т. 22, № 2. С. 67—80.
- Ростовская Т. К., Золотарева О. А., Васильева Е. Н. Модели матримониального и репродуктивного поведения российской молодежи // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 3. С. 184—199.
- Стародубов В. И., Суханова Л. П. Репродуктивные проблемы демографического развития России. М.: Менеджер здравоохранения, 2012. 320 с.
- Титаренко Л. Г. Молодая белорусская семья: между государственной социальной политикой и влиянием ценностей демографического перехода // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 3. С. 118—130.
- Хожателева Ю. Выросло поколение чайлдфри: половина молодых россиян не планирует заводить детей // *Комсомольская правда*. 2020. 1 октября. URL: <https://www.kp.ru/daily/217189/4297010/> (дата обращения: 03.01.2024).
- Щербакова Е. Демографические итоги I полугодия 2022 года в России // *Демоскоп Weekly*. 2022. № 957—958. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2022/0957/barom01.php> (дата обращения: 20.12.2023).
- Bagirova A., Kuznetsova E., Blednova N. State Support for families with children during the COVID-19 Pandemic in Russia: institutional grammar tool analysis // *Public Policy and Administration*. 2021. Vol. 20, № 3. P. 431—442.
- Balbo N., Billari F. C., Mills M. Fertility in advanced societies: a review of research // *Eur J Population*. 2013. № 29. P. 1—38.
- Burgess J. P. *The Ethical Subject of Security: Geopolitical Reason and the Threat Against Europe*. London: Routledge, 2011. 248 p. (PRIO New Security Studies).
- Sobotka T., Zeman K., Lesthaeghe R., Frejka T. Postponement and recuperation in cohort fertility: new analytical and projection methods and their application // *Comparative Population Studies*. 2011. № 2—3. P. 417—452.

References

- Anisimova, N. (2023) Murashko nazval “porochnym” stremlenie otlozhit’ rozhdenie detei radi kar’ery [Murashko called the decision to postpone having children for the sake of a career “vicious”], *RBK*, available from <https://www.rbc.ru/politics/18/07/2023/64b68eae9a79475ae4f59dab?from=copy> (accessed 03.01.2024).
- Bagirova, A., Kuznetsova, E., Blednova, N. (2021) State support for families with children during the COVID-19 Pandemic in Russia: institutional grammar tool analysis, *Public Policy and Administration*, vol. 20, no. 3, pp. 431—442.
- Bagirova, A. P., Shubat, O. M. (2017) Sem’ia i roditel’stvo skvoz’ prizmu mnenii studentok [Family and parenting in the light of the students views], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 126—131.
- Balbo, N., Billari, F. C., Mills, M. (2013) Fertility in advanced societies: A review of research, *Eur J Population*, no. 29, pp. 1—38.

- Burgess, J. P. (2011) *The Ethical Subject of Security: Geopolitical Reason and the Threat Against Europe*, London: Routledge.
- Deviatykh, S. Iu. (2005) Voзраст, motiv i retrospektivnaia otsenka geteroseksual'nogo debiuta v iunosheskom vozraste [Age, motive and retrospective assessment of heterosexual debut in adolescence], *Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 4, no. 3, pp. 75—79.
- Demograficheskii ezhegodnik Rossii, 2021* (2021) [Demographic Yearbook of Russia, 2021], Moscow: Rosstat.
- Demograficheskii ezhegodnik Rossii, 2023* (2023) [Demographic Yearbook of Russia, 2023], Moscow: Rosstat.
- Demograficheskoe razvitie Rossii v kontekste natsional'noi bezopasnosti* (2022) [Demographic development of Russia in the context of national security], Moscow: Prospekt.
- Didkovskaya, Ya. V., Vishnevsky, Yu. R., Zyryanova, O. B. (2022) Sotsial'naia bezopasnost' studencheskoï molodëzhi kak sub"ektivnoe vospriiatie riskov [Social security of student youth as a subjective perception of risks], *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 8, no. 4, pp. 57—70.
- Gafiatulina, N. Kh., Vereshchagina, A. V., Samygin, S. I. (2017) Sotsial'noe zdorov'e molodoï sem'i: pokazateli i urovni otsenki [Social health of a young family: indicators and assessment levels], *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 8—9, pp. 21—25.
- Gafizova, N. B., Tsalko, E. O. (2023) Vospriiatie bezdetnosti sovremennoi molodëzh'iu: (Regional'nyi aspekt) [Perception of childlessness by modern youth: (Regional aspect)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 120—132.
- Golod, S. I. (1984) *Stabil'nost' sem'i: sotsiologicheskii i demograficheskii aspekty* [Family stability: sociological and demographic aspects], Leningrad: Nauka.
- Khodzateleva, Iu. (2020) Vyroslo pokolenie chaïldfri: polovina molodykh rossiian ne planiruet zavodit' detei [The childfree generation has grown up: half of young Russians do not plan to have children], *Komsomol'skaia pravda*, October 1, available from <https://www.kp.ru/daily/217189/4297010/> (accessed 03.01.2024).
- Kotov, D. A., Grek, N. V. (2020) Transformatsiia reproduktivnogo povedeniia v kontekste zhiznennykh strategiï rossiiskoi molodëzhi [Transformation of reproductive behavior in life strategies of the Russian youth], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 499—517.
- Kozlov, V., Raksha, A. (2017) Aborty v sovremennoi Rossii. Nekotorye osobennosti [Abortion in modern Russia. Some features], *Aist na kryshe: Demograficheskii zhurnal*, no. 4, pp. 6—15.
- Lisovskiï, V. T. (2003) *Molodëzh': Liubov', brak, sem'ia: Sotsiologicheskoe issledovanie* [Youth: Love, marriage, family: Sociological research], St. Petersburg: Nauka.
- Molodëzh' o budushchem Rossii i o sebe: vyzovy nastoiashchego i konstruirovaniie gorizontov griadushchego: (Po materialam VIII ètapa monitoringa dinamiki sotsiokul'turnogo razvitiia ural'skogo studenchestva 1995—2020 gg.)* (2021) [Youth about the future of Russia and about themselves: challenges of the present and constructing horizons for the future: (Based on materials from the VIII stage of monitoring the dynamics of socio-cultural development of Ural students 1995—2020)], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Nazarova, I. B., Zelenskaia, M. P. (2019) Brak, sem'ia, obuchenie: ustanovki i predstavleniia studentov [Marriage, family, training: students' social attitudes and representations], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 78—89.

- Pankratova, E. V., Khasbulatova, O. A. (2018) Kontseptsiiia kachestva semeĭnoĭ zhizni v sotsiologii: gendernyi aspekt [The concept of family life quality in sociology: gender aspect], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 43—52.
- Rosstat opublikoval demograficheskiĭ prognoz do 2046 goda (2023) [Rosstat published a demographic forecast until 2046], *Federal'naia sluzhba gosudarstvennoĭ statistiki*, available from <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709> (accessed 03.01.2024).
- Rostovskaia, T. K. (2007) *Sotsial'naia rabota s molodezh'iu*: Sbornik normativnykh pravovykh dokumentov [Social work with youth: A collection of normative legal documents], Moscow: INFRA-M.
- Rostovskaia, T. K., Vasil'eva, E. N. (2023) Strategii formirovaniia blagopoluchiia studentcheskikh semeĭ: (Po rezul'tatam glubinnogo interv'iu) [Strategies for forming the well-being of student families: (By the results of in-depth interview)], *Logos et Praxis*, no. 2, pp. 67—80.
- Rostovskaia, T. K., Zolotareva, O. A., Vasil'eva, E. N. (2022) Modeli matrimonial'nogo i reproduktivnogo povedeniia rossiĭskoi molodezhi [Models of matrimonial and reproductive behavior of Russian youth], *Ėkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 15, no. 3, pp. 184—199.
- Shcherbakova, E. (2022) Demograficheskie itogi I polugodiia 2022 goda v Rossii [Demographic results of the first half of 2022 in Russia], *Demoscop Weekly*, no. 957—958, available from <https://www.demoscope.ru/weekly/2022/0957/barom01.php> (accessed 20.12.2023).
- Sobotka, T., Zeman, K., Lesthaeghe, R., Frejka, T. (2011) Postponement and recuperation in cohort fertility: new analytical and projection methods and their application, *Comparative Population Studies*, no. 2—3, pp. 417—452.
- Starodubov, V. I., Sukhanova, L. P. (2012) *Reproduktivnye problemy demograficheskogo razvitiia Rossii* [Reproductive problems of demographic development of Russia], Moscow: Menedzher zdavookhraneniia.
- Titarenko, L. G. (2022) Molodaia belorusskaia sem'ia: mezhdū gosudarstvennoĭ sotsial'noi politikoĭ i vliianiem tsennosteĭ demograficheskogo perekhoda [The young Belarusian family: between the state social policy and the influence of the values of demographic transition], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 118—130.
- Vallerstain, I. (2004) *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [The end of the world as we know it: Social science for the XXI century], Moscow: Logos.
- Vishnevsky, Yu. R., Zyryanova, O. B. (2017) Kul'tura bezopasnosti v sisteme kul'tury zhizni [Safety culture in the life culture system], *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniia*, no. 1, pp. 32—41.

Статья поступила в редакцию 04.01.2024; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 25.01.2024.

The article was submitted 04.01.2024; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication 25.01.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Вишнеvский Юрий Рудольфович — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, j.r.vishnevsky@urfu.ru (Dr. Sc. (Philosophy), Professor at the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation).

Дидковская Яна Викторовна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, i.v.didkovskaia@urfu.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation).

Зырянова Ольга Борисовна — ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, o.b.zuryanova@urfu.ru (Assistant at the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 56—74.

Woman in Russian Society. 2024. No. 1. P. 56—74.

Научная статья

УДК 314.146

DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.4

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЕМЬИ:
ГЕНЕЗИС МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА**

Тамара Керимовна Ростовская, Оксана Викторовна Кучмаева

Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
rostovskaya.tamara@mail.ru

Аннотация. В условиях демографической нестабильности при сложившихся негативных тенденциях демографических процессов в части воспроизводства населения актуальным является анализ структуры семьи и особенностей ее формирования с использованием материалов переписей населения различных периодов. Цель исследования — выявление трансформации представлений о значимых элементах семейной структуры, нашедшей отражение в методике проведения российских переписей населения, определение основных тенденций изменения структуры российских семей. Методология анализа базировалась на совокупности функционального, институционального и сравнительного подходов к исследованию института семьи. Авторы опирались на методологические рекомендации по проведению переписей населения статистической комиссии ООН и Росстата. Выводы построены на данных переписей населения за 1926—2020 гг. в России. Объектом исследования выступали российские семьи, предметом — трансформация структуры российских семей как индикатор изменений, происходящих с институтом семьи. В работе проведен анализ подходов к формированию терминологического аппарата, позволяющего исследовать семейную структуру по данным переписей населения. Выявлены тенденции нуклеаризации семей, увеличения доли лиц, проживающих вне семьи. Семьи становятся все более малочисленными, среднее число детей в расчете на одну семью сокращается. Среди демографических типов семьи наиболее распространенными выступают нуклеарные семьи, увеличивается доля неполных семей. Анализ данных переписей населения о распределении семей по числу детей позволяет выявить эффект мер демографической политики, направленных на повышение рождаемости. Сформулированы выводы и предложения, касающиеся перспектив методики анализа семейной структуры, в частности, в отношении семей с детьми, инвалидности членов семей, семейных групп.

Ключевые слова: семья, структура семьи, анализ структуры семьи, процессы формирования семьи, демографические типы семьи

Для цитирования: Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Демографическая структура семьи: генезис методологического подхода // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 56—74.

Original article

DEMOGRAPHIC STRUCTURE OF FAMILIES: GENESIS OF THE METHODOLOGICAL APPROACH

Tamara K. Rostovskaya, Oksana V. Kuchmaeva

Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru

Abstract. Under conditions of the demographic instability, taking into account the existing negative trends in demographic processes in terms of population reproduction, it is relevant to analyze the structure of families and the processes of their formation using materials from population censuses of various periods. The purpose of the study is to identify the transformation of ideas about significant elements of the family structure, which is reflected in the methodology for conducting Russian population censuses, and to determine the main trends in changes in the structure of Russian families. The analysis methodology was based on a combination of functional, institutional and comparative approaches to the study of the institution of family. The authors relied on methodological recommendations for conducting population censuses from the UN Statistical Commission and Rosstat. The conclusions are based on population census data for 1926—2020 in Russia. The objects of the study were Russian families, the subject was the transformation of the structure of Russian families as an indicator of changes occurring in the institution of family. The article analyzes approaches to the formation of a terminological apparatus that makes it possible to study family structure according to population census data. The authors identified trends in the nuclearization of families and an increase in the proportion of people living outside families. Families are becoming smaller and smaller, and the average number of children per family is decreasing. Among the demographic family types, nuclear families are the most common, and the proportion of single-parent families is increasing. Analysis of population census data on the distribution of families by number of children allows the authors to identify the effect of demographic policy measures aimed at increasing the birth rate. The authors formulated conclusions and proposals regarding the prospects for the methodology for analyzing family structure, in particular in relation to families with children, disabilities of family members, and family groups.

Key words: family, family structure, family structure analysis, family formation processes, demographic types of family

For citation: Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2024) Demograficheskaia struktura sem'i: genezis metodologicheskogo podkhoda [Demographic structure of families: genesis of the methodological approach], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 56—74.

Введение

Семья, являясь основным социальным институтом, обеспечивает в обществе выполнение важнейших функций, без которых не могла бы существовать человеческая цивилизация, — воспроизводственной и социализирующей.

Трансформация модели российской семьи наглядно отражается в данных о семейной структуре. Сравнительный анализ результатов переписей населения позволяет, в частности, представить масштабы происходящих изменений, связанных с тенденциями репродуктивного и матримониального поведения россиян, выделить модели семейной жизни, обобщить подходы к определению семьи и семейной структуры, отражающие актуальные для того или иного периода явления в семейной жизни.

Цель работы — выявить трансформацию представлений о значимых элементах семейной структуры, нашедшую отражение в методике проведения российских переписей населения, и определить основные тенденции изменения структуры российских семей.

Методология анализа базировалась на совокупности функционального, институционального и сравнительного подходов к исследованию института семьи. Авторы опирались на методологические рекомендации по проведению переписей населения статистической комиссии ООН и Росстата. Выводы построены на данных переписей населения за 1926—2020 гг. в России. Объектом исследования выступали российские семьи, предметом — трансформация структуры российских семей как индикатор изменений, происходящих с институтом семьи.

Научные подходы к определению семьи и семейной структуры

Внимание к структуре семей как феномену, позволяющему исследовать трансформационные процессы института семьи, проявляли статистики, демографы, социологи [Эволюция семьи... , 1992; Волков, 1986; Гурко, 2017].

Актуальность демографических исследований семьи послужила и стимулом зарождения нескольких крупных научных школ, которые внесли большой вклад в формирование и развитие российской социологии семьи. Среди них следует отметить научную школу фамилизма и пронатализма (Б. Ц. Урланис, М. Я. Сонин, А. Г. Харчев, В. И. Козлов, В. А. Белова, В. А. Борисов, Л. Е. Дарский и др.), включающую социолого-демографическое направление в рамках поведенческой парадигмы и семейного благополучия (А. И. Антонов, В. Н. Архангельский, В. М. Медков, А. Б. Синельников, Т. К. Ростовская, О. В. Кучмаева и др.). Подходы к определению семьи в поле социологических и демографических исследований характеризуются значительным многообразием. Важное место в исследовании семьи занимает изучение ее структуры и системы функций. Социологические определения семьи подчеркивают значимость психологического взаимодействия членов семьи, преемственность поколений, внутрисемейную солидарность и поддержку. Наиболее четким и емким, на наш взгляд, является определение семьи А. Г. Харчева, включающее важный признак, который отража-

ет межпоколенный характер взаимоотношений между членами семьи. Советский социолог рассматривает семью «как исторически конкретную систему взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми, как малую социальную группу, члены которой связаны брачными или родственными взаимоотношениями, общностью быта, взаимной моральной ответственностью и социальной необходимостью, которой обусловлена потребность общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [Харчев, 1979: 75]. Стоит остановиться на определении семьи, данном А. И. Антоновым и В. М. Медковым: «Семья — это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества — родительства — родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи» [Антонов, Медков, 1996: 66]. Данное определение подчеркивает многофункциональность института семьи, акцентируя внимание на роли семьи в процессе воспроизводства населения, ее социально-психологической роли.

С точки зрения демографической науки значимо, что большинство исследователей сходятся в необходимости учитывать наличие брачной пары как ядра семьи, и статистические классификации состава семей строятся в зависимости от добавления к ядру детей, родственников, родителей супругов [Герасимова, 1976; Ружже и др., 1983]. Российский социолог А. И. Антонов обращает внимание на изменения в функционировании института семьи в зависимости от стадий жизненного цикла семьи, подчеркивая ее репродуктивную функцию. Он выделяет следующие четыре стадии жизненного цикла семьи [Антонов, 1998: 153].

1. Стадия предродительства — заключение брака, зачатие первенца. Супруги готовятся стать родителями и сформировать семью в строгом смысле слова, ибо, по мнению А. И. Антонова, «лишь рождение детей превращает брачную пару в семью».

2. Стадия репродуктивного родительства — рождение первенца и последующих детей. Эта стадия может быть короче или длиннее в зависимости от числа рождений детей (в случае рождения одного ребенка она не имеет никакой длительности).

3. Стадия социализированного родительства — стадия воспитания детей, которая для некоторых родителей длится и после достижения детьми совершеннолетия. Причинами так называемой затяжной социализации могут быть отсутствие собственного жилья, учеба и другое, что, безусловно, продлевает стадию социализации взрослых детей на неопределенное время.

4. Стадия прародительства. Появление первого внука превращает родителей-основателей в прародителей, в бабушку и дедушку.

Процесс нуклеаризации семьи начался не сегодня. По мнению В. Гуда, супружеская пара становится основой семьи еще при переходе от аграрного общества к индустриальному. Изменение структуры семейного института означало и изменение его функций [Good, 1963]. При этом общественные институты, участники общественной жизни начинают перехватывать у семьи ее функции (экономическую, воспитательную, образовательную). В частности,

процесс нуклеаризации семьи приводит к утрате семьей функции поддержания системы родства [Parsons, 1965].

Определение семьи, кроме теоретического значения, обуславливающего концептуальные подходы к выявлению основных характеристик семьи и семейной жизни, роли семьи в жизни человека и общества, имеет также и практическое значение, в частности при проведении переписей населения.

В статистической практике используется следующее определение: «Семья — лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство». Данное определение длительное время применялось при проведении переписей в странах мира и в настоящее время фигурирует в российском законодательстве¹. В определение включено три основных критерия: подчеркивается значимость родственных и супружеских отношений для оценки жизненного цикла семьи, ее роли в процессе воспроизводства, совместное проживание и общий бюджет. Эти же критерии использовал известный советский демограф Б. Ц. Урланис при определении семьи как «объединенной узлами родства группы лиц, совместно проживающих и имеющих общий бюджет» [Урланис, 1977: 5].

Данное определение семьи применялось в российских переписях вплоть до микропереписи 1994 г. Оно практически совпадало с определением домохозяйства (общность жилища, родственные отношения и общность бюджета) лишь с той разницей, что одиночки как отдельный тип домохозяйства не входили в определение семьи [Прокофьева, Корчагина, 2023]. Помимо членов семьи, учитывались одиночки, не имеющие семьи, и члены семьи, временно проживающие отдельно.

Сейчас в ходе переписей в мировой статистической практике используется термин «домохозяйство». Это понятие более широкое, чем «семья»: в отличие от семьи домохозяйства включают не только родственников (отношения родства между группами домохозяйства не являются обязательными). В России начиная с микропереписи 1994 г. и Всероссийской переписи 2002 г. единицей наблюдения также стало выступать домохозяйство.

При этом понятие домохозяйства получило следующее определение: «...группа людей, проживающих в одном жилом помещении или его части, совместно обеспечивающих себя пищей и всем необходимым для жизни, полностью или частично объединяющих и расходующих свои средства. Эти люди могут быть связаны отношениями родства или отношениями, вытекающими из брака, или быть не родственниками, либо и теми, и другими» [Методологические пояснения... , 2020]. Такое определение домохозяйства совпадает с опреде-

¹ См., напр., Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020 г., с изм. от 05.12.2022 г.); Федеральный закон «О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи» от 05.04.2003 г. № 44-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г.; с изм. и доп., вступившими в силу с 01.01.2021 г.).

лением, принятым в мировой демографической статистике [Принципы и рекомендации... , 2015].

Переход к домохозяйству как базовой единице учета в ходе переписей населения с акцентом на экономическую функцию, тем не менее, оставил возможность исследовать семейную структуру населения, роль семьи в формировании демографического потенциала, воспроизводстве населения, выделяя семейные домохозяйства. Характер публикации данных позволяет различать семейные частные домохозяйства, состоящие из членов семьи, а также домохозяйства, содержащие в своем составе семейные ячейки.

Начиная с переписи 2002 г., в соответствии с методологическими положениями ООН, принятыми Росстатом при проведении переписей населения, в структуре частных домохозяйств выделяются семейные ячейки — супружеские пары с детьми или без детей, мать или отец с детьми.

ООН понимает под семьей (в узком смысле — семейной ячейкой) «группу из двух или более лиц противоположного или одного пола, проживающих в одном домохозяйстве и связанных между собой узами партнерства в рамках зарегистрированного брака, партнерства или консенсуального союза (т. е. сожительства) или являющихся родителем и ребенком». Таким образом, в качестве семьи, семейной ячейки рассматривается супружеская пара с детьми или супружеская пара без детей, мать с детьми или отец с детьми [там же].

Типология семей в ходе проведения переписей включает сложные, расширенные семьи. В целях переписи расширенную семью, в соответствии с рекомендациями ООН, определяют как группу из двух или более лиц, проживающих вместе в одном и том же домашнем хозяйстве и не образующих семейную ячейку, согласно приведенному выше определению, но находящихся в (некотором) родстве друг с другом — кровном либо возникшем в результате брака или усыновления [там же].

В практике проведения российских переписей населения, их методологии сохраняется определенная преемственность, которая позволяет исследовать динамику процессов, происходящих с семьей. Так, при проведении первой Всесоюзной переписи населения в 1926 г. семья трактовалась следующим образом: «...совокупность живущих совместно в одной и той же квартире лиц, объединенных узами родства и единством расходного бюджета. Также в состав семьи включаются родственники, не живущие в одной с ней квартире, но находящиеся на полном иждивении кого-либо из ее членов» [Всесоюзная перепись населения 1926 г., 1931: 5]. Основные критерии определения семьи (родство или свойство, общее жилье и бюджет) сохранились в контексте обработки материалов переписей до настоящего времени. К сожалению, масштабы экономической поддержки лиц, по сути членов семьи, проживающих отдельно, оценке в ходе переписей в настоящее время не подлежат.

При разработке материалов Всесоюзной переписи населения 1926 г. был учтен опыт первой советской переписи 1920 г. и переписи городского населения 1923 г., в которой семья определялась «как группа лиц, связанных не только кровным родством, но и общностью хозяйства» [Воробьев, 1925: 82]. По словам

И. А. Герасимовой, большим достоинством типологии семей, примененной при разработке переписи 1926 г., является четкая дифференциация полных и неполных семей, семей с детьми и без детей [Герасимова, 1976: 16]. Данный подход к типологизации семей используется и в настоящее время.

Кроме того, разработка данных переписи 1926 г. позволяла выявить масштабы совместной экономической деятельности членов семьи — «хозяев, работающих только с членами семьи», одиночек и «помогающих в занятиях членов семьи» [Всесоюзная перепись населения 1926 г., 1931]. Впоследствии в ходе переписей населения использовалась оценка структуры семьи с подразделением ее членов на имеющих самостоятельный источник дохода и иждивенцев.

Важно отметить, что в структуре семей с детьми в ходе переписи 1926 г. выделялись семьи, имеющие детей только от существующего брака и имеющие детей от прежних браков. Данный подход к типологизации семей с детьми отсутствует при проведении современных переписей в России.

До переписи населения 1970 г. включительно поводился анализ числа семей, где главой выступает мужчина или женщина. Впоследствии для формирования структуры семей по типам использовался вопрос об отношении к члену семьи, записанному первым. Этот подход сместил акценты в необходимости выделить главу семьи, поскольку в значительной части семей формально назвать главу семьи было невозможно, ее члены многие решения принимают совместно. Семья перестала представлять собой малую группу с четким распределением семейных ролей, что нашло отражение в программах переписей.

В настоящее время российские переписи позволяют анализировать структуру семей по числу человек, числу детей в возрасте до 18 лет, демографическим типам, оценивать долю лиц, проживающих вне семьи (одиноко). Это дает возможность сделать выводы об изменении структуры семьи как индикаторе трансформации модели российской семьи.

Данные переписей населения о трансформации семейной структуры

Данные переписей населения в долгосрочной ретроспективе позволяют говорить об увеличении масштаба одиночества (табл. 1). Доля лиц, проживающих в домохозяйствах, состоящих из одного человека, растет. К 2020 г. она увеличилась до 18,9 % для всего населения, особенно значимо для городского — до 20,7 %. Можно предположить, что одиночество — это и добровольный выбор, и вынужденное проживание. Увеличивается доля молодых людей, которые откладывают вступление в брак и создание собственной семьи. С другой стороны, высокий уровень смертности мужчин трудоспособных возрастов приводит к тому, что значительная часть пожилых женщин проживает одиноко. Этому способствует и низкий уровень рождаемости — при наличии одного-двух детей в семье стадия «пустого гнезда» наступает для нее достаточно рано. Так, по данным переписи 2010 г., 54,2 % проживающих одиноко находились в возрасте старше трудоспособного. Перепись 2020 г. свидетельствует, что 42,6 % одиноко проживающих россиян относились к старшей возрастной группе. За этот же период времени доля одиноких россиян трудоспособного возраста выросла с 45,5

до 57,4 %. Наряду с этим, доля никогда не состоящих в браке россиян в возрасте 16—29 лет составила в 2020 г. 67,9 % (2010 г. — 60,6 %). Происходят изменения в семейной и брачной структуре населения.

Таблица 1

**Доля одиночек, проживающих вне семьи (на 1000 человек),
по данным переписей населения²**

	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2020
Все население	48	66	70	69	82	99	189
Городское население	59	71	69	68	84	104	207
Сельское население	36	57	71	71	78	87	137

Данные о семейной структуре населения позволят в определенной степени проверить эти гипотезы.

Особенно значительно увеличилась доля одиноких россиян после 2002 г., прежде всего за счет горожан. Именно городской образ жизни формирует типичную модель российской семьи. Доля горожан составила в 2020 г. 74,8 %. По данным переписи 2020 г., доля одиноко проживающих россиян увеличилась практически в 2 раза.

Существенный скачок доли одиноких наблюдался в России по данным переписи 1970 г., а также в 1979 г. для сельских жителей. В последнем случае сыграл свою роль миграционный отток сельских жителей, прежде всего молодых трудоспособных возрастов, после 1974 г. — введения паспортов для жителей сел и деревень.

Свидетельством тенденции нуклеаризации семей является сокращение среднего размера семьи (частных домохозяйств, состоящих из двух и более лиц, связанных узами родства или свойства). Средний размер частного домохозяйства составил, по данным переписи 2020 г., 3,1 человека, 2010 г. — 3,1 человека, 2002 г. — 3,2 человека, 1989 г. — 3,3 человека. Этот процесс обусловлен увеличением доли малочисленных частных домохозяйств — семей, состоящих из двух человек (табл. 2). С 1989 г. параллельно с сокращением числа людей, проживающих в семьях, увеличивается доля тех, кто проживает в небольших семьях, состоящих из двух-трех человек. В 2020 г. из 1000 человек, проживающих в семьях, 698 проживали в семьях, состоящих из двух-трех человек (1989 г. — 622). Произошло сокращение доли населения, проживающего в домохозяйствах из четырех и более человек (с 376 до 303 человек на тысячу).

² Рассчитано по: [Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., 1963; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., 1974; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г., 1990; Краткая... характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 1990; Всероссийская перепись населения 2002 г., 2005; Всероссийская перепись населения 2010 г.; Всероссийская перепись населения 2020 г.].

Таблица 2

Структура населения по числу человек в домохозяйствах
(на 1000 человек, проживающих в частных домохозяйствах)³

	Доля проживающих в частных домохозяйствах, состоящих						
	из двух и более человек	из них					из одного человека**
		2	3	4	5	6 и более	
<i>Перепись 1989 г.*</i>							
Все население	931	342	280	252	83	41	69
Городское население	932	331	296	261	76	34	68
Сельское население	929	372	236	228	99	65	71
<i>Перепись 2002 г.</i>							
Все население	918	355	306	218	74	47	82
Городское население	916	357	322	217	67	38	84
Сельское население	922	349	260	222	95	74	78
<i>Перепись 2010 г.</i>							
Все население	901	384	303	195	72	46	99
Городское население	896	392	317	192	64	35	104
Сельское население	913	361	260	205	96	78	87
<i>Перепись 2020 г.</i>							
Все население	811	429	269	182	74	47	189
Городское население	793	440	279	180	66	35	207
Сельское население	863	394	238	187	99	83	137

* В 1989 г. учитывалось три категории лиц: проживающие в семьях, проживающие одиноко и временно отдельно от семьи.

** В графе учтены одиноко проживающие лица.

По-прежнему сельские семьи остаются более многочисленными, даже на фоне сокращения размера семьи и нуклеаризации ее структуры. В 2020 г. средний размер сельской семьи составлял 3,3 человека (городской — 3,0 человека). Доля семей из четырех и более человек в сельской местности была в 1,3 раза выше, чем в городах (369 и 281 на 1000 жителей соответственно). Доля проживающих одиноко в сельской местности по-прежнему ниже, чем в городах (частично за счет более низкого уровня старения: по данным переписи 2020 г., доля лиц в возрасте 65 лет и старше составляла в городской местности 16,3 %, сельской — 15,9 %).

Еще одной важной тенденцией, которую позволяет отследить анализ данных переписей населения, выступает трансформация структуры семей по демографическим типам — в зависимости от наличия брачной пары и числа совместно проживающих поколений (табл. 3).

³ Рассчитано по: [Краткая... характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 1990; Всероссийская перепись 2002 г., 2005; Всероссийская перепись населения 2010 г.; Всероссийская перепись населения 2020 г.].

Таблица 3

Распределение семей по типам (на 1000 частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек)⁴

	Всего домохозяйств	Доля семей, состоящих					Прочие семьи
		из одной брачной пары с детьми и без детей	из одной брачной пары с детьми и без детей, с одним из родителей супругов (или без него) и с другими родственниками	из двух и более брачных пар с детьми и без детей, с одним из родителей супругов (или без него) и с другими родственниками	из матери/отца с детьми	из матери/отца с детьми и одним из родителей матери/отца	
<i>Перепись 1989 г.</i>							
Все население	1000	669	115	34	132	20	31
Городское население	1000	511	116	36	141	23	31
Сельское население	1000	715	110	26	106	13	31
<i>Перепись 2002 г.</i>							
Все население	1000	549	136	33	153	64	66
Городское население	1000	527	136	31	163	69	73
Сельское население	1000	611	135	39	123	47	45
<i>Перепись 2010 г.</i>							
Все население	1000	521	139	34	154	56	97
Городское население	1000	508	132	31	162	59	108
Сельское население	1000	560	158	43	132	45	62
<i>Перепись 2020 г.</i>							
Все население	1000	486	105	19	182	71	136
Городское население	1000	478	93	15	191	70	154
Сельское население	1000	511	143	31	158	75	82

⁴ Рассчитано по: [там же].

Ведущее место в структуре семей занимают нуклеарные семьи — семьи, состоящие из одной брачной пары с детьми и без детей, однако если в 2020 г. на 1000 всех семей приходилось 486 таких семей, то в 1989 г. их было 669. Относительное сокращение нуклеарных полных семей произошло за счет увеличения в структуре семей неполных, состоящих из матери или отца с детьми, а также прочих семей (представляющих собой различное сочетание родственников, проживающих совместно, например бабушки и внуков, братьев и сестер; данные семьи не имеют в своем составе семейной ячейки).

При этом на протяжении последних 20 лет наблюдается сокращение разрыва в количестве материнских и отцовских неполных семей. Если по данным переписи 2002 г. на каждую семью, где отец воспитывал ребенка (детей) в возрасте до 18 лет, приходилось 11 материнских семей, то к 2010 г. соотношение сократилось до 1 к 9, а по переписи 2020 г. составило уже 1 к 6. Эти изменения являются свидетельством, с одной стороны, нивелирования гендерных различий в семейных ролях, с другой — сокращения практики, когда судебная система при разводе однозначно оставляла ребенка с матерью, не учитывая мнения всех участников процесса, условия жизни, которые каждый из родителей может обеспечить ребенку.

Параллельно происходит сокращение доли сложных семей — семей, состоящих из представителей нескольких поколений. Так, в 1989 г. на каждую 1000 семей приходилось 115, включающих не только родителей с детьми, но и других родственников (чаще всего прародителей, бабушек и дедушек), 34 — включающие несколько брачных пар. Надо сказать, что и в 1989 г. доля неполных семей превосходила долю сложных семей, состоящих из брачной пары с детьми и без детей, одного из родителей супругов (или без него) и других родственников. Однако за 30 лет эта разница стала гораздо более значительной (превышение составило 1,73 раза). Среди сложных семей — семей, состоящих из нескольких поколений, — увеличение коснулось лишь доли семей, состоящих из матери/отца с детьми и одного из родителей матери/отца: от 2 до 7,1 % среди всех семей. Увеличение числа неполных семей обусловлено различными трендами: значительным уровнем разводов, ростом числа рождений вне официального брака, ранним овдовением женщин в силу высокой смертности мужчин в трудоспособных возрастах.

По-прежнему сохраняются различия в структуре семей между городскими и сельскими жителями, хотя они менее выражены, чем раньше. Структура сельских семей по типам отличается большей представленностью полных семей (нуклеарных, состоящих только из родителей с детьми, и сложных, включающих также и других родственников, в частности прародителей). Хотя неполных семей, состоящих только из матери или отца с детьми, в селах относительно меньше, доля неполных семей, где одному из родителей помогает в воспитании детей совместно проживающий представитель старшего поколения (бабушка или дедушка), в структуре сельских семей больше. Значительно меньше в сельской местности прочих, так называемых «осколочных семей» — 82 на 1000 семей (в городах — 154).

Важным направлением анализа структуры семей является оценка их детности (табл. 4). Традиционно переписи в России отдельно учитывают количество семей с детьми в возрасте до 18 лет. На протяжении рассматриваемого периода (в таблице представлены данные начиная с переписи 1970 г.) в структуре семей увеличивалось число бездетных семей — без детей в возрасте до 18 лет. Данное обстоятельство связано не со значительным ростом окончательной бездетности на протяжении 50 лет, а с низкой рождаемостью, при которой большинство родителей ограничиваются одним-двумя детьми и период, когда в семье растут несовершеннолетние дети, короче времени существования самой семьи. Дети вырастают, и многие уже в достаточно молодом возрасте покидают родительскую семью.

При этом до 2002 г. доля бездетных семей была выше в сельской местности (несмотря на более высокие показатели рождаемости сельского населения). Напомним, что в 70—80-х гг. и доля одиноких (домохозяйств, состоящих из одного человека) в сельской местности была выше. Однако детность сельских семей с детьми оставалась выше, чем городских, на протяжении всего периода.

Параллельно происходило сокращение доли семей с детьми до 18 лет: если в 1970 г. на 1000 семей приходилось 786 семей с детьми (794 в городской и 772 в сельской местности), то к 2020 г. показатели сократились до 396, 388 и 422 соответственно, почти в 2 раза.

Важно обратить внимание, что наблюдается дивергенция в структуре семей в зависимости от наличия и числа несовершеннолетних детей. Если доля семей без детей увеличивалась на протяжении всего рассматриваемого периода, то на структуру детных семей по числу детей, вероятно, оказывали влияние меры демографической и семейной политики. Так, перепись 1989 г. по сравнению с 1979 г. выявила увеличение доли семей с двумя, тремя и более детьми на фоне сокращения доли однодетных семей. Сыграли роль меры демографической политики, поэтапно вводимые на территории России (и других республик Советского Союза) в 1981—1983 гг., — увеличение оплачиваемого и неоплачиваемого отпуска по уходу за ребенком с рождения до достижения им возраста трех лет.

Рост числа семей без детей сопровождается ростом многодетности среди семей, имеющих детей, и между переписями 2002 и 2010 гг., но в большей степени — в период 2010—2020 гг.: так, доля семей с одним ребенком сократилась с 655 до 552 на 1000 семей с детьми (на 103 промилльных пункта; п. п.), при этом доля семей с двумя детьми увеличилась на 56 п. п., с тремя и более детьми — на 47 п. п. Хотя уровень детности сельских семей по-прежнему остается выше уровня городских, однако прирост доли двухдетных семей и семей с тремя и более детьми был значительно выше в городской местности. Доля семей с двумя детьми увеличилась в период 2010—2020 гг. в городах в 1,26 раза, сельской местности — в 1,06 раза. Аналогичные показатели для семей с тремя и более детьми составили 1,90 и 1,47 раза соответственно.

Таблица 4

Структура семей по числу детей в возрасте до 18 лет
(на 1000 частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек)⁵

	Всего домохозяйств	Доля семей				
		без детей	с детьми	из них		
				1	2	3 и более
<i>Перепись 1970 г.</i>						
Все население	1000	214	786	485	344	171
Городское население	1000	206	794	541	357	102
Сельское население	1000	228	772	384	319	297
<i>Перепись 1979 г.</i>						
Все население	1000	384	616	581	327	92
Городское население	1000	376	624	625	326	49
Сельское население	1000	403	597	474	332	194
<i>Перепись 1989 г.</i>						
Все население	1000	416	584	508	394	98
Городское население	1000	402	598	541	391	68
Сельское население	1000	457	543	405	401	193
<i>Перепись 2002 г.</i>						
Все население	1000	483	517	652	282	66
Городское население	1000	489	511	700	258	42
Сельское население	1000	463	537	522	347	131
<i>Перепись 2010 г.</i>						
Все население	1000	559	441	655	275	70
Городское население	1000	568	432	694	258	48
Сельское население	1000	532	468	545	324	131
<i>Перепись 2020 г.</i>						
Все население	1000	604	396	552	331	117
Городское население	1000	612	388	583	327	90
Сельское население	1000	578	422	466	342	192

Рассмотренные тенденции могут выступать проявлением различных стратегий репродуктивного поведения россиян, на которое в разной степени оказывают влияние меры демографической и семейной политики. В частности,

⁵ Рассчитано по: [Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г., 1974; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г., 1990; Краткая... характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., 1990; Всероссийская перепись населения 2002 г., 2005; Всероссийская перепись населения 2010 г.; Всероссийская перепись населения 2020 г.].

реализуемая в России программа федерального материнского капитала (с 2007 г.) и региональные выплаты при рождении детей различной очередности, вводимые с 2012—2013 гг.

Среднее число детей в расчете на одну семью с детьми до 18 лет составляло в 2020 г. 1,61 ребенка. Не слишком значительная величина. Данные переписей свидетельствуют, что показатели детности семей разных типов различаются. Наиболее значительные показатели характерны для многопоколенных семей. Так, максимальное значение среднего числа детей наблюдается в семьях, состоящих из трех и более супружеских пар, родственников (или без них) и не родственников (или без них) — 3,44 ребенка; далее следуют семьи из супружеской пары с детьми и без детей, с обоими родителями одного из супругов с детьми и без детей, прочими родственниками (или без них) и не родственниками (или без них) — 2,23 ребенка. Многодетность и совместное проживание нескольких поколений в семье выступают маркерами традиционного подхода к организации семейной жизни. Однако доля таких семей в России весьма незначительна — около 1,7 %. Их показатели детности не оказывают определяющего воздействия на модель российской семьи и ее детность.

Максимальная доля многодетных среди «больших» семей, состоящих из трех и более супружеских пар, родственников (или без них) и не родственников (или без них), — 61,4 %. Далее следуют семьи, включающие, помимо супружеской пары с детьми, обоих родителей одного из супругов с детьми и без детей, а также прочих родственников (или без них) и не родственников (или без них) — 32,7 %. Для этих же типов семей характерны наиболее высокие показатели детности — 3,44 и 2,23 ребенка в возрасте до 18 лет на одну семью.

Как уже отмечалось, наиболее распространенный тип семьи с детьми в России — нуклеарная семья, состоящая из родителей и детей (48,6 % от всех семей). Именно эта модель семьи в значительной степени определяет детность российских семей. Но среди таких семей только 13,2 % относятся к категории многодетных и имеют трех и более детей, средний показатель детности составляет 1,69 ребенка на семью с детьми до 18 лет.

Для всех типов семей более высокий уровень многодетности характерен для населения сельской местности. Доля многодетных семей для разных типов семей в сельской местности в 1,5—2 раза превышает соответствующие показатели для городского населения.

Выводы

Данные переписей населения позволяют выявить целый ряд трендов в трансформации семейной структуры. Налицо тенденции нуклеаризации семей, увеличения доли лиц, проживающих вне семьи. Семьи становятся все более малочисленными, среднее число детей в расчете на одну семью сокращается. Среди демографических типов семьи наиболее распространенными выступают нуклеарные семьи, увеличивается доля неполных семей. Анализ данных переписей населения о распределении семей по числу детей позволяет выявить эффект мер демографической политики, направленных на повышение рождаемости. Однако развитие стратегии поддержки семей в их желании иметь нескольких детей без

дополнительной подпитки будет носить недолгосрочный характер (как свидетельствуют данные об изменении структуры семей после реализации мер демографической и семейной политики в начале 80-х гг. XX в., к 2002 г. они исчерпали свое влияние).

Тем не менее изменение модели российской семьи вынуждает обратить внимание на необходимость уточнения и совершенствования подходов к сбору уникальных данных о семейной структуре населения, которые предоставляют переписи населения.

К сожалению, переписи в России, в отличие от многих стран, не включают в свою программу блок вопросов, посвященных здоровью и инвалидности населения. Принципы и рекомендации ООН в отношении проведения переписей населения и жилищного фонда содержат девять тематических блоков вопросов, рекомендуемых для включения в программы переписи населения [Принципы и рекомендации... , 2015]. Блок № 8 посвящен вопросам об инвалидности. Введение данных вопросов в программы переписей и микропереписей населения в России позволит объективно оценить масштабы инвалидности в стране, численность населения, имеющего значительные ограничения в здоровье (не опираясь только на данные официального учета, предоставляемые медико-социальными экспертными комиссиями), количество семей с инвалидами, в том числе с детьми-инвалидами.

Еще одним важным вопросом выступает анализ структуры семей с детьми с учетом кровнородственной связи с родителями. При увеличении числа разводов в стране, в определенной степени компенсируемых повторными браками, количество детей, которые воспитываются в так называемых сводных семьях с одним из неродных родителей, растет. Напомним, что еще в ходе переписи 1926 г. в структуре семей с детьми выделялись семьи, имеющие детей только от существующего брака, и семьи, имеющие детей от прежних браков. Оценка масштабов этого явления на основе сплошного обследования, которое представляет собой перепись, позволит установить особенности функционирования института современной российской семьи, реализации ее воспитательной и социализационной функции, взаимоотношений в семье.

ООН дает в своих рекомендациях по проведению переписей определение воссозданной семьи, под которой понимается семья, состоящая из пары, находящейся в законном браке, зарегистрированном партнерстве или консенсуальном союзе, с одним ребенком или несколькими детьми, по меньшей мере один из которых является биологическим ребенком только одного из членов пары. Предлагаемая типология рассматривает деление семей на основе брачного статуса супружеской пары (зарегистрированный брак, совместное проживание), а также их деление на семьи повторного брака и не являющиеся семьями повторного брака [там же]. Данный методологический подход можно применить при актуализации программ будущих переписей в России.

Кроме того, стоит обратить внимание на возможность включения дополнительных категорий в отношении возраста ребенка, учитываемого при разработке данных о семьях с детьми. Период взросления и социализации детей растет в разных странах. ООН в своих рекомендациях по проведению переписей

советует использовать возрастные границы, помимо «младше 18 лет», 18—24 года, 25—29 лет, 30 лет и старше. Данный подход позволит выявить масштабы совместного проживания взрослых детей с родительской семьей. Исследования последних лет дают противоречивую информацию о размерах, тенденциях и детерминантах этого явления.

В настоящее время в программах российских переписей учитывается структура частных домохозяйств по количеству человек, что позволяет выявить число и долю людей, проживающих в домохозяйствах, состоящих из одного человека, вне семьи. До микропереписи 1994 г., когда единицей наблюдения в ходе переписей выступала семья, а не домохозяйство, выделялись следующие категории населения по семейному статусу: члены семьи, проживающие с семьей; члены семьи, проживающие вне семьи; одиночки.

Сегодня, принимая во внимание масштабы миграции населения, в том числе образовательной, вахтовой занятости, важно учитывать статус членов семьи, которые временно проживают отдельно от семьи, не теряя с ней связи, включая экономическую.

В современном российском обществе крайне важна роль многопоколенной семьи, которая оказывает огромное влияние на формирование устоев и жизненных ориентиров у молодых людей, на их взаимоотношения с родителями и прауродителями, на психологическое и эмоциональное состояние членов.

Исследователи в России еще в 70-х гг. XX в. определяли семейную группу как «группу двух или более семей, находящихся в прямом родстве или свойстве, проживающих раздельно или совместно, связанных общностью материальных интересов, морально-психологических или эмоциональных отношений, заинтересованностью во взаимной помощи, информации и общении» [Ружже и др., 1983: 119]. Несмотря на раздельное проживание, многие семьи (родительская и взрослых детей) поддерживают тесные связи. В настоящее время, в условиях нуклеаризации семьи, важным направлением исследований выступает оценка распространенности семейных групп, их значения для поддержания экономического и психологического благополучия членов семей. Переписи населения смогли бы сыграть в этом большую роль.

Уточнение методики сбора данных о семейной структуре позволит получить исследовательские ответы на актуальные вопросы жизнедеятельности современной семьи, не только затрагивающие демографическую проблематику, но и оказывающие влияние на социальные, экономические процессы в обществе.

Список источников

- Антонов А. И. Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов. М.: Ин-т «Открытое общество», 1998. 360 с.
- Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международ. ун-та бизнеса и упр. («Братья Карич»), 1996. 304 с.
- Волков А. Г. Семья — объект демографии. М.: Мысль, 1986. 271 с.
- Воробьев Н. И. Семья в Нерехте: (к вопросу об анализе семьи) // Вестник статистики. 1925. № 1—3. С. 81—102.

- Всероссийская перепись населения 2002 года. М.: Статистика России, 2005. Т. 6: Число и состав домохозяйств. Табл.: Частные домохозяйства, домохозяйства бездомных и группировка их по размеру по субъектам Российской Федерации; Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек, по типам, размеру и числу детей моложе 18 лет. URL: <https://www.perepis2002.ru/index.html?id=18> (дата обращения: 19.11.2023).
- Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 6: Число и состав домохозяйств. Табл.: Население частных и коллективных домохозяйств, домохозяйств бездомных по субъектам Российской Федерации; Частные домохозяйства, состоящие из двух и более человек, по типам, размеру и числу детей моложе 18 лет. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 19.11.2023).
- Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 8: Число и состав домохозяйств. Табл.: Население частных и коллективных домохозяйств, домохозяйств бездомных по субъектам Российской Федерации; Частные домохозяйства по размеру домохозяйства по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domochozajstv (дата обращения: 18.11.2023).
- Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. Т. 56: Структура городской семьи. Итоги специальной разработки, вып. 1. 176 с.
- Герасимова И. А.* Структура семьи. М.: Статистика, 1976. 167 с.
- Гурко Т. А.* Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99—109.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. URL: <https://static.statmuseum.ru/results/1959/itogi-vsesoyuznoy-perepisi-naseleniya-1959-goda-rsfsr.pdf> (дата обращения: 20.11.2023).
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1974. Т. 7: Миграция населения, число и состав семей в СССР, союзных и автономных республиках, краях и областях. URL: <https://static.statmuseum.ru/results/1970/tom-7-migratsiya-naseleniya-chislo-i-sostav-semey-v-sssr.pdf> (дата обращения: 19.11.2023).
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г.: статистический сборник. М.: Госкомстат. 1990. Т. 6: Число и состав семей. Число рожденных детей, ч. 1: Численность членов семей и одиночек. Число и размер семей. URL: <https://static.statmuseum.ru/results/1979/tom-6-chislo-i-sostav-semey-chislo-rozhdennykh-detey-chast-1-chislennost-chlenov-semey-i-odinochek-chislo-i-razmer-semey.pdf> (дата обращения: 19.11.2023).
- Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. М., 1990. Ч. 3: Семья, жилищные условия. URL: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1989/kratkaya-sotsialno-demograficheskaya-kharakteristika-naseleniya-rsfsr-po-dannym-vsesoyuznoy-perepisi-naseleniya-1989-goda-chast-iii-semya-zhilishchnye/> (дата обращения: 20.11.2023).
- Методологические пояснения о порядке учета населения при Всероссийской переписи населения 2020 года. 2020. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 18.11.2023).
- Принципы и рекомендации в отношении переписей населения и жилого фонда / Организация Объединенных Наций. 2-е изд. Нью-Йорк, 2020. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2015/ECECES41_RU.pdf (дата обращения: 18.11.2023).
- Прокофьева Л. М., Корчагина И. И.* Демографическая структура семей и домохозяйств в России, ее динамика по данным переписей населения // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 2. С. 4—17.

- Ружже В. Л., Елисеева И. И., Кадибур Т. С. Структура и функции семейных групп. М.: Финансы и статистика, 1983. 160 с.
- Урланис Б. Ц. Семья и проблемы демографии // Молодая семья. М.: Статистика, 1977. Вып. 18. С. 3—14. (Народонаселение).
- Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979. 367 с.
- Эволюция семьи и семейная политика в СССР / под ред. А. Г. Вишневого. М.: Наука, 1992. 140 с.
- Good W. World Revolution and Family Patterns. New York: Free Press, 1963. 432 p.
- Parsons T. The normal American family // Man and Civilization: the Family's Search for Survival / ed. by S. M. Farber, P. Mustacchi, L. Wilson. New York: McGraw-Hill, 1965. P. 31—50.

References

- Antonov, A. I. (1998) *Mikrosotsiologiia sem'i: Metodologiia issledovaniia struktur i protsessov* [Microsociology of the family: Methodology for studying structures and processes], Moscow: Institut "Otkrytoe obshchestvo".
- Antonov, A. I., Medkov, V. M. (1996) *Sotsiologiia sem'i* [Sociology of the family], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Izdatel'stvo Mezhdunarodnogo universiteta biznesa i upravleniia ("Brat'ia Karich").
- Gerasimova, I. A. (1976) *Struktura sem'i* [Family structure], Moscow: Statistika.
- Good, W. (1963) *World Revolution and Family Patterns*, New York: Free Press.
- Gurko, T. A. (2017) Novye semeinye formy: tendentsii rasprostraneniia i poniatiia [New family forms: tendencies of spreading and concepts], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 99—109.
- Kharchev, A. G. (1979) *Brak i sem'ia v SSSR* [Marriage and family in the USSR], Moscow: Mysl'.
- Metodologicheskie poiasneniia o poriadke ucheta naseleniia pri Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2020 goda* [Methodological explanations on the procedure for registering the population during the 2020 All-Russian Population Census], available from <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (accessed 18.11.2023).
- Parsons, T. (1965) The normal American family, in: Farber, S. M., Mustacchi, P., Wilson, L. (eds), *Man and Civilization: The Family's Search for Survival*, New York: McGraw-Hill, pp. 31—50.
- Printsipy i rekomendatsii v otnoshenii perepisei naseleniia i zhilogo fonda (2020)* [Principles and recommendations for population and housing censuses], Organizatsiia Ob"edinennykh Natsii, 2nd ed., available from https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2015/ECECES41_RU.pdf (accessed 18.11.2023).
- Prokofieva, L. M., Korchagina, I. I. (2023) Demograficheskaia struktura semei i domokhoziaistv v Rossii, ee dinamika po dannym perepisei naseleniia [The demographic structure of families and households in Russia, its dynamics according to population censuses], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 10, no. 2, pp. 4—17.
- Ruzhze, V. L., Eliseeva, I. I., Kadibur, T. S. (1983) *Struktura i funktsii semeinykh grupp* [Structure and functions of family groups], Moscow: Finansy i statistika.
- Uralanis, B. Ts. (1977) Sem'ia i problemy demografii [Family and demographic problems], in: *Molodaia sem'ia*, iss. 18, Moscow: Statistika, pp. 3—14.
- Vishnevsky, A. G. (ed.) (1992) *Evolutsiia sem'i i semeinaia politika v SSSR* [Evolution of the family and family policy in the USSR], Moscow: Nauka.
- Volkov, A. G. (1925) *Sem'ia — ob"ekt demografii* [Family is an object of demography], Moscow: Mysl'.

Vorobyov, N. I. (1986) Sem'ia v Nerekhte: (K voprosu ob analize sem'i) [Family in Nerekhta: (On the issue of family analysis)], *Vestnik statistiki*, no. 1—3, pp. 81—102.

Статья поступила в редакцию 04.12.2023; одобрена после рецензирования 18.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 04.12.2023; approved after reviewing 18.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

Информация об авторах / Information about the authors

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Кучмаева Оксана Викторовна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, kuchmaeva@yandex.ru (Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 75—92.

Woman in Russian Society. 2024. No. 1. P. 75—92.

Научная статья

УДК 323;614.2(091)(47+57)''1918/1920''

DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.5

«ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИН» И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА 1918—1920-х гг.: ПРИОБРЕТЕНИЯ И ИЗДЕРЖКИ

*Наталья Александровна Мицюк¹, Наталья Львовна Пушкарева²,
Зинара Зиевна Мухина³*

¹ Смоленский государственный медицинский университет,
г. Смоленск, Россия, nmitsyuk@gmail.com

² Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия

³ Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова (филиал),
Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»,
г. Старый Оскол, Россия

Аннотация. С привлечением широкого круга архивного материала (фонды отдела здравоохранения Смоленского губисполкома, отделов здравоохранения уисполкомов, подотдела охраны материнства и младенчества Государственного архива Смоленской области, Минпроса РСФСР и Деткомиссии ВЦИК Государственного архива РФ) проведен анализ социальной политики в области охраны материнства и младенчества в 1918—1920-х гг. в одном из регионов России. Было установлено, что при всей концептуальной и теоретической прогрессивности декларируемая молодой советской властью социальная политика не достигала воплощения. Главная причина — отсутствие эффективной системы местного управления и выстроенного алгоритма финансирования. Особенно уязвимыми оказывались «освобожденные женщины», которых призывали включаться в общественное производство, в то время как декларируемые социальные гарантии для всех беременных, кормящих женщин, женщин с малолетними детьми повсеместно не соблюдались. Усилия региональной власти были направлены на преодоление катастрофических последствий, связанных с голодом и войной, а потому высокие цифры детской беспризорности были обусловлены не новой половой моралью, объявившей об «освобождении женщин от домашнего рабства», но резким падением социально-

экономического уровня жизни российских городских семей. Обращение к документам детских приютов показало, что значительная часть детей была определена в эти учреждения самими матерями, старавшимися таким образом сохранить детям жизнь.

Ключевые слова: семейная политика 1920-х гг., охрана материнства и детства, «освобождение женщин», детские приюты, детская беспризорность, история семьи, история родительства

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00625 «Родительство в контексте семейной и репродуктивной политики в новейшей истории России: социально-исторический, медико-антропологический анализ», <https://rscf.ru/project/22-28-00625/>.

Для цитирования: Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л., Мухина З. З. «Освобождение женщин» и семейная политика 1918—1920-х гг.: приобретения и издержки // *Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 75—92.*

Original article

“WOMEN’S LIBERATION” AND FAMILY POLICY OF THE 1918—1920s: ACQUISITIONS AND COSTS

*Natalia A. Mitsyuk*¹, *Natalia L. Pushkareva*², *Zinara Z. Mukhina*³

¹ Smolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation, nmitsyuk@gmail.com

² N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

³ Stary Oskol Technological Institute named after A. A. Ugarov (Branch), National University of Science and Technology “MISIS”, Stary Oskol, Russian Federation

Abstract. The authors analyzed social policy related to the protection of motherhood and infancy in the 1918—1920s in one of the regions of Russia. The research is based on a wide range of archival materials. It was found that, despite the conceptual and theoretical progressiveness, social policy in the first years of Soviet power did not achieve its results. The main reason is the lack of an effective local government system and a structured financing algorithm. Particularly vulnerable were “liberated women” who had to perform labor duties, and social guarantees for pregnant women, nursing mothers and women with small children were not universally respected. The efforts of regional authorities were aimed at overcoming the catastrophic consequences associated with famine and war. For this reason, high rates of child homelessness were not due to a new sexual morality that proclaimed “the liberation of women from domestic slavery”, but to a sharp drop in the socio-economic standard of living of Russian urban families. An examination of the documents of orphanages showed that a significant part of the children were sent to these institutions by the mothers themselves, who were trying to save their children’s lives in this way.

Key words: family policy of the 1920s, protection of motherhood and childhood, “women’s liberation”, orphanages, child homelessness, family history, history of parenting

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 22-28-00625 “Parenthood in the context of family and reproductive policy in the modern history of Russia: socio-historical, medical-anthropological analysis”, <https://rscf.ru/en/project/22-28-00625/>.

For citation: Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L., Mukhina, Z. Z. (2024) “Osvobozhdenie zhenshchin” i semeĭnaia politika 1918—1920-kh gg.: priobreteniia i izderzhki [“Women’s liberation” and family policy of the 1918—1920s: acquisitions and costs], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 75—92.

Обращение к изучению опыта реализации семейной политики в современных условиях представляется особенно актуальным. Противоречивые демографические тенденции последнего десятилетия, смена кратковременного положительного естественного прироста населения на отрицательный, вторая волна депопуляции, неравномерный суммарный коэффициент рождаемости в регионах, интенсификация и индивидуализация жизни, приводящие к появлению и распространению новых репродуктивных установок у молодого поколения (смена среднететной установки рождаемости на малодетную, старение брачности, добровольная бездетность, чайлдфри, отказ от семьи и брака) [Демографическое развитие... , 2022: 5—6] требуют от федеральных и региональных властей направлять значительные усилия на выработку оптимальной семейной и демографической политики. В то же время современные исследования демографического поведения и репродуктивных установок современной молодежи (и прежде всего женщин) показывают, что во многом выбор в пользу малодетности продиктован стремлением женщин совместить «конкурирующие цели» — профессиональную самореализацию, достижение высокого уровня благосостояния и деторождение [Великая, Князькова, 2021; Leykin, Rivkin-Fish, 2022]. Сосредоточение на карьерных стратегиях приводит к издержкам в области репродуктивных планов [Демографическое развитие... , 2022: 59]. В этой связи в 2023 г. по распоряжению Правительства РФ была принята новая Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023—2030 гг. [Распоряжение... , 2022], направленная на повышение экономической независимости, социальной активности и возможностей самореализации женщин, а также позволяющая им совмещать карьеру и рождение детей [Ушакова, Савин, 2023]. В условиях выработки оптимальной социальной политики чрезвычайно актуальным является изучение исторического опыта. Обращение к 1920-м гг. имеет особую значимость, так как в эти годы государство стремилось выработать абсолютно новый формат семейной и гендерной политики, направленный на освобождение женщин и обеспечение демографических интересов государства.

Социальная политика в отношении семьи и женщин в 1920-х гг. часто попадала в исследовательский фокус как российских, так и зарубежных историков, демографов, социологов и социальных антропологов [Конюс, 1954; Лебина, 1999; Афанасова, 2020; Васеха, 2019; Сулейманова, 2022; Мицюк, Пушкарева, 2023]. Классическим стал вывод о том, что смелые социальные преобразования, связанные с освобождением женщин, уравнивание их в правах с мужчинами, легализация абортов привели к резкому падению рождаемости [Waters, 1992; Goldman, 1993; Kirschenbaum, 2001; Афанасова, 2020]. Именно этот факт, по мнению исследователей, способствовал «великому откату» в области социальной политики, возвращению женщин в лоно семьи и защите традиционных ценностей в рамках семейной политики 1930-х гг. [Рябинина, 2004; Денисенко, 2008]. Социологи, базируясь в числе прочего на истории семейной политики в России, сформулировали кризисную концепцию семьи, в основе которой лежит изменение

ценности детей, семьи, родительства как фундамента негативных трансформаций в рамках института семьи [Голод, 2008; Антонов, 2016]. Современные исследователи, изучая различные направления семейной политики, склонны оценивать степень ее эффективности с учетом противоречивости интересов государства и личности и необеспеченности предлагаемых государством мер социальной поддержки [Гурко, 2008; Исупова, 2020; Великая, Князькова, 2021].

Мы полагаем, что оценить противоречивость семейной политики в различные исторические периоды позволяет совмещение макро- и микроисторического подходов. Цель данного исследования состоит в изучении алгоритмов реализации новой семейной политики на местах (микро- и мезоуровень) в первые годы советской власти для понимания макросоциальных процессов. Анализ реализации социальной политики на низовом уровне позволит определить, как формальные правила применялись на практике и какие при этом возникали потенциальные проблемы и противоречия. Мы опирались на микроисторический подход, в основе которого — изучение прежде всего региональных архивных материалов, имеющих отношение к различным ведомствам и организациям. Эмпирической основой исследования выступили документы Государственного архива Смоленской области из фондов отдела здравоохранения Смоленского губисполкома, отделов здравоохранения уисполкомов, фонда подотдела охраны материнства и младенчества, фондов детских приютов и детских домов. Также были использованы документы Государственного архива Российской Федерации (фонд Минпроса РСФСР и Деткомиссии ВЦИК). Для анализа реализации социальной политики на мезоуровне были изучены официальные документы, регулирующие работу государственных социальных учреждений. Многие из документов впервые вводятся в научный оборот.

Применение подходов женской истории дало возможность поставить в центр изучения женщин, их интересы и реальные свободы. Рассмотрение проводимых социальных преобразований через призму повседневной истории с использованием концептов понимающей социологии, социального конструирования реальности позволило изучить область мотивации людей, объяснить причины трансформации их семейного и репродуктивного поведения. Основными методами исследования выступили качественный и количественный контент-анализ делопроизводственных текстов, статистической информации, а также многочисленных личных обращений граждан в органы государственной власти. Нами был также использован метод интерпретативного анализа государственной социальной политики [Yanow, 2000], направленный на привлечение дискурсов, чтобы понять выраженные и переданные интересубъективные социальные смыслы, хранящиеся в (социальной) политике и связанные с ней.

Новая семейная политика и сложности реализации ее в регионах

В первые годы советской власти были приняты революционные законы, которые существенно меняли правовое положение женщин в обществе и были направлены на обеспечение их равноправия и освобождения от «семейного рабства». Формирование новых очертаний социальной политики происходило в экстремальных условиях первого десятилетия советской власти. Женское население активно включалось в сферу трудовых отношений, провозглашалось их освобождение от традиционных социальных ролей. Изменение юридического

положения женщин требовало формирования новой модели семейной политики — социал-демократической [Чернова, 2013], основанной на всеобщности, вседоступности, равенстве, бесплатности, массовости и унифицированности социальных услуг. Она была призвана решить демографические проблемы [Денисенко, 2008], которые обострились в условиях социальных катастроф, а также отражать новую идеологию социалистического государства. Советское государство рассматривало охрану материнства и детства в качестве средства для «раскрепощения трудящихся женщин» [ГАСО, ф. Р-132, оп. 1, д. 527, л. 279]. Материнство провозглашалось социальной функцией женщины, а охрана детства — обязанностью государства [Собрание... , 1942: 210]. Семья переставала рассматриваться в качестве частного института, она стала объектом государственной политики.

Требовалось изменить семейное и трудовое законодательство, которое позволило бы женщине совмещать активную профессиональную деятельность и материнство [Лебедева, Смулевич, 1936: 43]. Согласно декрету СНК от 5 октября 1918 г. и новому КЗоТу, вводилась всеобщая трудовая повинность, которая обязывала женщин активно вовлекаться в общественное производство. Происходила либерализация законодательства о семье и браке (декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении актов гражданского состояния» от 18 декабря 1917 г.), которая приводила к тому, что заключение гражданского брака и развода стали чрезвычайно простой процедурой. Социальное законодательство было направлено на установление гарантий защиты прав матерей, беременных, детей. Был расширен закон 1912 г. о страховании по беременности (увеличен срок отпуска, сокращено рабочее время для матерей с грудными детьми, вводились пособия для кормящих матерей), запрещены ряд тяжелых работ для беременных и сверхурочные работы [Собрание... , 1943: 667, 692]. Постановление Народного комиссариата труда и Народного комиссариата здравоохранения «О мерах охраны труда и здоровья матерей, кормящих грудью» от 11 ноября 1920 г. предусматривало преимущественное право на работу матерей, кормящих грудью, а также выделение мест в яслях рядом с местом жительства [там же: 667]. В 1920 г. впервые в мире была принята Декларация прав беременной [Декларация... , 1920]. Провозглашались репродуктивные права женщин. Постановление Наркоматов юстиции и здравоохранения РСФСР от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщин» впервые в мире легализовало аборт по медицинским и социальным показаниям.

Реализация принятых законов в области семейной политики, правового положения женщин на местах в первое десятилетие советской власти сопровождалась серьезными затруднениями. Одной из причин этого стало отсутствие единого центра координации политики в сфере охраны материнства и детства, что приводило к многочисленным бюрократическим проволочкам, конфликтным ситуациям и попыткам региональной власти разграничить полномочия многочисленных комиссий, отделов, подкомиссий и подотделов.

При Наркомате призрения 1 января 1918 г. была создана Коллегия по охране и обеспечению материнства и младенчества, которая должна была стать основным центром в организации проведения политики в области семьи и детства [Собрание... , 1942: 210]. Однако на практике в регионах формировалась

многоуровневая система охраны материнства и детства с привлечением различных органов исполнительной власти. Важным органом исполнительной власти, которому также вменялось в обязанность проводить политику в данной сфере, становится Наркомат народного просвещения (Наркомпрос). Его функции были сосредоточены на открытии детских приютов, яслей и детских садов и координации их деятельности [ГА РФ, ф. А-2306, оп. 14, д. 13, л. 1 об.]. Охрана детей была также отнесена к полномочиям Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей (Главсоцвос). В Смоленской губернии в 1918—1919 гг. все детские учреждения стали подведомственны Смолгубсоцвосу [ГАСО, ф. Р-132, оп. 1, д. 75, л. 20]. Затем они постепенно переходили под контроль отделов образования и здравоохранения. Отдельные аспекты охраны материнства и детства курировали Народный комиссариат труда [Об организации... , 1919: 272], отделы по работе среди женщин (женотделы и женсоветы), учреждаемые при ЦК и местных комитетах РКП(б) по работе с женщинами. Значительный функционал в области охраны материнства и младенчества (ОММ) был закреплен за Народным комиссариатом здравоохранения, при котором были открыты Отдел охраны здоровья детей (Оздравдет) и подотдел ОММ [Собрание... , 1943: 688].

Изучение региональных делопроизводственных материалов показало, что в 1920-х гг. на местах существовала путаница и межведомственная разобщенность; функции отделов, комиссий, подотделов часто пересекались, что затрудняло проведение в жизнь единого плана преобразований. По замыслу руководителей советских органов власти, планировалось повсеместное открытие подотделов охраны детского здоровья, а также охраны материнства и младенчества на местах [ГАСО, ф. Р-132, оп. 1, д. 57, л. 397—399]. Однако местные органы власти не торопились с реализацией намеченных планов, полагая, что есть более насущные дела [там же, д. 57]. Даже при открытии многие подотделы существовали только на бумаге. Обострялась ситуация, связанная с разграничением полномочий и функционала в деятельности наркома здравоохранения и наркома образования. Подотделы внутри отделов здравоохранения и образования также не могли согласовать свои действия.

Еще одной причиной сложностей в реализации семейной политики в регионах стала проблема финансирования. Новая модель социальной политики предполагала, что содержание соответствующих учреждений должно полностью ложиться на местные органы власти, которые в 1920-х гг. не могли справиться с поставленными задачами. К 1923 г. в регионах наметилась тенденция к закрытию учреждений, связанных с реализацией функции охраны материнства и детства (детские ясли, сады, приюты, женские консультации, молочные кухни и т. д.) [там же, д. 627, л. 166]. Отмечалось «пассивное» отношение уездов к организации намеченной социальной политики, что шло «вразрез с лозунгами», озвученными советской властью [там же, д. 527, л. 279]. Из центральных органов власти приходили циркуляры, в императивной форме заявляющие о недопустимости закрытия учреждений. Несмотря на критику частных пожертвований, как выражения прежней буржуазной модели социального призрения, в условиях НЭПа государство допустило привлечение частных средств и помощи со стороны буржуазных стран [там же, д. 627, л. 41]. В практику входило использование страховых взносов и принцип закрепления шефства отдельных предприятий,

совхозов и органов власти над детскими учреждениями [там же, л. 243; д. 527]. Военные части и силовые подразделения также брали шефство над детскими домами, периодически снабжая их продуктами и одеждой [там же, д. 627, л. 205—206].

Оборотная сторона освобождения женщин

В первые годы советской власти реализация в регионах принятого законодательства в области охраны материнства и «освобождения женщин» явилась практически неосуществимой задачей. По месту работы женщинам не предоставлялись отпуска по беременности и родам, как это декларировалось в документах. Региональные подотделы ОММ были завалены ходатайствами от женщин о получении удостоверений того, что они беременные или кормящие, для предоставления по месту работы. Подотделы пытались связываться с различными органами исполнительной власти, работодателями, ссылаясь на новое социальное законодательство, но бюрократическая переписка затягивалась и не всегда давала результаты [там же, д. 627, 527].

Согласно новому трудовому законодательству, Декларации прав беременных, беременные и кормящие матери освобождались от принудительных работ. В то же время для большинства женщин в регионах эта новая социальная норма вплоть до середины 1920-х гг. действовала исключительно на бумаге. Отделы и подотделы ОММ не могли справиться с потоком обращений женщин с соответствующими ходатайствами. Отделы предоставляли женщинам справки, в которых значилась короткая формулировка «привлечению к трудовым работам не подлежит» [там же, д. 183, л. 365], но они не имели реальной силы. Нередко для освобождения женщин требовалась длительная бюрократическая переписка с различными инстанциями, в ходе которой глава отдела здравоохранения Смоленской губернии был вынужден обращаться к Смолгубпрокурору с просьбой следовать принятым нормативным актам. Нередко за уклонение от трудовой повинности женщинам назначали принудительные работы и привлекали к уголовной ответственности.

В 1922 г. врачам подотдела охраны материнства и младенчества г. Смоленска удалось провести обследование заключенных под стражу женщин. Большая часть из них обвинялась в кражах. Среди заключенных были выявлены беременные женщины, а также женщины с малолетними детьми. Врачи подотдела направляли многочисленные ходатайства в адрес прокурора Смоленской губернии о запрещении заключения под стражу беременных матерей и матерей с детьми до трех лет, согласно постановлению Наркомюста, Наркомтруда и ВЧК от 15 марта 1921 г. [там же, д. 527, л. 233]. Однако получали отказ. На практике в части исполнения законов социальное и уголовное законодательство нередко противоречили друг другу.

Отделы ОММ пытались облегчить положение осужденных женщин с малолетними детьми на руках, ходатайствуя о снижении им срока заключения. Показательна история беженки Елены Каплуновой, которая после развода осталась с тремя малолетними детьми на руках [там же, д. 627, л. 26, 29]. Не имея возможности прокормить себя и детей, она стала торговать самогоном. Женщина была арестована и осуждена за трудовое дезертирство. Прокуратура отказалась

ее освобождать из заключения, в котором она была послана на принудительные работы. Дети были определены в приют.

Повсеместное несоблюдение в регионах социальных гарантий, предоставленных беременным, привело к тому, что возглавлявшая отдел Охматмлада при Наркомздраве В. П. Лебедева обратилась к органам исполнительной власти с просьбой «совместно с органами охраны труда принимать все меры к соблюдению прав охраны труда работниц» [там же, л. 37].

С развитием принципа социального страхования с середины 1920-х гг. кормящим матерям стали выплачиваться пособия. Предполагалось, что эти средства должны быть направлены исключительно на улучшение питания ребенка, при этом не допускались траты выделяемых денег на другие нужды семьи. С этой целью в регионах были организованы специальные проверки, результаты которых показали, что выделяемые государственные страховые средства не тратятся по прямому назначению, а происходит их «распыление» на нужды всей семьи [там же, л. 212]. Было принято решение заменить выплаты натуральными продуктами в виде детского питания и одежды, которые оказались доступны исключительно городским жительницам.

С принятием новых брачно-семейных законов процедура развода была существенно облегчена, что, по мысли законодателя, должно было облегчить положение женщин. Однако на практике это обычно оборачивалось против них. В судах женщину зачастую не воспринимали в качестве полноценного субъекта права. Права матерей повсеместно не соблюдались. Женщины находились в уязвимом положении. В ходе развода при желании мужа забрать детей суд часто становился на сторону мужчины [там же, д. 531, л. 5—7]. Показателен случай Александры Романюк, у которой на основе решения суда после развода по ходатайству мужа забрали малолетних детей [там же, л. 61—64]. Их определили отцу, несмотря на то что он состоял в рядах Красной армии. Вопреки обжалованию решения суда, ходатайствам женщины в различные инстанции дети были направлены в детский дом, после того как мужчину призвали на службу. Многочисленные нарушения прав женщин в области семейного права приводили к тому, что подотделы ОММ выступали с инициативой присутствовать на судебных заседаниях и защищать интересы женщин [там же, д. 627, л. 211]. При подотделе ОММ периодически открывалась секция правозащиты матери и ребенка [там же, д. 531, л. 5—7].

Алиментное законодательство только формировалось, поэтому женщины после развода оставались с детьми на руках без всякой помощи со стороны мужа. Для многих матерей с детьми одним из самых острых был жилищный вопрос. С середины 1920-х гг. подотделы ОММ стали проводить регулярное обследование жилищных условий матерей с малолетними детьми. Заключение комиссии показывали драматичную картину. Многие семьи проживали в антисанитарных условиях, не имея элементарных вещей — детской одежды, мебели, посуды [там же, оп. 2, д. 411, л. 24]. Для спасения детей от голода их нередко забирали в приюты. Члены этих комиссий ходатайствовали перед жилищной комиссией об улучшении условий проживания женщин с малолетними детьми [там же, оп. 1, д. 627, л. 213]. Однако данные ходатайства оставались на бумаге.

Городской жилищный фонд был не в состоянии обеспечить жилплощадь всех просительниц.

Тяжесть социально-экономического положения, незащищенность прав женщин и матерей приводили к распространению проституции [Сулейманова, 2022: 101]. Согласно Уголовному кодексу 1922 г., занятие проституцией не считалось преступлением, к таковому относилось содержание притонов, сводничество и принуждение к проституции. К решению данной социальной проблемы были подключены здравотделы, женотделы, органы милиции, НКВД, социального обслуживания. В губернии был образован специализированный совет по борьбе с проституцией. Его главная задача состояла исключительно в осуществлении санитарно-просветительской работы. В 1923 г. в Смоленске милицией было зафиксировано 68 проституток, в 1926 г. их было выявлено 125 [ГАСО, ф. Р-132, оп. 2, д. 655, л. 47]. Однако в отчетах подчеркивалось, что эти цифры чрезвычайно далеки от реального положения дел [там же, д. 109, л. 5]. Основной контингент занимавшихся проституцией — вдовы и безработные женщины [там же, л. 46]. С середины 20-х гг. стал фиксироваться рост детской проституции (12—16 лет) [там же]. Признавалось, что борьба с проституцией — это прежде всего «борьба с безработицей среди женщин» [там же, оп. 1, д. 334, л. 11]. Совет по борьбе с проституцией стал активно ходатайствовать о выделении для женщин, вероятность занятия проституцией которых рассматривалась высокой, трудовых мест. Работодателям вменялось в обязанность «не допустить огульного сокращения женщин» [там же]. Среди проституток в городах нередко были женщины, продающие самогон, поэтому в обиход вошло понятие «самогонщицы-проститутки» [там же, оп. 2, д. 109, л. 5]. Профилактической мерой выступало обследование быта безработных женщин, которые, по мнению комиссии, могли стоять «на грани проституции» [там же, д. 655, л. 3]. Разведенные женщины, не имевшие работы, с детьми на руках стали рассматриваться в качестве тех, кто мог пополнить ряды проститутирующих женщин, в связи с чем с ними предполагалось проводить просветительскую работу. Но большинство обсуждаемых мер (предоставление бездомным женщинам мест в общежитиях, выдача пособий безработным женщинам, содействие трудоустройству) оставались лишь на бумаге [там же, л. 9].

Трудовая повинность женщин и рост детской беспризорности

Детская беспризорность в начале 1920-х гг. достигла колоссальных масштабов вследствие гражданской войны, массового обнищания населения, голода, разрушения социальной инфраструктуры и стала рассматриваться как угроза существованию молодого советского государства [там же, оп. 1, д. 763, л. 3]. В Смоленске, как и по всей России, росла детская и подростковая преступность, по городу формировались преступные «детские шайки». Местная пресса писала: «В настоящее время в Смоленске имеется огромное количество детских шаек. Среди этих преступников имеются настоящие “клопы” — 12-летние ребята. Почти все они алкоголики, кокаинисты. Многие заражены венерическими болезнями» [там же, д. 766, л. 27]. В регионах создавались многочисленные комиссии, в том числе по поиску и определению детей в детские дома, по улучшению жизни детей, проводились обследования районов города, практиковалось

адресное выделение помощи для семей, находившихся в крайне бедственном положении, но в начале 1920-х гг. изменить ситуацию с беспризорниками не удавалось [там же, л. 46].

Изучение архивных документов показало, что значительная часть детей в детские дома направлялась самими родителями, прежде всего женщинами. Не либеральное законодательство в области семьи, брака и репродуктивного поведения населения, а сложнейшие социальные условия, связанные с выживанием, вынуждали матерей отказываться от своих детей. Анализ внутренней документации подотделов ОММ показал, что в многочисленных прошениях матерей о приеме детей в приюты в абсолютном большинстве случаев в качестве причины указывалась неспособность их прокормить [там же, д. 525]. Заявления женщин в подотделы ОММ демонстрируют драматичную картину социального положения просительниц. Как правило, все они были незамужние или состояли в разводе, на руках у них было несколько детей, на иждивении могли находиться бедные родственники, все женщины жили в крайне тяжелых условиях и не имели возможности работать ввиду необходимости ухода за малолетними детьми. Отказ от детей рассматривался матерями в качестве единственного способа спасения их от голода [там же, д. 531, л. 62; д. 299, л. 465]. Приведем типичное прошение жительницы г. Смоленска Лизы Шиликовой, датированное 1922 г.: «Прошу зачислить временно моего ребенка восьми месяцев в ваш приют ввиду моего безвыходного положения. Мужа я не имею, он уехал 5 месяцев назад в неизвестном направлении. Я портниха. Машины не имею, а по домам ходить с ребенком не берут» [там же, д. 525, л. 269]. Усугублялась ситуация введением обязательной трудовой повинности для женщин и отсутствием достаточного числа детских садов и яслей.

Неспособность родителей, и прежде всего женщин, прокормить новорожденных приводила к росту детской смертности. Анализ смертности и рождаемости в регионах в 1917—1920-х гг. затруднен, так как в статистических фондах за эти годы сведения фрагментарны. Однако изучение отрывочных данных за 1916 и 1920-е гг. в Смоленской губернии показало, что рождаемость в уездах сохранялась на прежнем уровне или даже росла (что не противоречит общероссийским выводам [Генс, 1929]), в то время как показатели смертности существенно увеличились (табл.). Согласно статистическим данным, за первое полугодие 1922 г. в Смоленской губернии смертность детей до четырех лет составила около 30 % [ГАСО, ф. Р-132, оп. 1, д. 764, л. 14].

Статистические данные рождаемости, а также смертности детей до четырех лет за первое полугодие 1922 г. в Смоленской губернии, %
[ГАСО, ф. Р-132, оп. 1, д. 475, л. 4]

Уезд	Рождаемость		Смертность	
	1916 г.	1920 г.	1916 г.	1920 г.
Дорогобужский	332	452	298	539
Мстиславльский	82	285	67	176
Демидовский	128	209	142	171
Рославльский	937	783	844	1179

Росла практика подкидывания детей [там же, д. 18]. Как правило, подкидышей оставляли возле детских приютов [там же, ф. Р-1530, оп. 1, д. 18, л. 34]. По статистике одного из детских приютов Смоленска, подкидыши в 1923 г. составляли 64 % от общего числа поступивших детей, в то время как дети, официально переданные в приюты матерями, — только 12 % [там же, ф. Р-132, оп. 2, д. 299, л. 103].

Основной мерой по борьбе с детской беспризорностью явилось открытие детских приютов. К 1923 г. в Смоленской губернии функционировало 10 детских приютов. Численность детей в них постоянно колебалась, а в среднем составляла около 800 человек [там же, д. 131, л. 14]. Но количество детей в приютах не отражало масштаба проблемы, так как большая их часть бродяжничала, фиксировались частые случаи побегов детей из приютов [там же, оп. 1, д. 229, л. 5]. Спасать жизни младенцев были призваны дома для грудных детей. В детских приютах могли содержаться дети-сироты, а также новорожденные с матерями, которым разрешалось находиться там до 5—6 месяцев. Встречалась практика временного оставления родителями детей в приютах, что было обусловлено невозможностью их прокормить и совмещать трудовые обязанности с уходом за ними. Младенцы могли находиться в домах ребенка, матерям позволялось навещать их для вскармливания [там же, оп. 2, д. 133, л. 2].

Переполненность детских приютов приводила к тому, что с середины 1920-х гг. стала распространяться практика раздачи детей в приемные семьи [там же, д. 411, л. 58]. Приемные родители должны были подписать «обязательство», в котором обещали не эксплуатировать детей, обучать их грамоте, заботиться о здоровье и сообщать все необходимые сведения подотделу ОММ [там же, д. 299, л. 367]. Нередко просителями выступали немолодые мужчины, проживавшие в сельской местности. Вероятно, прием детей рассматривался в качестве возможного заработка.

Противоречивость репродуктивных прав женщин

Наиболее противоречивой оказалась политика в области репродуктивных прав женщин. Многие исследователи полагают, что именно легализация аборт в 1920 г. привела к резкому демографическому кризису. Стоит заметить: статистические данные в отношении аборт в 1920-х гг. чрезвычайно противоречивы и неоднозначны. В региональных архивах все дела, связанные с производством аборт, утеряны или списаны. Отрывочные данные позволяют усомниться в высоких цифрах, которые приводятся в демографических исследованиях. По сведениям региональных исследований, ежегодно в областных городах советской России в 1924—1926 гг. производилось от 20 до 80 аборт, в предыдущие годы их число было еще меньше [Лебина, 1999: 275; Денисова, 2010]. В Смоленской губернии впервые данные о числе аборт в архивных документах стали фигурировать с 1922 г., до этого отсутствовали какие-либо условия для реализации декрета, принятого в 1920 г. В 1922 г. по Дорогобужскому уезду было зафиксировано 37 аборт. Число аборт могло колебаться ежегодно от 0,5 до 2,6 % от всех деторождений.

Статистический рост числа аборт не свидетельствовал о его фактическом росте. В документации значились «полные» и «неполные» аборт. К «неполным» абортам относили гинекологические процедуры, связанные с ликвидацией

последствий аборта, проведенного женщиной самостоятельно. Количество женщин, поступивших с неполным абортом и неполным выкидышем, в ряде уездных больниц превышало в 4,5 раза число абортов, осуществленных за этот период [ГАСО, ф. Р-132, оп. 1, д. 769, л. 12 об. — 13]. В Смоленском уезде в 1925 г. за полгода было произведено 97 абортов, среди которых 73 неполных и 24 полных [там же, ф. 426, оп. 1, д. 599, л. 17 об.]. Врачи 1920-х гг. называли эту тенденцию «извлечением абортов из подполья» [Генс, 1929: 8]. Анкеты женщин, пришедших на аборт, говорят также о том, что иногда в анамнезе заявительниц уже были прерывания беременности [ГАСО, ф. 426, оп. 1, д. 599, л. 25]. Это может свидетельствовать о том, что доля скрытых абортов в России среди сельского населения была высокой до фактической легализации абортов. Число выкидышей (абортирование), произведенных сельскими умелицами, невозможно рассчитать, но о том, что данная практика контроля рождаемости имела широкое распространение, свидетельствуют опросные листы пациенток больниц и участковых врачей. При этом статистические данные демонстрировали рост рождаемости населения, а незначительное снижение его прироста объяснялось ростом детской смертности [Генс, 1929: 23—24].

Следует отметить, что аборт по желанию женщины (в случае аборта по социальным показаниям) совершался условно, так как разрешение на прерывание беременности давалось специальными комиссиями [ГАСО, ф. 426, оп. 1, д. 599, л. 1]. В состав абортных комиссий входили представительницы женотделов, врачи и социальные работники, которые определяли весомость социальных показаний [там же, ф. Р-132, оп. 2, д. 133, л. 6]. Отмечалось, что на комиссии приходит крайне мало женщин, большая часть выполняет аборт у частных врачей, акушерок и бабок. Отделами здравоохранения признавалось, что «абортное дело желает много лучшего». При выдаче направлений на аборт комиссиями была выстроена система приоритетов: незамужние безработные, незамужние с ребенком, многодетные, жены рабочих и т. д. [Генс, 1929: 28].

Легализация абортов не сопровождалась выделением на местах достаточного числа больничных коек, поэтому женщины, получившие разрешения на аборт, могли его не дожидаться по причине отсутствия мест в родильных отделениях. 11 % женщин получили отказ в производстве аборта. В отделениях отсутствовали специальные койки для женщин, приходивших на аборт, поэтому после операции их сразу отпускали домой вне зависимости от состояния [ГАСО, ф. Р-132, оп. 2, д. 660, л. 55]. В периодической печати отмечалась повсеместная грубость членов абортных комиссий по отношению к женщинам [там же, д. 411, л. 9].

В сельской местности, согласно опросу участковых врачей, в абсолютном большинстве случаев аборт проводился бабками и акушерками [там же, д. 133, л. 6; Генс, 1929: 71]. В больницы женщины поступали исключительно вследствие возникавших осложнений. Участковые врачи высказывали мнение, что главная причина, по которой они не желали обращаться в больницу за производством аборта, — деятельность абортных комиссий, не позволявшая сохранить тайну операции [Генс, 1929: 71].

Анализ отрывочных данных, а именно заявлений женщин о производстве абортов, показывает, что абсолютное большинство женщин шли на этот шаг в связи с тяжелыми социальными условиями и необходимостью вести активную трудовую деятельность [ГАСО, ф. 426, оп. 1, д. 599, л. 4].

В условиях легализации аборт практически отсутствовала политика в области предотвращения нежелательной беременности. Отдел охраны материнства и младенчества инициировал проведение работы «по даче советов женщинам» о предупреждении нежелательной беременности. Однако такая работа велась далеко не во всех женских консультациях. Как правило, «советы» давались уже беременным женщинам в редких консультациях один раз в неделю [там же, ф. Р-132, оп. 2, д. 660, л. 110].

Недостаток государственных форм содержания, воспитания и лечения детей

Улучшить положение трудящихся матерей были призваны внесемейные формы воспитания, а именно детские ясли и сады. В 1920-х гг. их деятельность не являлась строго регламентированной. Встречались различные формы учреждений, что обуславливалось финансовым положением регионов [там же, оп. 1, д. 32]. Детские учреждения выполняли две основные функции — присмотр за детьми и их кормление. Однако внесемейные формы воспитания в 1920-х гг. не могли «освободить» женщин, так как детских садов и яслей в регионах катастрофически не хватало. К 1923 г. в Смоленской губернии насчитывалось всего 6 детских яслей, в которых состояло около 700 детей [там же, оп. 2, д. 131, л. 14; д. 527, л. 195]. Антисанитарные условия, разбитые помещения, сырость, отсутствие отопления, щели — все это приводило к тому, что многие детские учреждения закрывались в зимнее время [там же, оп. 1, д. 313, л. 37].

Подотделы ОММ не могли удовлетворить прошения всех матерей, желавших разместить детей в ясли и детские сады. Тексты источников выступают свидетельством крайне тяжелого положения матерей. В качестве примера приведем прошение Нины Меженцевой о принятии ее двухмесячного (!) сына в ясли: «Мой муж — член РКП(б) — сейчас на службе в Красном флоте, не имея никаких средств к существованию, ни личного заработка, я должна самостоятельно содержать семью из трех человек — двух детей, трех лет и двух месяцев, и старуху 69 лет от роду» [там же, д. 525, л. 278].

Сложные социальные условия в семьях, проявлениями которых были голод, плохие жилищные условия и антисанитарная обстановка, отражались на здоровье детей. Разрозненные результаты обследований, проведенные подотделами ОММ, демонстрируют крайне тяжелое состояние здоровья детей, помещенных в детские учреждения. Из 2807 обследованных детей Вяземского уезда в 1920 г. 491 ребенок получил диагноз малокровие, 22 — туберкулез, 116 — чесотка, 56 — тугоухость [там же, д. 57, л. 397]. Значительное число из них страдало трахомой (инфекционное заболевание глаз, вызванное хламидией). Все чаще среди детей стал встречаться сифилис. В 1922 г. было зафиксировано, что около 90 % детей получают пониженное питание [там же, д. 764, л. 170].

Открыть в 1920-х гг. детские амбулатории при детских учреждениях, как предписывали циркуляры из Москвы, было делом невозможным [там же, д. 147, л. 8]. Отсутствовали как финансовые, так и трудовые ресурсы. На весь уезд мог числиться единственный школьный санитарный врач. В губернии в начале 1920-х гг. функционировали только две школьные амбулатории. С целью укрепления здоровья детей до года была сделана ставка на открытие детских

консультаций, в которых, кроме осмотра детей, выдавалось детское питание [там же, д. 389, л. 39; д. 318]. Однако по причине того что эти учреждения должны были полностью финансироваться регионом, их число было незначительным, и они не могли существенно изменить ситуацию. В первые годы своей работы детские консультации Смоленска обеспечивали не более 130 детей [там же, д. 627, л. 212].

Подводя итог, важно заметить, что при всей концептуальной и теоретической прогрессивности декларируемая молодой советской властью социальная политика не достигала воплощения на местах. Складывалась парадоксальная ситуация: в условиях заявленного предоставления женщинам прав и свобод, развития социального законодательства в сфере охраны материнства и детства на практике «освобождение женщин» оборачивалось против них самих. Новые очертания социальной политики в области развития женских прав и свобод, семейной жизни, охраны материнства и детства не могли в полной мере быть реализованы в регионах. Правовые и социальные гарантии, предоставленные женщинам в 1920-х гг., на практике не исполнялись. Микроанализ делопроизводственных документов различных органов власти показал, что в регионах не хватало ресурсов для реализации новой социальной политики. Главная причина состояла в отсутствии эффективной системы управления и выстроенного алгоритма финансирования. В 1920-х гг. все усилия региональной власти в области социальной семейной политики были направлены на преодоление катастрофических последствий, связанных с голодом и ростом беспризорности. Важным препятствием в реализации новой социальной политики стала противоречивость уголовного, трудового и социального законодательства, а также устойчивость стереотипов в отношении женских социальных ролей.

При введении всеобщей трудовой повинности, упрощении процедуры развода, отсутствии достаточного числа детских садов и яслей, неразвитости алиментных обязательств со стороны отцов детей в сложнейших условиях социально-экономического кризиса 1918—1920-х гг. вся тяжесть положения падала на женщин. Особенно уязвимыми оказывались «освобожденные женщины», которых призывали включаться в общественное производство, в то время как декларируемые социальные гарантии для всех беременных, кормящих матерей, женщин с малолетними детьми повсеместно не соблюдались. Полноценная система государственных учреждений по охране материнства и детства только зарождалась.

Новая половая мораль на практике носила двойственный характер. На одиноких женщин с детьми стали смотреть с предубеждением. Статистический рост числа аборт не всегда свидетельствовал о его фактическом увеличении, так как легализация абортов вывела их «из подполья», тем самым показав уже существовавшие тенденции, связанные с рационализацией сексуальности. Высокие цифры детской беспризорности были обусловлены резким падением социально-экономического уровня семей. Обращение к документам детских приютов показало, что значительная часть детей была определена в эти учреждения самими матерями, старавшимися таким образом сохранить детям жизнь.

Список источников

- Антонов А. И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI в. // Экономические стратегии. 2016. № 1. С. 40—43.
- Афанасова Е. Н. Реализация социальной политики Советского государства в области охраны материнства и детства в 1920—1930-е гг.: (по материалам Восточной Сибири): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2020. 50 с.
- Васеха М. В. Политика охраны материнства и младенчества в 1920-х гг. и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 107—119.
- Великая Н. М., Князькова Е. А. Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России // Женщина в российском обществе. 2021. № 1. С. 25—37.
- ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации).
- ГАСО (Государственный архив Смоленской области).
- Генс А. Б. Проблема аборта в СССР. М.: Госмедиздат, 1929. 90 с.
- Голод С. И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40—49.
- Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: Ин-т социол. РАН, 2008. 326 с.
- Декларация прав беременной // Правда. 1920. № 195.
- Демографическое развитие России в контексте национальной безопасности / отв. ред. Т. К. Ростовская. М.: Проспект, 2022. 264 с.
- Денисенко М. Демографический кризис в СССР в 1-й половине 1930-х гг.: оценки потерь и проблемы изучения // Историческая демография: сборник статей / под ред. М. Б. Денисенко, И. А. Троицкой. М.: Макс-Пресс, 2008. С. 106—143.
- Денисова М. А. Становление советской семьи в 1920-е гг.: (на примере Курской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. 6, История. Политология. Экономика. 2010. № 7. С. 182—186.
- Исупова О. Г. Демографическая и семейная политика в разных странах: концептуальные подходы и практики // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7, № 3. С. 51—83.
- Конюс Э. М. Пути развития советской охраны материнства и младенчества (1917—1940). М.: Центр. ин-т усовершенствования врачей, 1954. 404 с.
- Лебедева В., Смуглевич Б. Материнство при капитализме и социализме. М.: Соцэкгиз, 1936. 150 с.
- Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920—1930-е гг. СПб.: Летний сад, 1999. 316 с.
- Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. Социальные эксперименты и поиск оптимальных путей в формировании нового института родительства в 1900—1930-е гг. // История повседневности. 2023. № 1. С. 96—116.
- Об организации постоянной комиссии по надзору за малолетними: Постановление Народного комиссариата труда // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. № 192.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 г. № 4356-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212310034> (дата обращения: 20.10.2023).
- Рябинина Н. В. Социальная политика Советской России (октябрь 1917—1920-е гг.): женщина, семья и дети в новом обществе. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2004. 100 с.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. / Упр. делами Совнаркома СССР. М.: б. и., 1942. 1483 с.
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. / Упр. делами Совнаркома СССР. М.: б. и., 1943. 817 с.

- Сулейманова Р. Н. Охрана материнства и детства в Советской России в 1920-х гг.: опыт Башкирии // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 1. С. 98—107.
- Ушакова В. Г., Савин С. Д. Женщины в современной российской политике и государственном управлении // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 1. С. 20—31.
- Чернова Ж. В. Семья как политический вопрос: государственный проект и практики приватности. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 287 с.
- Goldman W. *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 376 p.
- Kirschenbaum L. A. *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917—1932*. New York: Routledge, 2001. 242 p.
- Leykin I., Rivkin-Fish M. Politicized Demography and Biomedical Authority in Post-Soviet Russia // *Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness*. 2022. Vol. 41, № 6—7. P. 702—717.
- Waters E. The Modernisation of Russian Motherhood, 1917—1937 // *Soviet Studies*. 1992. Vol. 44, № 1. P. 123—135.
- Yanow D. *Conducting Interpretive Policy Analysis*. London: SAGE Publications, 2000. 120 p.

References

- Afanasova, E. N. (2020) *Realizatsiia sotsial'noi politiki Sovetskogo gosudarstva v oblasti okhrany materinstva i detstva v 1920—1930-e gg.: (Po materialam Vostochnoi Sibiri): Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk [Implementation of the social policy of the Soviet state in the field of protection of motherhood and childhood in the 1920—1930s: (Based on materials from Eastern Siberia): Synopsis of a thesis (Dr. Sc.)]*, Ulan-Ude.
- Antonov, A. I. (2016) Krizis familisticheskoi tsivilizatsii v XXI v. [The crisis of familistic civilization in the 21st century], *Èkonomicheskie strategii*, no. 1, pp. 40—43.
- Chernova, Zh. V. (2013) *Sem'ia kak politicheskii vopros: Gosudarstvennyi projekt i praktiki privatnosti [Family as a political issue: State project and privacy practices]*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Denisenko, M. (2008) Demograficheskiï krizis v SSSR v 1930-kh gg.: otsenki poter' i problemy izucheniia [Demographic crisis in the USSR in the 1st half of the 1930s: estimates of losses and problems of study], in: Denisenko, M. B., Troitskaya, I. A. (eds), *Istoricheskaia demografiia: Sbornik statei*, Moscow: Maks-Press, pp. 106—143.
- Denisova, M. A. (2010) Stanovlenie sovetskoï sem'i v 1920-e gg.: (Na primere Kurskoï gubernii) [Formation of the Soviet family in 1920s: (On the example of Kursk province)], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia 6, Istoriiia. Politologiiia. Èkonomika, no. 7, pp. 182—186.
- Gens, A. B. (1929) *Problema aborta v SSSR [The problem of abortion in the USSR]*, Moscow: Gosmedizdat.
- Goldman, W. (1993) *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917—1936*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Golod, S. I. (2008) Sotsiologo-demograficheskiï analiz sostoianiia i èvoliutsii sem'i [Sociological and demographic analysis of the state and evolution of the family], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 40—49.
- Gurko, T. A. (2008) *Brak i roditel'stvo v Rossii [Marriage and parenthood in Russia]*, Moscow: Institut sotsiologii Rossiïskoï akademii nauk.
- Isupova, O. G. (2020) Demograficheskaia i semeïnaia politika v raznykh stranakh: kontseptual'nye podkhody i praktiki [Population and family policy in different countries: conceptual approaches and practices], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 7, no. 3, pp. 51—83.

- Kirschenbaum, L. A. (2001) *Small Comrades: Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917—1932*, New York: Routledge.
- Konyus, E. M. (1954) *Puti razvitiia sovetskoĭ okhrany materinstva i mladenchestva (1917—1940)* [The ways of development of the Soviet protection of motherhood and infancy (1917—1940)], Moscow: Izdatel'stvo Tsentral'nogo instituta usovershenstvovaniia vracheĭ.
- Lebedeva, V., Smulevich, B. (1936) *Materinstvo pri kapitalizme i sotsializme* [Motherhood under capitalism and socialism], Moscow: Sotsĕkgiz.
- Lebina, N. B. (1999) *Povsednevnaia zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii, 1920—1930-e gg.* [Everyday life of the Soviet city: norms and anomalies, 1920—1930s], St. Petersburg: Letniĭ sad.
- Leykin, I., Rivkin-Fish, M. (2022) Politicized Demography and Biomedical Authority in Post-Soviet Russia, *Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness*, vol. 41, no. 6—7, pp. 702—717.
- Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L. (2023) Sotsial'nye ĕksperimenty i poisk optimal'nykh puteĭ v formirovanii novogo instituta roditel'stva v 1900—1930-e gg. [Social experiments and the search for optimal ways in the formation of a new institution of parenthood in the 1900s and 1930s], *Istoriia povsednevnosti*, no. 1, pp. 96—116.
- Rostovskaya, T. K. (ed.) (2022) *Demograficheskoe razvitie Rossii v kontekste natsional'noĭ bezopasnosti* [Demographic development of Russia in the context of national security], Moscow: Prospekt.
- Ryabinina, N. V. (2004) *Sotsial'naia politika Sovetskoĭ Rossii (oktiabr' 1917—1920-e gg.): Zhenshchina, sem'ia i deti v novom obshchestve* [Social policy of Soviet Russia (October 1917—1920s): Woman, family and children in the new society], Yaroslavl: Iaroslavskii gosudarstvennyi universitet.
- Suleimanova, R. N. (2022) Okhrana materinstva i detstva v Sovetskoĭ Rossii v 1920-kh gg.: opyt Bashkirii [Protection of maternity and infancy in Soviet Russia of the 1920s: regional experience], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 98—107.
- Ushakova, V. G., Savin, S. D. (2023) Zhenshchiny v sovremennoĭ rossiĭskoĭ politike i gosudarstvennom upravlenii [Women in modern Russian politics and public administration], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 20—31.
- Vasekha, M. V. (2019) Politika okhrany materinstva i mladenchestva v 1920-kh gg. i "konstruirovaniĭ" matereĭ novogo tipa: opyt sibirskoĭ derevni [The policy of motherhood and infancy protection in the 1920s and "designing" of a new type mothers: the experience of the Siberian village], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 107—119.
- Velikaya, N. M., Knyazkova, E. A. (2021) Reproaktivnye prava zhenshchin v politicheskom diskurse sovremennoĭ Rossii [Reproductive women rights in political discourse of modern Russia], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 1, pp. 25—37.
- Waters, E. (1992) The Modernisation of Russian Motherhood, 1917—1937, *Soviet Studies*, vol. 44, no. 1, pp. 123—135.
- Yanow, D. (2000) *Conducting Interpretive Policy Analysis*, London: SAGE Publications.

Статья поступила в редакцию 28.12.2023; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 28.12.2023; approved after reviewing 09.01.2024; accepted for publication 10.01.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Мицюк Наталья Александровна — доктор исторических наук, доцент кафедры философии, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Россия, nmitsyuk@gmail.com (Dr. Sc. (History), Associate Professor at the Department of Philosophy, History of Medicine and Social Sciences, Smolensk State Medical University, Smolensk, Russian Federation).

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Мухина Зинара Зиевна — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных наук, Старооскольский технологический институт им. А. А. Угарова (филиал) Национального исследовательского технологического университета «МИСИС», г. Старый Оскол, Россия, mukhiny@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Humanities, Stary Oskol Technological Institute named after A. A. Ugarov (Bbranch) of the National University of Sciences and Technology “MISIS”, Stary Oskol, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ Е НАУКИ
HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 93—102.

Woman in Russian Society. 2024. No. 1. P. 93—102.

Научная статья

УДК 323:614.2(091)(470.57)''1945/1947''

DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.6

**«МНОГОДЕТНЫМ МАТЕРЯМ — ДОЛЖНОЕ ВНИМАНИЕ».
КАК В БАШКИРИИ ВЫПОЛНЯЛСЯ УКАЗ ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР 1944 г.**

Рима Нугамановна Сулейманова

Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный
исследовательский центр, Российская академия наук, г. Уфа,
Республика Башкортостан, Россия, rnsulejman@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена исследованию деятельности органов управления по государственной поддержке матерей и детей в период 1945—1947 гг. на примере Башкирской автономной республики. На основе архивных документов и опубликованных источников рассмотрена деятельность руководства республики, местных органов власти по оказанию помощи многодетным семьям, охране материнства и детства в военный и послевоенный периоды. Сделан вывод об актуальности и сложности работы органов управления социальной политики в автономной республике в эти трудные годы.

Ключевые слова: указ, охрана материнства и детства, власть, мероприятия, военный и послевоенный периоды, регион

Благодарности: исследование проведено в рамках выполнения государственного задания ИИЯЛ УФИЦ РАН на 2024 г., проект «Социокультурные процессы на Евразийском пространстве с древнейших времен до современности» (номер госрегистрации 122040400130-5).

Для цитирования: Сулейманова Р. Н. «Многодетным матерям — должное внимание». Как в Башкирии выполнялся Указ Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. // *Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 93—102.*

Original article

**“DUE CONSIDERATION FOR MOTHERS OF MANY CHILDREN”.
HOW THE DECREE OF THE PRESIDIUM OF THE USSR SUPREME
COUNCIL OF 1944 WAS IMPLEMENTED IN THE BASHKIR
AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC**

Rima N. Suleimanova

Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation,
rnsulejman@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the activities of government bodies for state support of mothers and children in the period 1945—1947 using the example of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic. Based on archival documents and published sources, the activities of the leadership of the republic and local authorities in providing assistance to large families and the protection of motherhood and childhood during the war and post-war periods were examined. In conclusion, the author examines the relevance and complexity of the work of social policy management bodies in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic in the war and post-war years.

Key words: Decree, protection of motherhood and childhood, government, events, war and post-war periods, region

Acknowledgments: the study was conducted as part of the implementation of the state task of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences for 2024, the project “Sociocultural processes in the Eurasian space from ancient times to the present” (state registration number 122040400130-5).

For citation: Suleimanova, R. N. (2024) “Mnogodetnym materiam — dolzhnoe vnimanie”. *Kak v Bashkirii vypolnialsia Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR 1944 g.* [“Due consideration for mothers of many children”. How the Decree of the Presidium of the USSR Supreme Council of 1944 was implemented in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 93—102.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. внесла серьезные коррективы в естественный ход течения демографических процессов в СССР, затронув все регионы, в том числе Башкирскую АССР. За этот период сократилась общая численность населения автономной республики, особенно мужского, резко возросла общая и младенческая смертность, снизились темпы естественного прироста населения. Если в начале войны в республике родилось свыше 104,5 тыс. человек, то к ее концу уже в три раза меньше. В течение пяти лет оставались низкими показатели как общей, так и детской смертности [НА РБ, ф. 472, оп. 20, д. 556, л. 3—3а]. Возросла заболеваемость населения, в том числе детей. Ухудшилось положение в брачно-семейной сфере [История... , 2005: 264]. В чрезвычайных условиях военного времени все обозначенные тенденции указывали на снижение уровня жизни и ухудшение материально-бытовых условий граждан.

В годы войны среди первоочередных задач, стоявших перед партийными и советскими органами Башкирии, важное значение представляли задачи по охране здоровья женщины-матери и ребенка. Опубликованный в июле 1944 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР о поддержке многодетных семей, женщин-матерей и детей свидетельствовал о возросшем внимании Советского государства к вопросам охраны материнства и детства. В данной статье осуществлен научный анализ выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР в одном из регионов страны — Башкирской АССР. Полагаю, что представленный исторический анализ сохраняет и сегодня свою научную и общественную значимость.

Следует отметить, что проблема охраны материнства и детства в военный и послевоенный периоды вызывает интерес исследователей (см., напр.: [Малышев, 2005; Усольцева, 2005; Кринко, Хлынина, 2015]). В работах, посвященных проблемам охраны материнства и детства, исторической демографии, содержится определенная информация по изучаемой теме (см., напр.: [Мананникова, 1973; Мерзлякова, 1992]). В трудах по истории региона [История... , 2004, 2005], работах по истории Башкирии в годы Великой Отечественной войны [Ахмадиев, 1984] также отражены некоторые сведения по данной проблеме. Однако обозначенная в статье проблема в полной мере не изучена.

8 июля 1944 г. был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» [Сборник... , 1968: 409—413]. В Башкирии была развернута большая работа по его выполнению. Башкирским обкомом партии, правительством автономной республики, городскими и районными партийными и советскими органами осуществлялись необходимые действия по выполнению мероприятий, определенных в Указе. На заседаниях обкома партии, правительства, Президиума Верховного Совета БАССР, в районах и городах заслушивались отчеты отвечающих за данный участок работы организаций и ведомств, конкретных должностных лиц, принимались соответствующие решения и постановления с неизменной в их конце формулировкой «Об исполнении доложить в такой-то срок» (см., напр.: [НА РБ, ф. 394, оп. 5, д. 487, л. 85—86; ф. 933, оп. 1, д. 5065, л. 1; д. 5444, л. 66; ф. 91, оп. 1, д. 1031, л. 3—4; ф. 1976, оп. 1, д. 318, л. 14—19]). При исполкомах городских и районных Советов были созданы отделы по назначению государственных пособий. Об актуальности Указа свидетельствует тот факт, что на 1 января 1945 г. отделами местных органов управления было получено от многодетных и одиноких матерей 3,8 тыс. заявлений, по которым были выданы пособия на сумму свыше 2 млн руб. Орденами «Материнская слава» были награждены 211 женщин. Медаль Материнства получили 277 женщин республики¹. Более 30 тыс. многодетных и одиноких матерей были назначены новые пособия в объеме 75,4 млн руб. Значительно рас-

¹ Хасанов С. Забота государства о матери и ребенке // Красная Башкирия. 1945. 7 марта.

ширилась сеть детских учреждений, возросло число коек в родильных домах. Доля женщин-рожениц, охваченных медицинской помощью, возросла с 53 % в 1943 г. до 77 % в 1945 г. Происходившие в социальной сфере изменения способствовали некоторому улучшению демографических показателей в республике, в частности снижению младенческой смертности². В соответствии с Указом в местных органах власти была развернута масштабная работа по расширению сети детских яслей и садов, наполовину была уменьшена плата за содержание в них детей. Предприятия легкой промышленности увеличили производство одежды и обуви.

В целом, несмотря на сложные условия и трудности военного времени, в центре внимания органов управления находились вопросы охраны здоровья женщин и детей. Принимались решения, направленные на улучшение организации медицинской помощи, повышение эффективности лечения. Однако архивные документы раскрывают и проблемные вопросы в решении поставленных в Указе задач, недостатки в работе местных органов управления по назначению пенсий, процедуре оформления документов и награждения многодетных матерей, снабжению их полагающимся по Указу набором предметов и продовольствия. Именно на халатность руководителей в одном из городов республики сетовала многодетная мать в своем письме в редакцию городской газеты в начале 1945 г. Она писала, что ей, как матери семи детей, выдали 2,5 тыс. руб. госпособия, в то время как ей полагался также набор предметов и продуктов. Женщина с горечью отмечала, что полученное пособие для нее, конечно, «большая помощь, но только одно плохо, что не все руководители борются за выполнение Указа от 8 июля 1944 г.». Называя их по фамилиям и должностям, она обращала внимание на «халатное отношение к обеспечению многодетных и кормящих матерей всем необходимым». Из приданого, писала многодетная мать, ей выдали только по три пеленки и две распашонки, она указывала на плохую ситуацию «с выдачей продуктов», хотя в городе имелись все возможности для отоваривания карточек. Обращаясь к партийным органам города Стерлитамака, женщина попросила вмешаться в деятельность организации по снабжению, взять под контроль выполнение Указа правительства³. В служебной записке на это также обращал внимание инспектор отдела по назначению госпособий из Туймазинского района Садыков. По его мнению, трудности в деятельности отдела заключались в недооценке некоторыми руководителями сельских Советов важности этой работы. Они «бездушно» относились «к оформлению документов», из-за чего женщины-матери вынуждены были по несколько раз ходить в райисполком за 20—30 километров, часто оставляя дома грудных детей, подвергая их жизни опасности⁴.

В то же время в некоторых районах не были организованы отделы по назначению госпособий, не проведена разъяснительная работа среди населения,

² Нигмаджанов В. Усилить внимание советских органов к нуждам матери и ребенка // Там же. 1946. 7 сентября.

³ Шишкина А. С. Многодетным матерям — должное внимание // За пятилетку. 1945. 30 января.

⁴ Садыков. Помощь многодетным матерям // Путь Ленина. 1945. 9 января.

ввиду чего в Давлекановском, Иглинском, Куюргазинском, Благовещенском и Благоварском районах не поступило ни одного заявления от женщин⁵.

Подобных обращений «во власть» было много, что подтверждается не только архивными документами, но и источниками, опубликованными, в частности, в местных периодических изданиях. Эти сигналы «снизу» не оставались без внимания органов государственного управления. В статье одного из руководителей республики, размещенной в газете «Красная Башкирия», наряду с достижениями, отмечаются определенные недостатки. Так, по мнению автора, недопустимо медленно шла работа по вручению женщинам-матерям наград и назначению пособий. В ряде районов — Аургазинском, Нуримановском, Покровском, Уфимском, Гафурийском, Иглинском и др. — работники отделов по назначению госпособий допускали «неряшливое оформление документов», что затрудняло решение вопросов. Руководители этих районов не понимали «важности заботы о матери и ребенке и самого значения Указа от 8 июля 1944 г.». Отмечался неудовлетворительный ход выполнения мероприятий, определенных в Указе, по развертыванию сети женских, детских учреждений и улучшению качества их деятельности, ухудшение ситуации с оказанием помощи женщине-роженице в сельской местности. Автор статьи обращал внимание на недостатки в работе большинства колхозных родильных домов, которые не предоставляли стационарную медицинскую помощь, а работали как акушерские пункты. При наличии родильных коек в больницах большинство женщин рожали на дому, а около четверти — даже без акушерской помощи. Эта проблема была связана с недостатками в работе Министерства здравоохранения. Перед торговыми организациями в статье поставлена задача улучшить обслуживание беременных женщин и кормящих матерей. Речь шла о том, что специализированные магазины для них имелись только в Уфе, в других городах, тем более в сельской местности, они отсутствовали. Положенные для матери и ребенка продукты, детские вещи и предметы гигиены не отпускались, приданое для ребенка зачастую выдавалось с задержкой, имели место случаи его выдачи в неполном комплекте или низкого качества. В статье анализировались недостатки в области охраны здоровья детей и женщин-матерей. Приводились примеры, когда многие детские и женские консультации, особенно на селе, продолжали работать «по старинке, являясь, по существу, лишь плохонькими амбулаториями». Поднимая многие острые вопросы, автор ставил перед ведомствами, учреждениями, органами власти на местах задачу «ликвидировать крупнейшие недостатки в выполнении в республике Указа Президиума Верховного Совета СССР»⁶.

Нужно отметить, что в Башкирии, как и в стране, в рассматриваемый период, особенно послевоенный, в центр внимания были поставлены задачи первостепенной важности, такие как восстановление народного хозяйства и перевод его деятельности, а также деятельности граждан в мирное русло. На их решение были направлены принимавшиеся постановления партийных и советских органов. В то же время выполнение многих мероприятий, намеченных в Указе от 8 июля 1944 г., не оставалось без внимания местных органов.

⁵ Хасанов С. Указ. соч.

⁶ Нигмаджанов В. Указ. соч.

На проходившей летом 1946 г. сессии Верховного Совета БАССР указывалось на неудовлетворительную работу учреждений здравоохранения республики по оказанию медицинской помощи женщинам и детям, недостатки в работе лечебно-профилактических детских и родовспомогательных учреждений, многие из которых не вели учета беременных женщин и новорожденных, мало работали с женщинами, нуждающимися в консультационной помощи. Обсуждая ход выполнения Указа от 8 июля 1944 г., депутаты отмечали, что ответственные органы обязаны не только «строго проводить в жизнь Закон от 8 июля 1944 г., но и проявлять максимум инициативы для создания лучших условий в работе учреждений по охране материнства и детства, с тем чтобы женщина имела возможность получить всестороннюю и своевременную помощь» [Девятая сессия... , 1946: 23, 24].

На первой сессии Верховного Совета БАССР в марте 1947 г. был принят пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства республики [История... , 2005: 25]. В документе определены основные направления развития республики во всех сферах жизнедеятельности. В области здравоохранения были намечены конкретные меры по улучшению медицинского обслуживания населения, в том числе детей. В этих целях планировалось увеличить число детских, женских консультаций и сети молочных кухонь [Первая сессия... , 1947: 266]. Ежегодное обращение к теме заботы о семье было обусловлено остаточным принципом финансирования системы родовспоможения и поддержки семьи. Следствием этого стал высокий уровень младенческой смертности. В 1944 г. в республике скончалось более 2,6 тыс. детей до одного года, в 1945 г. — более 2,2 тыс. Этот показатель оставался неблагоприятным вплоть до конца 1960-х гг. [НА РБ, ф. 472, оп. 20, д. 556, л. 3а].

На заседании Совета министров БАССР в апреле 1947 г. вновь обсуждались вопросы о мерах по развитию сети детских и родовспомогательных учреждений, состоянии системы охраны здоровья матери и ребенка. В принятых документах отмечалось, что в республике не выполнен план по развитию сети данных учреждений, предупреждению заболеваний и смертности детей [НА РБ, ф. 2883, оп. 1, д. 6, л. 135 об.].

Исторические источники показывают, что у органов власти были основания для критических оценок местных органов управления. В фонде правительства Национального архива Республики Башкортостан нам удалось ознакомиться с интересным документом. Это жалоба депутата Верховного Совета БАССР А. М. Красулиной на имя председателя правительства автономной республики, датированная августом 1947 г. В ней автор пишет: «Министерством торговли БАССР на II-й квартал 1947 года беременным женщинам и кормящим матерям, работницам завода и женам рабочих завода на жиры спущен наряд, на растительное масло — 2,2 центнера, и, как правило, растительного масла поступает очень мало, и на наших женщин его не выделили. Таким образом, повторяется то же самое, что было и в прошлом, образовалась задолженность по снабжению жирами беременных женщин и кормящих матерей Стеклозавода за 4 месяца. Прошу воздействовать на Министерство торговли в плане спуска реальных нарядов на жиры животные, которые в районе имеются, но ОРС Стеклозавода может получить их только при наличии наряда. Тов. Уразбаев, надеюсь, что Вы

нам в этом вопросе поможете, за что будем очень благодарны» [НА РБ, ф. 933, оп. 1, д. 5444, л. 55]. Поводом для этого депутатского запроса послужило коллективное обращение беременных женщин — работниц красноусольского завода в правительство республики в марте 1947 г. [там же, л. 66]. Вероятно, не получив ответа на свою жалобу, они обратились к депутату А. М. Красулиной. В итоге вопрос был разрешен положительно.

В местные органы поступали также жалобы от многодетных матерей, которые не могли получить пособия из-за задержки документов, подтверждающих их награждение [НА РБ, ф. 2883, оп. 1, д. 6, л. 135]. Следует заметить, что в органы исполнительной и законодательной власти в рассматриваемый период подобных обращений было немало, о чем свидетельствуют документальные и опубликованные источники. Нарушения в выполнении определенных в Указе мероприятий вызывали недовольство прежде всего у женщин-матерей, что вынуждало их обращаться в органы власти разного уровня, используя для этого различные формы коммуникации.

В июле 1951 г. Президиум Верховного Совета БАССР рассмотрел вопрос «о состоянии и мерах улучшения работы по представлению к награждению многодетных матерей и вручению наград многодетным матерям в Караидельском районе» [НА РБ, ф. 91, оп. 1, д. 1473, л. 79—80]. В принятом постановлении указывалось на неудовлетворительное состояние работы по награждению многодетных матерей. Подобное положение наблюдалось повсеместно. В декабре того же года в городе Октябрьском горсовет рассмотрел состояние работы по выполнению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. [НА РБ, ф. 1976, л. 1, д. 318, л. 14—19]. Наряду с позитивными фактами, были отмечены недостатки в деятельности по поддержке матерей, охране материнства и детства, факты волокиты по выплате пособий, их задержки, недостаточное обеспечение матерей ассортиментом детских товаров. В документе подчеркивалось, что имевшиеся в городе детские сады лишь на 40 % удовлетворяли потребности семей, это затрудняло трудоустройство женщин. Отмечалось, что на промышленных предприятиях, несмотря на запрещение, использовался труд беременных женщин на тяжелых работах, не обеспечивался перерыв на кормление детей, не создавались нормальные условия для работы. Указывалось, что большинство женщин, прежде всего одиноких, живут в тяжелых бытовых условиях [НА РБ, ф. 1063, оп. 3, д. 33, л. 214—215].

28 января 1954 г. Президиум Верховного Совета БАССР принял Постановление «О состоянии работы по представлению к награждению и вручению наград многодетным матерям в Бузовьязовском районе» [Проблемы... , 2014: 248—250]. В нем указывалось, что работа по представлению многодетных матерей к награждению и вручению им наград, учет награжденных и подлежащих награждению в районе находятся в «запущенном состоянии». Из года в год остаются не награжденными многодетные матери, в 1952 г. их было 35, в 1953 г. — 63. Выявлены недостатки, касающиеся оказания помощи многодетным матерям в получении справок на отдельно проживающих детей. В документе отмечалось, что исполком райсовета допускает нарушения в работе по награждению женщин и вручению им орденов и медалей, «поручая эту работу

лицам, не имеющим на это права», что указывает на «недооценивание в районе значения награждения многодетных матерей». В последующие годы Президиум Верховного Совета БАССР неоднократно обсуждал данный вопрос и принимал соответствующие постановления, адресованные местным органам власти.

Таким образом, на основе изучения документальных и опубликованных в печати источников можно сделать вывод, что реализация социальной политики Советского государства в военные и послевоенные годы носила в Башкирии противоречивый характер. С одной стороны, усилия правительства республики были направлены на разностороннюю поддержку семьи, многодетных матерей, создание условий для воспитания детей. Однако принимаемые руководством страны решения о поддержке женщин и детей нередко выполнялись формально, что вызывало справедливые нарекания и многочисленные обращения «во власть» населения. Следует иметь в виду ряд обстоятельств, тормозивших реализацию государственных решений о поддержке женщин, семьи и детей. В эти годы в Башкирии, как и в стране в целом, в местных органах власти не хватало кадров, большинство должностей занимали лица, не имевшие опыта работы в сфере управления. Исследование показало, что именно в этих структурах тормозилась организационная работа по выполнению правительственных решений, в частности Указа 1944 г. Неслучайно женщины называли управленцев в своих письмах «черствыми, равнодушными людьми», и только обращение в вышестоящие органы изменяло ситуацию. Многие мероприятия, определенные в Указе, в частности медицинское обслуживание женщин-матерей и детей, выполнялись в соответствии с имевшимися у местных органов здравоохранения и органов здравоохранения республики возможностями. Политика в области охраны материнства и детства имела разнонаправленный характер, принимавшиеся меры во многом носили адресный характер. Но в силу объективных и субъективных причин она не всегда соответствовала волновавшим женщин проблемам по оказанию им необходимой помощи. Поэтому в этот непростой исторический период органам государственного управления республики предстояло многое сделать, чтобы политика поддержки женщин и семьи отвечала интересам населения.

Список источников

- Ахмадиев Т. Х.* Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа: Башкнигоиздат, 1984. 280 с.
- Девятая сессия Верховного Совета Башкирской АССР (5—8 июля 1946 года): стенографический отчет. Уфа: Башгосиздат, 1946. 246 с.
- История Башкортостана, 1917—1990-е годы: в 2 т. / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2004. Т. 1: 1917—1945. 408 с.
- История Башкортостана, 1917—1990-е годы: в 2 т. / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2005. Т. 2: 1945—1990. 313 с.
- Кринко Е. Ф., Хлынина Т. П.* Семья и брак накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2015. № 12. С. 46—55.
- Мальшев А. В.* Власть и семья: проблемы правового регулирования в годы Великой Отечественной войны // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны:

*Р. Н. Сулейманова. «Многодетным матерям — должное внимание».
Как в Башкирии выполнялся Указ Президиума Верховного Совета СССР...*

материалы региональной научно-практической конференции. Оренбург: Ин-т повышения квалификации Оренбург. гос. ун-та, 2005. С. 104—108.

Мананникова Н. В. Охрана здоровья детей в СССР. М.: Медицина, 1973. 280 с.

Мерзлякова Г. В. Героини второго фронта: о вкладе женщин автономных республик РСФСР в победу в Великой Отечественной войне. Ижевск: Изд-во Удм. гос. ун-та, 1992. 138 с.

НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан).

Первая сессия Верховного Совета Башкирской АССР, 15—17 марта 1947 года: стенографический отчет / Верховный Совет БАССР. Уфа, 1947. 282 с.

Проблемы взаимоотношений населения и власти в СССР в 1945—1964 гг.: на примере Башкирской АССР: сборник документов и материалов / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Уфа: Гилем, 2014. 480 с.

Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938—1967. М.: Известия, 1968. 896 с.

Усольцева Н. Л. Охрана материнства и детства на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Тыл фронту!: материалы Международной научной конференции. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2005. С. 223—226.

References

Akhmadiev, T. Kh. (1984) *Bashkirskaiia ASSR v gody Velikoï Otechestvennoï voïny* [Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War], Ufa: Bashknigoizdat.

Krinko, E. F., Khlynina, T. P. (2015) Sem'ia i brak nakanune i v gody Velikoï Otechestvennoï voïny [Family and marriage on the eve and during the Great Patriotic War], *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 46—55.

Malyshev, A. V. (2005) Vlast' i sem'ia: problemy pravovogo regulirovaniia v gody Velikoï Otechestvennoï voïny [Power and family: problems of legal regulation during the Great Patriotic War], in: *Iuzhnyi Ural v gody Velikoï Otechestvennoï voïny: Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Orenburg: Institut povysheniia kvalifikatsii Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 104—108.

Manannikova, N. V. (1973) *Okhrana zdorov'ia detei v SSSR* [Protecting children's health in the USSR], Moscow: Meditsina.

Merzlyakova, G. V. (1992) *Geroini vtorogo fronta: O vklade zhenshchin avtonomnykh respublik RSFSR v pobedu v Velikoï Otechestvennoï voïne* [Heroines of the second front: About the contribution of women of the autonomous republics of the RSFSR to the victory in the Great Patriotic War], Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta.

Suleimanova, R. N. (ed.) (2004) *Istoriia Bashkortostana, 1917—1990-e gody*: in 2 vols [History of Bashkortostan, 1917—1990s], vol. 1: 1917—1945, Ufa: Gilem.

Suleimanova, R. N. (ed.) (2005) *Istoriia Bashkortostana, 1917—1990-e gody*: in 2 vols [History of Bashkortostan, 1917—1990s], vol. 2: 1945—1990, Ufa: Gilem.

Suleimanova, R. N. (ed.) (2014) *Problemy vzaimootnosheniï naseleniia i vlasti v SSSR v 1945—1964 gg.: Na primere Bashkirskoi ASSR*: Sbornik dokumentov i materialov [Problems of relations between the population and the authorities in the USSR in 1945—1964: Using the example of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic: Collection of documents and materials], Ufa: Gilem.

Usoltseva, N. L. (2005) Okhrana materinstva i detstva na Iuzhnom Urale v gody Velikoï Otechestvennoï voïny [Protection of motherhood and childhood in the Southern Urals

during the Great Patriotic War], in: *Tyl frontu!*: Materialy Mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ konferentsii, Chelyabinsk: Cheliabinskii gosudarstvennyi universitet, pp. 223—226.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 05.12.2023; принята к публикации 10.01.2024.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 05.12.2023; accepted for publication 10.01.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Сулейманова Рима Нугамановна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующая отделом новейшей истории Башкортостана, Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия, rnsulejman@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Recent History of the Republic of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation).

ИСТОРИЧЕСКИЕ Е НАУКИ
HISTORICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 103—119.

Woman in Russian Society. 2024. No. 1. P. 103—119.

Научная статья

УДК 316.346.2+930.2(093.3)

DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.7

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ, ЛИЧНОЕ, ОБЫДЕННОЕ
В ЖЕНСКОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
(На примере записей тверичанки середины 1970-х гг.)**

Анна Валерьевна Белова^{1,2}

¹ Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия, belova.av@tversu.ru

² Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуется феномен женской автобиографической памяти в контексте проблем женской социальной и семейной памяти. На основе методологических подходов женской истории, социальной антропологии женской повседневности, междисциплинарных исследований памяти, антропологии памяти предметом специального изучения стали гендерные особенности памяти как одна из научных проблем, вскрывающих специфику запоминания женщинами собственного пережитого жизненного опыта. Анализируя неопубликованные дневниковые записи тверичанки середины 1970-х гг., автор статьи рассматривает вопрос о соотношении практик меморизации и социального опыта женщин и приходит к выводу о функциональной связи вопросов антропологии памяти и изучения гендерных аспектов социального опыта. Дневниковые записи Александры Михайловны Никольской (1887 — после 1976), фиксирующие женскую автобиографическую память, позволили восстановить неизвестные детали исторической биографии основоположника экскурсионной работы в СССР, организатора Института методов внешкольной работы Арта Яковлевича Закса (1878—1938). На основе исследования неопубликованных автобиографических документов А. М. Никольской анализируется соотношение профессионального, личного и обыденного в общественной и частной жизни, выясняется сопряженность субъективного и исторического прошлого. Особое внимание уделяется проблемам источниковедческого потенциала женской автобиографической памяти, зафиксированной в эго-документах, в частности в дневниках. В заключение делается вывод о том, что «количественная» достоверность женской социальной памяти, связанная с точной датировкой событий, доскональным восстановлением хронологической последовательности, может уступать «качественной» информации о субъективной реакции на произошедшее, эмоциональному восприятию пережитого опыта, роли автобиографического нарратива в конструировании собственной идентичности.

Ключевые слова: антропология памяти, женская социальная память, женская семейная память, женская автобиографическая память, гендерные особенности памяти

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00212 «Женская семейная память в России XVIII—XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия»; автор выражает благодарность прямым потомкам А. Я. Закса — внукам В. А. Заксу, И. А. Заксу, правнучке М. В. Акеиной, урожденной Закс, за любезно предоставленные материалы личного архива, а также представителю московской ветви В. С. Заксу.

Для цитирования: Белова А. В. Профессиональное, личное, быденное в женской автобиографической памяти: (на примере записей тверичанки середины 1970-х гг.) // *Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 103—119.*

Original article

**PROFESSIONAL, PERSONAL AND EVERYDAY ASPECTS
IN WOMEN'S AUTOBIOGRAPHICAL MEMORY
(Based on the example of records of a female resident of Tver
in the mid-1970s)**

Anna V. Belova^{1, 2}

¹ Tver State University, Tver, Russian Federation, belova.av@tversu.ru

² N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article examines the phenomenon of women's autobiographical memory in the context of problems of women's social and family memory. Based on the methodological approaches of women's history, the social anthropology of women's everyday life, interdisciplinary studies of memory, and the anthropology of memory, the subject of special study was the gender characteristics of memory as one of the scientific problems that reveal the specifics of women remembering their own life experiences. Analyzing the unpublished diary entries of a female resident of Tver from the mid-1970s, the author examines the question of the relationship between memorization practices and the social experience of women. The article also discusses the functional connection between issues of the anthropology of memory and the study of gender aspects of social experience. The diary entries of Alexandra Mikhailovna Nikolskaya (1887 — after 1976), recording women's autobiographical memory, made it possible to restore unknown details of the historical biography of the founder of excursion work in the USSR, the organizer of the Institute of Methods of Extracurricular Work, Art Yakovlevich Zaks (1878—1938). Based on a study of unpublished autobiographical documents of Alexandra Mikhailovna Nikolskaya, the relationship between professional, personal and everyday aspects in public and private life is analyzed, and the connection between the subjective and historical past is clarified. Particular attention is paid to the problems of the source potential of women's autobiographical memory recorded in ego-documents, notably in diaries. It is concluded that the "quantitative" reliability of women's social memory, associated with the exact dating of events, a thorough restoration of the chronological sequence, may be inferior to "qualitative" information about the subjective reaction to past events, the emotional perception of the experience, the role of the autobiographical narrative in the construction of one's own identity.

Key words: anthropology of memory, women's social memory, women's family memory, women's autobiographical memory, gender characteristics of memory

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 24-18-00212 "Women's family memory in Russia in the 18th—21st centuries: forms of transmission, dynamics of transformation, social mission"; the author also expresses gratitude to the direct descendants of A. Ya. Zaks — grandchildren V. A. Zaks, I. A. Zaks, great-granddaughter M. V. Akenina, née Zaks, for kindly providing materials from the personal archive, as well as to the representative of the Moscow branch V. S. Zaks.

For citation: Belova, A. V. (2024) Professional'noe, lichnoe, obydennoe v zhenskoj avtobiograficheskoj pamiaty: (Na primere zapisej tverichanki serediny 1970-kh gg.) [Professional, personal and everyday aspects in women's autobiographical memory: (Based on the example of records of a female resident of Tver in the mid-1970s)], *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, no. 1, pp. 103—119.

Изучение памяти как междисциплинарной проблемы

Современные memory studies — динамично развивающееся в начале XXI в. междисциплинарное поле, воплощающее новые подходы как в историографии, так и в антропологическом знании [Белова, 2023: 134]. Л. Нитхаммер со ссылкой на предшественника и теоретика изучения долгосрочной памяти М. Хальбвакса [Хальбвакс, 2007: 336] приводит предположение «о способности человека вспоминать то, что было давно» как о «реконструировании прошлого с помощью информации, доступной на сегодняшний день, сегодняшних толкований и сегодняшних общественных установлений» [Нитхаммер, 2012: 18]. Антропологическая природа памяти, входящей в качестве одного из компонентов психики в структуру сознания человека, делает проблему междисциплинарной — предметом работы ученых одновременно в рамках исследований мозга, нейрофизиологии, биохимии, психологии, педагогики, истории, культурной антропологии, антропологии памяти. Эвристический потенциал автобиографической, семейной и социальной памяти личности придает ее изучению особую научную значимость в контексте истории женщин и социальной антропологии женской повседневности [Белова, 2019: 40].

При этом в историко-этнологические исследования памяти включаются проблемы контрпамяти, забвения, борьбы за память, политики памяти, которые так или иначе представляют собой понятийный арсенал антропологии памяти, обусловленный в каждом конкретном случае специфическим историческим контекстом.

В то время как конструкторами доминирующей национальной «исторической памяти» являлись мужчины-историографы, женщины становились носительницами альтернативной социальной памяти. Поэтому важно понять, каким образом данный вид памяти участвует в конструировании национальной идентичности, насколько гендерная дифференциация существенна для интерпретации общенационального исторического нарратива. Это приобретает особое значение в контексте существующего в историографии различения социальной памяти как продукта общественного воображения и как профессионально написанной истории, результата деятельности ученых [Шнирельман, 2018: 14].

Проблема меморизации культуры и социального опыта сообщества имеет ключевое значение для сохранения национального самосознания, нацистро-

тельства, укрепления фундаментальных основ государственности и упрочения принципов цивилизационной модели. Основы российской государственности исторически формировались в условиях родовой памяти поколений, приоритета семейной организации, широкого взаимодействия и тесного сотрудничества не только общинных объединений, но и разнообразных с возрастной, гендерной, этнической точек зрения общественных когорт.

Для российской цивилизационной модели характерно как наличие сильной общины, патриархальной большой семьи, так и высокая степень женского участия в общественно-политических и частноправовых процессах, которое усиливалось от Средневековья к Новому и Новейшему времени. Исторически россиянки выступали не только субъектами воспроизводства человеческого капитала, представлявшего один из возобновляемых ресурсов российской и советской государственности (особенно в послевоенное время), но и носительницами «ментального капитала» нации, целью поддержания которого являлась жизнеспособность общества как социальной системы.

Женская социальная память как проблема исследования

Субъективные источники — мемуары, воспоминания, записи устных историй, автодокументальные нарративы, принадлежавшие женщинам, — выступают одновременно документальной базой по истории женской социальной памяти и практик женской повседневности. Выявление на основе их изучения исторического содержания, функционального предназначения и роли женской социальной памяти в аккумулировании ключевых составляющих устойчивого цивилизационного развития семьи, государства, нации в России в разные исторические времена, в том числе в советский период, является фундаментальной исследовательской задачей. Важно проследить механизмы преемственности консолидирующего потенциала женской социальной памяти в условиях как общественно-политических катаклизмов, так и мирных будней и производительного повседневного опыта. Особое значение в этой связи имеет исследование женской социальной памяти об обыденном, привычном, повседневном, которое всегда было фоном для событий «большого масштаба». Проблематизация многофункционального потенциала женской социальной памяти об ординарных и экстраординарных событиях, явлениях и процессах прошлого продвигает научное сообщество в изучении механизмов самоорганизации российского и советского общества на всех уровнях выработки коллективной идентичности — семейном, поколенческом, государственном, национальном.

Изучение проблем женской меморизации позволяет понять с наибольшей достоверностью существенные вопросы о том, как изменения, происходившие в обществе, отражались на повседневных переживаниях и субъективных опытах отдельных так называемых «маленьких людей», составлявших человеческий потенциал нации, на характере и способах их социализации и инкультурации. Возрастает актуальность исследований, связанных с этическими аспектами исторического развития, изменениями социальных, политических и экономических отношений, влияющими на судьбы конкретных людей, по-разному ими оцениваемыми, в том числе в национально значимых механизмах женской памяти.

В настоящий момент важно проблематизировать женскую социальную память, фиксируемую в автобиографическом дискурсе, как предмет интегративных

исследований женской истории, социальной антропологии женской повседневности и антропологии памяти. Изучение гендерных особенностей исторической памяти [Иванова, 1999, 2003; Пушкарева, 2001; Пушкарева, 2007: 278—308] представляет бесспорный научный интерес для проникновения в механизмы меморизации и выяснения их роли в конструировании нарративной идентичности личности. Лишь по прошествии времени можно целостно и концептуально осмыслить прожитые годы, сделать выводы о логике жизненного пути и целесообразности встречавшихся на нем перипетий.

Гендерные особенности запоминания и исторической памяти, с одной стороны, выявляли отличия женских жизненных опытов и социальных практик от мужских, внося коррективы в структуру традиционных гендерных ожиданий и систему гендерных отношений, с другой — позволяли в ряде случаев переосмыслить имеющийся опыт семейных взаимодействий, играли важную роль в трансформации гендерных идентичностей, прежде всего женской [Белова, 2019: 43]. Личная память, транслируемая в мемуарах женщин, становится системообразующим дискурсом в повседневной жизни семьи, в организации внутрисемейных связей в синхронном и диахронном аспектах и конструировании статусных и властных иерархий.

Историографические аспекты корреляции материнской темы и проблемы памяти намечены как значимые в контексте социальной истории, исторической этнологии, истории повседневности [Пушкарева и др., 2018]. Фиксация и закрепление материнской идентичности в автобиографической памяти носили сложный характер, не всегда полностью соотносимый с социальными ожиданиями от женщин, хотя и формируемый под их непосредственным влиянием.

Проблема женской социальной памяти объединяет эвристический потенциал исторических и этнографических исследований памяти, антропологии памяти, психологии памяти, нейроантропологии, гендерной антропологии и других [Белова, 2019: 40]. Нарративы о собственном прошлом, «пережитые истории», запечатлевшие индивидуальную память о повседневной жизни в контексте происходивших политических и социальных событий, в сочетании с актуальными повседневными заботами и переживаниями, не только конструируют идентичность авторов, выявляют характерные для них дискурсы о мире, но и по-особому преобразуют общезначимый контент в элементы автобиографической памяти.

При этом автобиографическая память не верифицируема в принципе и даже память об одном и том же событии может с полным основанием отличаться у разных людей, по-своему его переживших. Возникает ряд вопросов: каким образом происходит отбор событий для запоминания, каковы гендерные особенности меморизации, как работает механизм женской памяти об общественно-политических событиях, породивших в прошлом травматические опыты, существует ли мнемонический ресурс трансформации болезненных жизненных практик в приемлемые воспоминания? Исследование этих вопросов на примере переживания и осмысления коллизий «короткого» XX в. позволит выявить новые аспекты соотношения практик меморизации и социального опыта женщин, уточнить функциональное предназначение автобиографических нарративов для трансляции женской социальной памяти.

Память и забвение в женском автобиографическом нарративе

Автобиография предполагает воспроизведение собственной жизненной истории, при этом может иметь расширенное толкование. По версии «Британники», «автобиографические произведения имеют множество разновидностей — от глубоко личных записей, делавшихся в течение всей жизни и не всегда предназначавшихся для публикации (в том числе письма, дневники, мемуары и воспоминания) до формальной автобиографии» [Автобиография, 2009: 8]. При таком понимании они совпадают с автодокументальными источниками, иначе называемыми источниками личного происхождения или субъективными источниками как своеобразным дисплеем женской субъективности.

Определение автобиографической памяти включает женский авторский нарратив, функцией которого является конструирование идентичности. Можно ли утверждать, что в известном смысле любой женский нарратив стоит считать выражением автобиографической памяти? Все ли субъективные источники относятся к ней? Да, если принять не субстанциальность, а инструментальность памяти, т. е. воспринимать ее как инструмент проецирования себя в будущее.

Можно ли при этом считать, что автобиографическая, социальная и историческая память женщин соотносятся как индивидуальная, коллективная и национальная память? В какой мере автобиографический нарратив женщин вписан в метанарратив значимого коллективного и национального опыта?

В процессе написания автобиографии происходит переконструирование собственного прошлого на уровне нарративной идентичности. Рассказанная во всех подробностях история позволяет устранить негативные аспекты восприятия и травмы. Вместе с тем дает возможность воссоздать это иначе, чем переживалось. Происходит создание мифа о себе через «намеренное словесное искажение запомненного» [Ekman, 1985].

Автобиографическая память относится к самовосприятию собственной идентичности и имеет незначительное отношение к достоверности передаваемых событий. Она нацелена на воспроизводство субъективных переживаний автора, ментальную переработку повседневных опытов прошлого с целью не просто перерассказать о нем, а мысленно создать (смоделировать) будущее.

Механизмы бытования и действия автобиографической памяти напоминают отчасти способы функционирования эпической традиции. Эпос не нацелен на историческую достоверность. Его смысл — посредством воспроизводства значимого социального опыта прошлого обеспечить устойчивое существование сообщества в будущем. Автобиографическая память за счет воссоздания нарратива о прошлом призвана обеспечить устойчивый эмоциональный статус автора в будущем.

Проблемы, с которыми в каком-то возрасте автор-женщина не могла справиться, ей удается переосмыслить и иначе интерпретировать по прошествии времени. Обращение к воспоминаниям о собственной прожитой жизни — это взгляд на себя из «точки будущего». Безвыходная ситуация в прошлом может быть оценена как невозможность взглянуть на себя из «точки будущего». Позднее, когда это «будущее» наступило и прошло и, миновав статус «настоящего», обрело статус «прошлого», сознание способно обращаться с ним произвольно, переосмыслить в пользу комфортного принятия. Часто, находясь в том, что

когда-то было будущим, человек с большим недоумением обращается к образу себя в прошлом, эмоциональному статусу и не понимает, зачем было потрачено определенное количество эмоций и сил на ситуации, которые этого не заслуживали. Но в моменте это было непонятно.

Можно выделить следующие виды автобиографической памяти: инструментальную, экспрессивную (эмоциональную), событийную. Также могут быть выявлены основные функции автобиографической памяти, такие как идентификационная (ресурсная), которая служит ресурсом идентификации себя с родом, семьей, социальной группой; коммуникативная; транслирующая; мифологизирующая; смыслообразующая [Белова, 2021].

Подлежат различению способы легитимизации женской автобиографической памяти, обеспечивающие право на память, право помнить что-либо, варианты официальной или альтернативной памяти и забвения. Возникает вопрос: в какой исторический момент женщина сама выбирает, что ей помнить, а что забывать? В какой мере женщина признается экспертом памяти?

Способна ли память поддерживать или разрушать ее внутренний мир, придавать ему искомую устойчивость? В чем потенциал автобиографической памяти? Память о каких этапах жизненного цикла является наиболее конструктивной? Служат ли личные записи резервуаром воспоминаний, таким же как фотографии? Наконец, каково соотношение автобиографической памяти с этапами жизненного цикла? Какую роль играют воспоминания в конструировании идентичности?

Все эти вопросы в большой степени нуждаются в проработке главным образом потому, что, будучи лишены доступа к производству символического господства в виде запечатленной реальности, женщины на протяжении веков не могли ни создать, ни легитимизировать собственную версию исторического прошлого.

Женская автобиографическая память становится, таким образом, способом обретения исторического измерения бытия женщин, конструирования будущего посредством проявленного прошлого, их собственной версией придания значимости своему социальному опыту, его фиксации и закрепления в структуре символического миропорядка.

Женская социальная память как способ принятия собственного индивидуального прошлого

Женская социальная память [Белова, 2019], фиксируемая в автобиографическом дискурсе, представляет значимый источниковедческий ресурс для изучения не только практик меморизации, но и механизмов переосмысления и принятия собственного индивидуального прошлого. Пережитый женщинами жизненный опыт связан и с персональной историей, и с событиями «большого масштаба», в контексте которых разворачивались перипетии их повседневной жизни. В женской автобиографической памяти переплетаются свидетельства как о наиболее влиятельных процессах XX в. и выдающихся деятелях эпохи, так и об обыденном, привычном, повседневном, определявшем их жизненные условия, сами возможности выживания в непростых исторических обстоятельствах. Изучение проблем женской меморизации позволяет понять, как происходившие

в обществе «большие» изменения отражались на повседневных переживаниях и субъективных опытах отдельных «маленьких людей» [там же: 42], какие социальные связи определяли коммуникативный контекст их существования.

В настоящей статье проблематизируется автобиографическая память одной из женщин, разделившей перипетии XX века, — Александры Михайловны Никольской (1887 — после 1976). Анализ ее воспоминаний позволяет восстановить неизвестные биографические детали, подробности общественной и частной жизни видного деятеля отечественной педагогики, создателя методов внешкольной работы Арта Яковлевича Закса (1878—1938). Систематическая биография «отца экскурсионной работы в СССР» («Учительская газета») и организатора Института методов внешкольного образования в Москве до сих пор не написана, а в открытых информационных ресурсах о нем имеются исторические неточности.

А. М. Никольская, будучи на девять лет младше А. Я. Закса, пережила его на несколько десятилетий, как бы подтверждая выявляемую антропологами затратность мужчин в сообществе [Арутюнов, Рыжакова, 2004: 166]. Она написала свои воспоминания за полтора года до его столетнего юбилея, завершив их накануне собственного 89-летия, 29 октября 1976 г. В таком возрасте память, с одной стороны, цепко сохраняет подробности пережитого в ранние периоды жизни, с другой — способна утрачивать отдельные детали и переконструировать травмирующий жизненный опыт в приемлемый [Белова, 2020: 6]. Свои воспоминания А. М. Никольская изложила в двух ученических тетрадах. На обложке одной из них обозначено «Биография Закс А. Я.», на другой — «Моя жизнь».

А. Я. Закс родился 15 (27) мая 1878 г. в городе Порхов Псковской губернии в семье немецких евреев Якова Григорьевича и Феодоры Христиановны Закс. По словам А. М. Никольской, «отец его был врач, а мать домохозяйка» (Никольская, л. 1)¹. В отличие от имеющихся официальных биографий, Александра Михайловна называет годом рождения Арта Яковлевича 1877-й, считает семью, состоящую из семи человек (родители, три сына и две дочери), «большой» (Никольская, л. 1). Из состава семьи ею исключен умерший в шестилетнем возрасте сын Еллий (1879—1885) [Арт Яковлевич Закс]. От Арта, Бориса (р. 1883) и Владимира (р. 1885) произошли три ветви Заков (термин Виктора Самуиловича Закса) — тверская, московская и воронежская.

Александра Михайловна сообщает, что отец Арта Яковлевича умер в возрасте сорока пяти лет, вследствие чего «семья осталась без средств к существованию» (Никольская, л. 1). В таком случае годом его рождения следует считать 1851-й, а не 1846-й, как значится в его генеалогическом древе Му Heritage [Яков Григорьевич Закс]. Есть расхождения и в сведениях о том, в каком статусе в это время находился Арт Яковлевич — был еще гимназистом или уже студентом. По версии Александры Михайловны, «он учился в Петербурге в последнем классе гимназии»: «Он учился и давал уроки ученикам гимназии. Содержал сам

¹ Здесь и далее ссылки на воспоминания А. М. Никольской, хранящиеся в личном архиве В. А. Закса и М. В. Акениной, урожденной Закс, приводятся в тексте в круглых скобках. В цитатах из неопубликованных источников сохранена орфография и пунктуация их авторов.

себя и немного помогал матери» (Никольская, л. 1). В письме же В. С. Закса к И. А. Заксу перечислены имеющиеся в его распоряжении копии документов из личного дела студента Санкт-Петербургского университета А. Я. Закса, которое хранится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Среди этих документов было и свидетельство от Псковского городского полицейского управления, выданное вдове коллежского советника Ф. Х. Закс, об отсутствии собственных доходов и материальной помощи родственников после смерти Я. Г. Закса. По уточнению В. С. Закса, это произошло 15 июня 1896 г., «т. е. в год поступления Арта в университет» (Виктор Закс об Арте, с. 8)².

Окончив 6-ю Санкт-Петербургскую гимназию с золотой медалью (Никольская, л. 1 об.), А. Я. Закс направил «собственноручное Прошение ректору Санкт-Петербургского университета о приеме в число студентов историко-филологического факультета» (Виктор Закс об Арте, с. 8), «выпускники которого, как правило, поступали на государственную службу» [Политика в отношении евреев...]. Ему не пришлось столкнуться с ограничениями для евреев при поступлении в высшие учебные заведения, поскольку он был выкрестом — в личном деле есть свидетельство о крещении (Виктор Закс об Арте, с. 8). Смена вероисповедания для имперской власти являлась решающим критерием лояльности подданных.

Учеба в Петербургском университете, который, по замечанию Александры Михайловны, Арт Яковлевич окончил «блестяще» (Никольская, л. 1 об.), стала во многих отношениях поворотным этапом его профессионального становления и предопределила в последующем область его научного и преподавательского интереса. Александра Михайловна приводит интересную деталь, которая должна была повлиять как на культурный кругозор А. Я. Закса, формирование опыта ученого-историка, так и на его будущий интерес к экскурсионной работе. Он «был послан от университета на Всемирный конгресс историков, делегатом и докладчиком»: «Конгресс был в Италии в Милане и Венеции. Он продолжался несколько недель. А. Я. Закс, после конгресса, оставлен был за границей для приведения в порядок материалов конгресса. Он знал в совершенстве несколько иностранных языков: немецкий, французский, английский, итальянский, греческий, латинский, еврейский и русский. Материалы Всемирного конгресса были написаны на многих иностранных языках, и для их обработки требовались полиглоты» (Никольская, л. 1 об.). Арт Яковлевич в качестве одного из десяти представителей России принял участие в I Международном конгрессе исторических наук в Риме в 1903 г. [Кулаковский, 1903]. Находясь в Италии, он общался с самыми разными людьми, многочисленными участниками конгресса, на который прибыло 2500 историков из всех стран Европы, некоторых стран Азии и Америки [там же: 1], знакомился с уникальными памятниками истории и культуры, шедеврами итальянского искусства, что могло заронить в нем мысли о значимости экскурсионной работы в постижении прошлого.

После возвращения из-за границы, по словам А. М. Никольской, «А. Я. Закс работал преподавателем истории в Тенишевском училище в Петер-

² Здесь и далее ссылки на письмо В. С. Закса к И. А. Заксу, хранящееся в его личном архиве и озаглавленное «Виктор Закс об Арте», приводятся в тексте в круглых скобках.

бурге): «Преподавание в училище велось по самым передовым методам английских и американских педагогов. Преподаватели все были передовые и очень образованные люди. <...> За свою широкую просветительную деятельность училище было закрыто, а преподаватели были уволены, а некоторые были высланы из Петербурга на крайний север» (Никольская, л. 2).

Находясь в ссылке, «он там вел работу по изучению Северного края»: «Изучал быт населения, его экономику и культуру жизни. В 1902 в Ярославле было решено устроить выставку Северного края. А. Я. пригласили, как знатока Северного края, быть организатором и устройтелем выставки вместе с другими специалистами. Выставку Северного края открыли в 1903 году весной. А. Я. был экскурсоводом по выставочным залам. По окончании выставки и обработки итогового материала А. Я. уехал из Ярославля в Петербург. А. Я. поступил работать в Коммерческое училище в поселке Лесное под Петербургом» (Никольская, л. 2 — 2 об.). Память на даты в очередной раз подводит Александру Михайловну. Судя по предыдущему фрагменту воспоминаний, как раз весной 1903 г. Арт Яковлевич находился не в Ярославле, а в Риме на I Международном конгрессе исторических наук. Тем не менее важен акцент на содержательных подробностях относительно научных и экскурсионных занятий, отражающих и широкий круг исследовательских интересов Арта Яковлевича, и такую черту его личности, как жажда профессиональной деятельности в любых, даже самых неблагоприятных и не располагающих к этому, обстоятельствах.

Значительный интерес представляет тверской период в академической биографии А. Я. Закса [Белова, 2020]. А. М. Никольская вспоминала, что «в 1915 году он получил приглашение от директора школы Максимовича Ф. Ф. Ольденбурга занять место завуча школы и преподавателя истории» (Никольская, л. 2 об.). Вероятно, Арт Яковлевич был приглашен в Тверь раньше, поскольку Ф. Ф. Ольденбург, также окончивший историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета за шестнадцать лет до него, умер в 1914 г., однако к работе А. Я. Закс приступил именно в 1915 г.

Александра Михайловна помнила, что «во время работы в школе Максимовича А. Я., совместно с коллективом преподавателей школы, организовал Педагогические курсы для подготовки учителей Начальной школы»: «В организации курсов участвовали: Ф. Ф. Ольденбург, Клевенский, Брадис и его жена и другие преподаватели. Ответственный организатор был А. Я. Была организована Опорная начальная школа для практических занятий учителей, выпускаемых из школы и с Педагогических курсов. Зав. Опорной школы была Брадис — жена В. М. Брадиса» (Никольская, л. 3). Составитель «Четырехзначных математических таблиц» и его жена, Елизавета Викторовна Чебуркина [Данилова, 1990], имени которой А. М. Никольская не сообщила, были коллегами А. Я. Закса.

В памяти Александры Михайловны сохранились обстоятельства, вследствие которых Арт Яковлевич был вынужден покинуть Тверской педагогический институт в период его образования из-за разногласий с возглавившим учительскую школу после смерти Ф. Ф. Ольденбурга Н. Д. Никольским [Белова, 2020: 12]. Она вспоминала: «А. Я. уволили из-за идеологических разногласий с Комиссией по реорганизации. Председатель комиссии был москвич — Гангнус и он всецело доверился словам директора школы Н. Д. Никольского, который рез-

ко выступал против А. Я.» (Никольская, л. 3 — 3 об.). Подобные обстоятельства, отразившиеся как на личной судьбе участников, так и на истории образовательной институции, стали факторами дальнейшего развития профессиональной карьеры А. Я. Закса, предопределившими московский период его деятельности. Упомянутый Александрой Михайловной Рудольф Вильгельмович Гангнус (1883—1949), педагог-математик, был дедом по отцу поэта Е. А. Евтушенко (1932—2017)³.

Однако путь Арта Яковлевича в Москву пролегал через опыт работы в других городах, что характеризует и широкую географию его трудового поприща, и мобильность в условиях радикальных общественных изменений, и готовность проявлять себя в разных сферах профессиональной реализации. По словам А. М. Никольской, «в 1919—1920 годах А. Я. работал в Старицком Отделе Народного образования инспектором по средней и начальной школе»: «Летом 1920 года его пригласили на работу в Смоленск. В Смоленске он работал несколько месяцев и его пригласили на работу в Москву в Наркомпрос. Министром народного образования был Луначарский А. В., хороший и давнишний знакомый А. Я. Работать А. Я. никто не мешал — он был организатор и хозяин положения» (Никольская, л. 3 об.). Данное свидетельство важно не только с точки зрения принадлежности А. Я. Закса к высшему органу исполнительной власти, определявшему политику молодого советского государства в области образования и культуры, но и в контексте понимания его как общественного деятеля, инициатива которого не должна была быть скована ни излишними регламентациями, ни профессиональными распрями с коллегами.

Именно в таких условиях проявился организационный талант Арта Яковлевича и новаторство в подходах и методологии, получившие осязаемую ответственность и широкую известность. Александра Михайловна характеризовала его деятельность в московский период так: «Работая в Наркомпросе, А. Я. стал развивать систему внешкольного образования среди взрослого населения. Стал организовывать туристские базы во всех городах и республиках нашего государства. Была открыта в Москве экскурсионная база в Братовщине, на Черном море создана База — курорт “Красная поляна”. А там и во всех крупных городах были организованы Туристские базы. Он был “Отцом экскурсионной работы в С.С.С.Р.” (Учительс. газ.). В Москве А. Я. организовал Институт методов внешкольного образования. В этом институте готовили культработников: Зав. клубами, Зав. Избами читальнями и Красными уголками на заводах, Зав. библиотеками. Готовили экскурсоводов на экскурсионные базы и весь персонал для обслуживания экскурсбаз» (Никольская, л. 4). Вклад А. Я. Закса в распространение и популяризацию экскурсионного метода и просветительскую деятельность среди населения страны в условиях культурной революции трудно переоценить. Возглавляемая им Опытно-показательная экскурсионная база Наркомпроса

³ Евтушенко Е. Волчий паспорт. 1998. URL: <http://izbrannoe.com/news/lyudi/evgeniy-evtushenko-o-svoey-natsionalnosti/lfnf> (дата обращения: 14.04.2020); Евтушенко Евгений Александрович. URL: <http://gorbibl.gomel.by/index.php?do=static&page=museum&id=25> (дата обращения: 14.04.2020).

РСФСР функционирует и ныне как ФГБОУ ДО «Федеральный центр детско-юношеского туризма и краеведения»⁴. Это подтверждает востребованность внедренных им методов экскурсионной работы [Закс, 1929]. Подобную преемственность в истории базы сложно обеспечить в условиях произошедших общественных изменений в конце XX в. вне научной обоснованности и практической значимости ее существования.

Среди экскурсионных организаций, внесенных в адресную и справочную книгу 1927 г. «Вся Москва», значатся Объединенное экскурсионное бюро Наркомпроса, членом правления которого был А. Я. Закс, и Опытно-показательная экскурсионная база Главсоцвоса, которой он заведовал [Вся Москва, 1927: 276]. География поездок, организуемых бюро, была широка, включала и «экскурсии по Москве, и в различные районы СССР (Крым, Кавказ, Волга, Средняя Азия, Днепр, Волховстрой — Ленинград и др.) [там же]. Были возможны как групповые, так и индивидуальные экскурсии. База являвшегося структурным подразделением Наркомпроса Главного управления социального воспитания и политехнического образования детей до пятнадцати лет проводила «опытно-показательную работу в Москве и в сельских местностях с экскурсиями педагогов и учащихся». Наряду с московской площадкой существовала загородная база в селе Костино у станции Братовщина Северной железной дороги, о которой как раз упоминала А. М. Никольская. В этой же адресной книге уточнялось, что «вопросы методики экскурсионного дела разрабатывает экскурсионный отдел Института методов внешкольной работы» [там же], созданный Артом Яковлевичем.

О последних годах жизни А. Я. Закса Александра Михайловна вспоминала так: «В конце 20-х годов А. Я. тяжело заболел. В 1931 ушел на пенсию. Пенсию он получал академическую. Ему без защиты диссертации было присвоено звание профессора. За развитие экскурсионной работы во всем Советском Союзе и за организацию и руководство Институтом Методов Внешкольной работы, и как выдающемуся деятелю народного образования и просвещения вообще. В 1931 году, при уходе А. Я. на пенсию, ему был устроен юбилей. На юбилее выступал министр народного просвещения Бубнов, Н. К. Крупская и многие другие видные деятели и ученые. Был поднесен адрес в богатом оформлении. В адресе были поздравления и приветствия деятелей Москвы и Ленинграда по народному просвещению, а также видных деятелей науки и искусства. Отчет о юбилее был напечатан в газетах «Известия» и «Учительская газета» с портретами А. Я. в крупном плане» (Никольская, л. 4 об. — 5). Для автора воспоминаний было важно подчеркнуть прижизненное признание профессиональных заслуг Арта Яковлевича со стороны представителей власти, коллег, широкой общественности.

Однако из письма В. С. Закса к внуку Арта Яковлевича, И. А. Заксу, известно и о другой стороне завершения им профессиональной карьеры, в частности, В. С. Закс пишет: «В последние годы жизни он как руководитель экскурсионной базы и Института методов внешкольной работы стал мишенью для

⁴ Федеральный центр детско-юношеского туризма и краеведения. URL: <https://xn--d1aacmfe4auiif8a1e.xn--plai/> (дата обращения: 07.01.2020).

критики со стороны партийных органов, проводящих в жизнь сталинскую концепцию чистки кадров, когда из-за непролетарского происхождения были уволены или даже арестованы многие высококвалифицированные и опытные специалисты: музейные работники, краеведы, библиографы, экскурсоводы. Ему указывали на недопустимую академичность и недостаточную политическую заостренность программ, на “засоренность” кадров. Эта обстановка подорвала его и без того не слишком крепкое здоровье» (Виктор Закс об Арте, с. 6). Расцвет экскурсионного дела в период с 1923 по 1928 г. завершился закрытием Института методов внешкольной работы и реорганизацией Центральной опытно-показательной экскурсионной базы Наркомпроса, что стало непереносимым ударом для Арта Яковлевича, страдавшего хроническим недугом — периодически повторяющимися микроинсультами (Виктор Закс об Арте, с. 6). Экскурсионное движение, основы которого были разработаны и заложены в концепции и преподавательской деятельности И. М. Гревса, Н. П. Анциферова, Б. Е. Райкова, Н. А. Гейнике, А. В. Бакушинского, А. Я. Закса, редуцировалось до политпросвещения и туризма, повторяя судьбу всех сфер общественной жизни, над которыми тоталитарное государство устанавливало полный и всеобъемлющий контроль.

Что касается непосредственного завершения жизненного пути, оно описано А. М. Никольской лаконично: «В конце января месяца 1936 года А. Я. Закс умер от кровоизлияния в мозг. А. Я. кремировали и урну с прахом захоронили на кладбище. В газетах: “Учительской” и “Известиях” были напечатаны большие некрологи, о жизни и деятельности А. Я. Закса и были помещены его портреты в крупном плане» (Никольская, л. 5). По поводу не только года, но и даты смерти имеются разночтения: общепризнанным по альтернативным сведениям считается 1938 г. Уточняющая информация содержится в письме В. С. Закса к И. А. Заксу: «Он скончался 30 января 1938 года, не дожив нескольких месяцев до 60 лет. В кратком сообщении о его кончине, опубликованном в выпуске газеты “Вечерняя Москва” от 1 февраля 1938 года, было сказано следующее: 30 января скончался педагог Арт Яковлевич Закс, о чем с чувством глубокой скорби сообщают родные, друзья и ученики. Кремация в 19 ч. 15 мин. 1 февраля 1938 г. Я привожу этот текст потому, что в наше время все доступные биографические источники дружно называют неправильную дату его смерти — 4 февраля 1938 года. <...> Кремация в те времена могла быть осуществлена только в Донском крематории, который был тогда единственным в Москве. Несмотря на эту определенность, отыскать нишу с прахом Арта Яковлевича, к сожалению, пока не удалось. Похоже, что заброшенное место захоронения не сохранилось вовсе. Ведь самых близких ему людей уже очень давно нет в живых» (Виктор Закс об Арте, с. 6—7). К числу этих самых близких людей Арта Яковлевича Закса относились его жена Юлия Ивановна Менжинская и автор воспоминаний о нем, мать его внебрачного сына Александра Михайловна Никольская.

История частной жизни А. Я. Закса сопряжена с вехами его общественной деятельности и профессионального пути. О начале общения А. М. Никольская вспоминала так: «Ю. И. Менжинская и А. Я. Закс мои старые знакомые. Я их встречала в 1903 году в Ярославле. Ю. И. жила со своим мужем — В. Р. Менжинским и двоими детьми с нами в одном доме и была дружна с моею матерью.

Жили мы на Борисоглебской улице в доме купца Разживина. А. Я. был другом их семьи. Затем дороги наши разошлись и мы потеряли друг друга из виду. В 1916 году судьба опять нас свела в Твери» (Никольская, л. 5 об.). В это время «они оба работали педагогами в Школе Максимовича» (Никольская, л. 7).

Юлия Ивановна, урожденная фон Бурзи (1875—1947), в 1902—1904 гг. была первой женой будущего наркома финансов (1918), а затем Председателя ОГПУ СССР (1926—1934), преемника Ф. Э. Дзержинского, Вячеслава Рудольфовича Менжинского (1874—1934), который, как и Арт Яковлевич Закс, окончил с золотой медалью ту же 6-ю Санкт-Петербургскую гимназию тремя годами ранее. По словам А. М. Никольской, «он ушел от нее в 1904 году», после чего она с двумя малолетними детьми, пятилетним Юрой и новорожденной Катей, прожив недолго в Москве у богатой тетки, «переехала к А. Я., который жил и работал в Лесном» и «тоже стала работать в Лесном Коммерческом училище преподавателем» (Никольская, л. 7 об.). После того как А. Я. Закс и Ю. И. Менжинская переселились в Тверь, они трудились в женской учительской школе имени П. П. Максимовича: он заведовал учебной частью, она была преподавателем. Оставшись один после отъезда Юлии Ивановны осенью 1916 г. «от голода и холода с детьми» в Саратовскую губернию к богатым друзьям-помещикам, Арт Яковлевич «перешел на жительство в Школу Максимовича» (Никольская, л. 8). Дальнейшие перипетии его частной жизни тесным образом связаны с историей образовательного учреждения. А. М. Никольская вспоминала: «В начале марта 1918 года он пришел ко мне. Я его и не узнала, так он изменился: похудел и постарел, больной истощенный. Он мне рассказал: что на базе школы Максимовича и Педагогических курсов организуют Педагогический Институт и его выселяют из его комнаты в школе. <...> В августе 1919 года <...> он сдавал дела, во вновь учрежденном Педагогическом институте. В конце сентября 1919 года <...> Институт организовали, а его уволили и оклеветали, и очернили... он был безработный... Морально он был очень удручен и материальные дела его были не блестящие. Я его ободряла...» (Никольская, л. 8 об. — 9). Тверской период жизни А. Я. Закса, способствовавший развитию региональной системы образования, внедрению новаторских методов преподавания в женской учительской школе имени П. П. Максимовича, завершился для самого педагога травмирующим опытом изгнания, ставшего вместе с тем началом перехода к московскому периоду [Белова, 2020: 17]. Память Александры Михайловны сохранила сведения о профессиональной мобильности Арта Яковлевича в это время: «В марте 1920 года его пригласили работать в Смоленск, а в августе 1920 года его пригласили в Москву в Наркомпрос» (Никольская, л. 9 об.). Именно с московским периодом соотносился наиболее плодотворный этап его деятельности, внесший наибольший вклад в развитие экскурсионного движения в СССР.

Таким образом, воспоминания А. М. Никольской об А. Я. Заксе воплощали источниковедческий потенциал женской автобиографической памяти, фиксируемой в эго-документах. Связь собственной жизни с судьбами других людей, сохранение мотивов их поступков, объяснение принимаемых решений исходя из контекста исторических реалий и повседневной жизни определяет гендерные особенности памяти женщин о прошлом и о себе. При этом «количественная»

достоверность женской социальной памяти, связанная с датировкой событий, в ряде случаев уступает «качественной» информации о реакции на произошедшее.

Список источников

- Автобиография // Britannica: большой иллюстрированный энциклопедический словарь. М.: АСТ, 2009. 1257 с.: ил.
- Арт Яковлевич Закс // Geni / a My Heritage Company. URL: <https://www.geni.com/people/%D0%90%D1%80%D1%82-%D0%97%D0%B0%D0%BA%D1%81/600000057421363209> (дата обращения: 14.04.2020).
- Арутюнов С. А., Рыжакова С. И. Культурная антропология. М.: Весь Мир, 2004. 216 с. (Аудитория).
- Белова А. В. Женская социальная память: интеграция гендерной антропологии и антропологии памяти // Вестник антропологии. 2019. № 3. С. 39—51.
- Белова А. В. А. Я. Закс в автобиографической памяти Александры Михайловны Никольской: к истории Тверской женской учительской школы имени П. П. Максимовича // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: История. 2020. № 3. С. 4—18.
- Белова А. В. Функции автобиографической памяти в женском нарративе // XIV Конгресс антропологов и этнологов России, Томск, 6—9 июля 2021 г.: сборник материалов / отв. ред. И. В. Нам. М.; Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. С. 754—755.
- Белова А. В. Социальная антропология женской повседневности: учебник для студентов бакалавриата и магистратуры. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2023. 231 с.
- Вся Москва: адресная и справочная книга на 1927 год. М., 1927. Отд. 2: Общесправочный. 504 с.
- Данилова Е. Ф. Владимир Модестович Брадис: к 100-летию со дня рождения. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1990. 40 с.
- Закс А. Я. Институт методов внешкольной работы // Педагогическая энциклопедия. М., 1929. Т. 3. С. 315—318.
- Иванова Е. Ф. О гендерных особенностях памяти // Гендерные исследования. 1999. № 3. С. 242—252.
- Иванова Е. Ф. Память об исторических событиях (на материале Холокоста): гендерный аспект // Социальная история: ежегодник, 2003: женская и гендерная история / под ред. Н. Л. Пушкаревой. М.: РОССПЭН, 2003. С. 217—234.
- Кулаковский Ю. А. Международный конгресс исторических наук в Риме. Киев: б. и., 1903. 22 с. (Университетские известия. Год XLIII; № 5. Май).
- Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой памяти: статьи по устной истории / пер. с нем. К. Левинсон, Е. Щербакова. М.: Новое изд-во, 2012. 536 с.
- Политика в отношении евреев и антисемитизм (1881—1904) // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/jews-of-russia/general/15442/> (дата обращения: 14.04.2020).
- Пушкарева Н. Л. Андрогинна ли Мнемозина?: (гендерные особенности запоминания и исторической памяти) // Сотворение истории. Человек — память — текст: цикл лекций / науч. ред. Л. П. Репина; отв. ред. Е. А. Вишленкова. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 274—304.
- Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007. 496 с.
- Пушкарева Н. Л., Белова А. В., Мицюк Н. А., Громова А. И. Материнская идентичность, семейная и коллективная память о «женском предназначении» в России: историографические наблюдения // Историческая память и российская

- идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 289—311.
- Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
- Шнирельман В. А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12—34.
- Яков Григорьевич Закс // Geni / a My Heritage Company. URL: <https://www.geni.com/people/%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%97%D0%B0%D0%BA%D1%81/6000000057420872488> (дата обращения: 14.04.2020).
- Ekman P. Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage. New York: W. W. Norton & Company, 1985. 320 p.

References

- Art Yakovlevich Zaks, *Geni*, A My Heritage Company, available from <https://www.geni.com/people/%D0%90%D1%80%D1%82-%D0%97%D0%B0%D0%BA%D1%81/600000057421363209> (accessed 14.04.2020).
- Arutyunov, S. A., Ryzhakova, S. I. (2004) *Kul'turnaia antropologiiia* [Cultural anthropology], Moscow: Ves' Mir.
- Avtobiografiia (2009) [Autobiography], *Britannica: bol'shoi illiustrirovannyi entsiklopedicheski slovar'*, Moscow: AST.
- Belova, A. V. (2019) Zhenskaia sotsial'naia pamiat': integratsiia gendernoï antropologii i antropologii pamiati [Women's social memory: integration of gender anthropology and anthropology of memory], *Vestnik antropologii*, no. 3, pp. 39—51.
- Belova, A. V. (2020) A. Ia. Zaks v avtobiograficheskoï pamiati Aleksandry Mikhaïlovny Nikol'skoï: k istorii Tverskoï zhenskoï uchitel'skoï shkoly imeni P. P. Maksimovicha [A. Ya. Zaks, teacher of the Tver women's teacher's school named after P. P. Maksimovich, in the auto-biographic memory of A. M. Nikolskaya], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriiia Istoriiia, no. 3, pp. 4—18.
- Belova, A. V. (2021) Funktsii avtobiograficheskoï pamiati v zhenskom narrative [Functions of autobiographical memory in women's narrative], in: Nam, I. V. (ed.), *XIV Kongress antropologov i ètnologov Rossii, Tomsk, 6—9 iulia 2021 g.*: Sbornik materialov, Moscow, Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 754—755.
- Belova, A. V. (2023) *Sotsial'naia antropologiiia zhenskoï povsednevnosti*: Uchebnik dlia studentov bakalavriata i magistratury [Social anthropology of women's everyday life: A textbook for undergraduate and graduate students], Tver: Tverskoï gosudarstvennyi universitet.
- Danilova, E. F. (1990) *Vladimir Modestovich Bradis: K 100-letiiu so dnia rozhdeniia* [Vladimir Modestovich Bradis: To the 100th anniversary of his birth], Tver: Tverskoï gosudarstvennyi universitet.
- Ekman, P. (1985) *Telling Lies: Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage*, New York: W. W. Norton & Company.
- Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamiati* [The social frameworks of memory], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Ivanova, E. F. (1999) O gendernykh osobennostiakh pamiati [About gender characteristics of memory], *Gendernye issledovaniia*, no. 3, pp. 242—252.
- Ivanova, E. F. (2003) Pamiat' ob istoricheskikh sobytiiah (na materiale Kholokosta): gendernyi aspekt [The memory of historical events (on the material of the Holocaust): gender aspect], in: Pushkareva, N. L. (ed.), *Sotsial'naia istoriia*: Ezhegodnik, 2003: Zhenskaia i gendernaia istoriia, Moscow: ROSSPĖN, pp. 217—234.

- Kulakovskiy, Yu. A. (1903) *Mezhdunarodnyĭ kongress istoricheskikh nauk v Rime* [International Congress of Historical Sciences in Rome], Kyiv: s. n.
- Niethammer, L. (2012) *Voprosy k nemetskoĭ pamiatĭ: Stat'i po ustnoĭ istorii* [Questions to the German memory: Articles on oral history], transl. from German by K. Levinson, E. Shcherbakova, Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Politika v otnoshenii evreev i antisemitizm (1881—1904) [Policy towards Jews and anti-Semitism (1881—1904)], *Elektronnaiia evreĭskaia ėntsiklopediia*, available from <https://eleven.co.il/jews-of-russia/general/15442/> (accessed 14.04.2020).
- Pushkareva, N. L. (2001) Androginna li Mnemosina?: (Gendernye osobennosti zapominaniia i istoricheskoi pamiatĭ) [Is Mnemosyne Androgynous?: (Gender features of memorization and historical memory)], in: Repina, L. P., Vishlenkova, E. A. (eds), *Sotvorenie istorii. Chelovek — pamiat' — tekst: Tsikl leksiĭ*, Kazan: Master Lain, pp. 274—304.
- Pushkareva, N. L. (2007) *Gendernaia teoriia i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Pushkareva, N. L., Belova, A. V., Mitsyuk, N. A., Gromova, A. I. (2018) Materinskaia identichnost', semeĭnaia i kollektivnaia pamiat' o "zhenskom prednaznachenii" v Rossii: istoriograficheskie nabludeniia [Maternal identity, family and collective memory of "women's destiny" in Russia: historiographic observations], in: Tishkov, V. A., Pivneva, E. A. (eds), *Istoricheskaiia pamiat' i rossiiskaia identichnost'*, Moscow: Rossiiskaia akademiia nauk, pp. 289—311.
- Shnirelman, V. A. (2018) Sotsial'naia pamiat': voprosy teorii [Social memory: theory questions], in: Tishkov, V. A., Pivneva, E. A. (eds), *Istoricheskaiia pamiat' i rossiiskaia identichnost'*, Moscow: Rossiiskaia akademiia nauk, pp. 12—34.
- Vsia Moskva: Adresnaia i spravochnaia kniga na 1927 god (1927)* [All Moscow: Address and reference book for 1927], otdel 2: Obshchespravochnyi, Moscow.
- Yakov Grigorievich Zaks, *Geni, A My Heritage Company*, available from <https://www.geni.com/people/%D0%AF%D0%BA%D0%BE%D0%B2-%D0%97%D0%B0%D0%BA%D1%81/6000000057420872488> (accessed 14.04.2020).
- Zaks, A. Ya. (1929) Institut metodov vneshkol'noi raboty [Institute of Methods of Extracurricular Work], *Pedagogicheskaiia ėntsiklopediia*, vol. 3, Moscow, pp. 315—318.

Статья поступила в редакцию 13.01.2024; одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 26.01.2024.

The article was submitted 13.01.2024; approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 26.01.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Белова Анна Валерьевна — доктор исторических наук, заведующая кафедрой всеобщей истории, Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия; ведущий научный сотрудник Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, belova.av@tversu.ru (Dr. Sc. (History), Head of the Department of World History, Tver State University, Tver, Russian Federation; Leading Researcher at the Center for Gender Studies, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 120—139.

Woman in Russian Society. 2024. No. 1. P. 120—139.

Научная статья

УДК 641.5: 316.346.2(47+57)''1960/1970''

DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.8

**КУЛИНАРНЫЕ КНИГИ И ПРАКТИКИ ПИТАНИЯ
В СОВЕТСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1960-х**

Ольга Дмитриевна Попова

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина,
г. Рязань, Россия, od-popova@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются кулинарные книги и практики питания в период преобразований Н. С. Хрущева. Они стали ярким отражением противоречивых шагов власти в социальной политике. В то время официальная пропаганда возлагала на женщину двойную функцию — участницы общественного производства и хранительницы домашнего очага, которая должна была экономно и качественно вести хозяйство. В условиях повышающихся потребностей общества, нарастающего дефицита кулинарные книги ставили задачу упростить организацию быта. Будучи впервые обращены и к жителям сельской местности, они декларировали возможность иметь маленькое личное подворье, что входило в противоречие с идеей колхозного строительства 1920—30-х гг. Однако власти рассматривали индивидуальное хозяйство колхозника, садовые участки лишь как вспомогательный элемент в решении насущных проблем.

Ключевые слова: кулинарные книги, социальные трансформации, повседневная жизнь, гендерные роли, миграция из деревни в город, обращения граждан

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01217 «Советская повседневная жизнь в письмах граждан во власть 1950—70-х годов», <https://www.rscf.ru/project/24-28-01217/>.

Для цитирования: Попова О. Д. Кулинарные книги и практики питания в советской женской повседневности 1960-х // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 120—139.

Original article

COOKBOOKS AND NUTRITION PRACTICES IN SOVIET WOMEN'S EVERYDAY LIFE OF THE 1960s

Olga D. Popova

Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan,
Russian Federation, od-popova@mail.ru

Abstract. The article examines cookbooks and nutrition practices during the Khrushchev period. They became a vivid reflection of the contradictory steps taken by the authorities in social policy. At that time, official propaganda assigned a dual function to women: a participant in social production and a keeper of the hearth, who was supposed to run the household economically and efficiently. In conditions of increasing needs of society and growing shortages, cookbooks set the task of simplifying the organization of everyday life. For the first time, cookbooks were addressed to residents of rural areas; they declared the opportunity to have a small personal farmstead, which was in conflict with the ideas of collective farm construction of the 1920—30s. However, the authorities viewed the collective farmer's individual farm and garden plots only as an auxiliary element in solving pressing problems.

Key words: cookbooks, social transformations, everyday life, gender roles, rural-to-urban migration, appeals of citizens

Acknowledgements: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 24-28-01217 “Everyday life in Soviet people's letters to government officials in the 1950—1970s”, <https://www.rscf.ru/en/project/24-28-01217/>.

For citation: Popova, O. D. (2024) Kulinarnye knigi i praktiki pitaniia v sovetskoj zhenskoj povsednevnosti 1960-kh [Cookbooks and nutrition practices in Soviet women's everyday life of the 1960s], *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, no. 1, pp. 120—139.

Введение

Пища и процесс ее потребления являются важным элементом повседневной культуры. Сегодня история социальных практик, связанных с приемом пищи, в центре внимания историков, филологов, социологов, политологов. Например, Г. И. Кабакова рассматривает традиционное русское застолье, принятое в крестьянской среде, как мощный фактор, формирующий языковую культуру: поговорки, слова, выражения отражают различные акты праздничной культуры [Кабакова, 2016].

В современной как отечественной, так и зарубежной научной литературе достаточно прочно закрепился тезис о намеренном регулировании практик питания со стороны государства в тоталитарном обществе. Как отмечают Н. Л. Пушкарева и А. В. Жидченко, впервые попытку связать кулинарию и

тоталитаризм в современной отечественной науке более десяти лет назад осуществила томский философ И. В. Сохань [Пушкарева, Жидченко, 2021: 193]. Например: «Оформляя и нормируя практики, связанные с удовлетворением первичной и неотчуждаемой потребности человека в пище, гастрономическая культура оказывается той сферой, где наиболее эффективны дисциплинарные механизмы власти» [Сохань, Гончаров, 2013: 145]. Эта же мысль звучит в вводной части труда «Seasoned Socialism: Gender and Food in Late Soviet Everyday Life», в котором рассматриваются пищевые практики советского общества периода 1960—70-х гг. «Советские диетологи, эксперты по планированию питания и государственная система, которая их нанимала, наряду с ее многочисленными чиновниками, стремились влиять на то, что ели советские граждане и как они думали о еде» [Seasoned Socialism, 2019: 2]. В сборнике, вышедшем по результатам научной конференции в Гарвардском университете в 1993 г., посвященной еде в русской культуре и истории, преобразования советского времени сравниваются с периодом Петра Великого в части перемен бытовых практик россиян, в этот период еда приобрела идеологический характер [Food in Russian History and Culture, 1997: xviii].

Важным механизмом моделирования гастрономической культуры выступают кулинарные книги и рецепты. Культовой для советского общества является «Книга о вкусной и здоровой пище», которая вышла в 1939 г. и потом неоднократно переиздавалась. К ней обращается внимание как российских, так и зарубежных исследователей, когда речь заходит о практиках питания в СССР [Food in Russian History and Culture, 1997; Сохань, 2012; Geist, 2012; Seasoned Socialism, 2019; Попова, 2020, 2023].

Американский исследователь Е. Гейст отмечает, что выпуск «Книги о вкусной и здоровой пище» стал кульминацией кулинарной революции под руководством А. И. Микояна и отражением противоречивости сталинской эпохи [Geist, 2012]. Издание рассматривается как мощное средство агитации и пропаганды. В частности, И. В. Сохань пишет: «Это единственная кулинарная книга, где образцы гастрономической культуры тесно соединены с политической риторикой» [Сохань, 2012: 140].

В гораздо меньшей степени нашли отражение в современных штудиях издания 1952 и 1967 гг. Однако последовательный их анализ позволяет выявить не только политическую риторику государства, но и социально-экономические трансформации общества; установить, насколько соотносились с реальностью идеологические послы государства, и, следовательно, обнаружить истоки формирования мифов и заблуждений в общественном сознании. О. Н. Яхно подчеркивает утопичность формируемой картины мира в первом издании «Книги о вкусной и здоровой пище»: книга — механизм убеждения, что «светлое будущее реально» [Яхно, 2019: 119]. Зарубежные исследователи также отмечают, что послевоенное издание наиболее ярко выражало противоречие между реальной картиной мира и декларируемым изобилием, возвращало «буржуазные» концепции в официальную и частную жизнь [Food in Russian History and Culture, 1997: xxii]. Можно смело утверждать, что в последующих изданиях этот разрыв между рисуемой картиной мира и реальностью только усилился [Попова, 2020, 2023].

Однако «Книга о вкусной и здоровой пище» была не единственным кулинарным бестселлером советской эпохи. В 1960-х гг. ассортимент издаваемых

кулинарных книг резко возрастает. Цель статьи — рассмотреть кулинарные книги, выпускаемые в данный период, в системе социально-экономических трансформаций общества в годы правления Н. С. Хрущева. Автор полагает, что издание кулинарных книг обслуживало нужды социальных преобразований правительства и, более того, не просто ставило задачу сформировать новые социальные практики, но и помогало переживать начавшийся экономический кризис. Важным методологическим принципом исследования обозначенной проблематики является системный подход — рассмотрение кулинарных книг в системе социально-экономических преобразований. В этом аспекте большую ценность представляют не только сами кулинарные книги, но и работы, в которых раскрывается трансформация советской деревни, социальная политика государства. Немаловажным является обращение к образам художественной литературы, отражающей наиболее существенные проблемы дня, которые не рисковали обсуждать официальные издания.

Социальные преобразования 1960-х и женский вопрос

Новизна данного исследования состоит не только в заявленной проблематике, но и в том, что автор обращается, кроме классической «Книги о вкусной и здоровой пище», и к другим изданиям. Кулинарный утопизм 1930-х гг. носил чисто урбанистический характер, был обращен к городскому жителю [Сохань, Гончаров, 2013: 154], а 1960-х гг. в систему моделирования социальных практик через кулинарные книги попали и крестьяне, а также городские жители, занявшиеся сельским хозяйством на дачных участках. Вряд ли можно согласиться с утверждением И. В. Сохань, что «Книга о вкусной и здоровой пище» была единственной, которая демонстрировала пристальное внимание государства к мелочам повседневного [Сохань, 2012: 141]. Власть включала в систему социальной агитации и пропаганды весь ассортимент издаваемых кулинарных книг.

Новый этап существования кулинарных книг и их ассортимент в системе идеологической пропаганды тесно связан с новым социальным курсом Н. С. Хрущева. В этот период, как отмечает Е. М. Жидкова, были реабилитированы представления о допустимости материального благополучия в частной жизни. Появление системы массовой потребительской экономики датируется хрущевским десятилетием, когда на смену аскетизму пришли покупки впрок [Жидкова, 2011: 465]. Произшедшая революция в сфере быта коснулась трансформации стиля жизни, практик питания, переориентации в области массового потребления на ценности индивидуализма, уют, удобство, приоритет отдельной квартиры с собственной, а не коммунальной кухней. Эти процессы нашли отражение в публикации кулинарных рецептов и кулинарных книг. Через моделирование практик потребления пищи власть одновременно пыталась сформировать определенные коды советского сознания.

Именно в этот период были сделаны серьезные шаги по расширению сферы потребления. На XXII съезде КПСС советскую семью объявили «важнейшим орудием построения коммунизма» (цит. по: [Горлов, 2021: 11]). Аскетический коммунальный период стал постепенно заменяться устроенной частной жизнью советских людей. Если в 1930—40-х гг. семья пропагандировалась как прежде

всего единица строительства коммунизма, то в 1960-х она объявлялась очагом домашнего уюта.

Как показывает В. Н. Горлов, в самой системе власти коллеги Н. С. Хрущева весьма противоречиво оценивали его инициативы по развитию быта и повышению жизненного уровня. Например, В. М. Молотов считал, что «потребительство — это самое опасное». Именно в этот период термин «мещанство» начинает употребляться со стойким отрицательным смыслом [там же: 13]; все процессы проходят весьма неоднозначно. Именно противоречивость является ключевой характеристикой этой эпохи.

В 1960-х происходит процесс переосмысления многих идеологических установок 1930—40-х гг. Идеологическая система в очередной раз пересмотрела положение женщины в обществе. Если в начале 1920-х гг. предполагалось, что она будет в первую очередь активной строительницей коммунизма, все хлопоты о быте, готовке, воспитанию детей возьмут на себя различные социальные службы — дома быта, общественные столовые, ясли и детские сады, то теперь официальная пропаганда отводила женщине роли и активной работницы на производстве, и хранительницы домашнего очага. Она должна была сочетать две функции. Социальным институтам, созданным ранее, отводилась роль не «заменителей», а помощников в обеспечении быта советской семьи. Еда теперь не просто фактор, обеспечивающий физиологические потребности человека, как это предусматривала идеология 1920-х, или же источник стимулирования покупательской способности граждан, она ставится в центр домашнего уюта. А. Джейкобс отмечает, что советская пропаганда через систему кинообразов и кулинарных книг начинает связывать личное счастье женщины с кулинарными успехами на кухне. Все чаще кулинарные книги используют слово «хозяйка» [Seasoned Socialism, 2019: 36]. Именно домашний семейный воскресный обед, вечерний ужин или чай за совместным столом становятся символом семейного благополучия.

Весьма показательна статья в журнале «Советская женщина» в ноябрьском номере 1954 г. «Воскресный обед». Авторы попытались изобразить идеальный вариант воскресного дня работающей женщины. Героиня репортажа Нина Яковлевна Аверина — работница Трехгорной мануфактуры. Важную часть дня занимает приготовление праздничного воскресного обеда. С этой целью женщина с раннего утра едет на рынок, покупает необходимые продукты, а потом готовит обед из следующих блюд: закуска в виде винегрета, обязательные воскресные пироги, суп из грибов, тушеное мясо и компот из яблок и груш. По сообщению авторов статьи, такой сложный обед женщина приготовила к двум часам дня¹. Кроме пирожков с капустой в количестве 40—50 штук, по утверждению авторов, она еще готовит и пирог с вареньем к чаю. Думается, что даже сейчас, при наличии большого количества кухонной техники, приготовление такого обеда займет немало сил, а в то время занимало еще больше. Таким образом, конструировалось представление, что женщина в воскресный день должна была посвятить все свои силы домашнему хозяйству.

Противоречивость ситуации выражалась в том, что женщина оказывалась на двух работах сразу: на производстве и дома. По данным социологических

¹ Советская женщина. 1954. № 11. С. 46—48.

исследований начала 1960-х гг., свободное время занятых на производстве женщин в 1961 г. составляло 21,0 ч в неделю против 33,6 ч у рабочих-мужчин, а время, затраченное ими на ведение домашнего хозяйства, — 33,6 ч против 15,4 ч у мужчин. Работающая хранительница очага расходовала на домашние дела в среднем 4 ч 38 мин. Расчеты показывали, что время, которое женщина отдает ведению домашнего хозяйства в течение года, эквивалентно 112 рабочим дням [Жидкова, 2011: 467—468]. Как верно замечает И. Глущенко, противоречие эмансипации в СССР выражалось в том, что советская власть была в авангарде привлечения женщин к производственному труду, но весьма отставала в решении дилеммы «дом — работа». Стесненные жилищные условия, дефицит бытовой техники, продуктов значительно осложняли ведение домашнего хозяйства [Seasoned Socialism, 2019: 60]. В сборнике «Seasoned Socialism» авторы пытаются проследить гендерную асимметрию в сфере «добывания» и потребления съестного, закрепляя, например, приготовление праздничного мяса (шашлыки, стейки) за мужчинами как традицию праздничной культуры. Однако авторы рецензии на это издание отмечают, что была масса семей, в которых женщины и в праздник делали все от А до Я — от покупки мяса на рынке и его маринования до мытья шампуров после шашлыков [Пушкарева, Жидченко, 2021: 194].

Эта проблема нашла отражение и в художественной литературе. Большой общественный резонанс получила повесть Н. Баранской «Неделя как неделя», опубликованная в 1969 г. в журнале «Новый мир». Повествование идет от лица 26-летней Ольги Воронковой — успешной, согласно советской идеологии, женщины (кандидат наук, младший научный сотрудник НИИ, мать двоих детей, ее семья получила отдельную квартиру в новостройке Москвы). Утро выходного дня — субботы начинается с типичных дел: «Пока ребята возьмется с отцом, кувыркаются и пищат, я готовлю громадный завтрак. Потом отправляю детей с Димой гулять, а сама принимаюсь за дела. Прежде всего ставлю варить суп. Дима уверяет, что в столовой суп всегда невкусный, дети ничего не говорят, но суп мой всегда едят с добавкой. Пока суп варится, я убираю квартиру — вытираю пыль, мою полы, трясу одеяла на балконе (что, конечно, нехорошо, но так быстрее), разбираю белье, замачиваю свое и Димино в «Лотосе», собираю для прачечной, а детское оставляю на завтра. Провертываю мясо для котлет, мою и ставлю на газ компот, чищу картошку. Часа в три обедаем. Для ребят это поздно, но надо же им хоть в выходной погулять как следует. За столом сидим долго, едим не спеша. Детям надо бы поспать, но они уже перетерпели» [Баранская, 1981: 44—45].

Вечер рабочих дней также занят домашними делами и готовкой: «Я еду в автобусе, а на моих часах уже семь. Вот они [муж и дети] уже пришли... Только бы Дима не давал им напихиваться хлебом, не забыл поставить на газ картошку. Я бегу по тропкам, пересекая пустыри, взлетаю по лестнице... Так и есть — дети жуют хлеб, Дима все забыл, он углубился в технические журналы. Зажигаю все конфорки: ставлю картошку, чайник, молоко, бросаю на сковородку котлеты. Через двадцать минут мы ужинаем. Мы едим много. Я вообще первый раз за день по-настоящему. Дима после столовой тоже не очень сыт. Ребята — кто их знает, как они ели» [там же: 22].

Фактически у Ольги нет возможности даже спокойно прогуляться после работы: надо готовить ужин, кормить мужа и детей. «Напрасно пошла я пешком, раздумалась. Поздно! Я бегу вниз по эскалатору, задеваю людей набитой

сумкой, но остановиться не могу. Я не очень опоздала, но все трое уже ходили с кусками. У Димы был виноватый вид, и я ничего не сказала, а кинулась скорее на кухню. Через десять минут я поставила на стол большую сковороду с пышным омлетом» [там же: 31].

Оценивая свою жизнь, Ольга написала так: «Я лично увлекаюсь спортом — бегом. Туда бегом — сюда бегом. В каждую руку по сумке и... вверх — вниз: троллейбус — автобус, в метро — из метро. Магазинов у нас нет, живем больше года, а они еще недостроены» [там же: 8].

Каким образом предлагалось решить данную проблему? В ранг важнейшей задачи было поставлено расширение сети кулинарий и продажи полуфабрикатов. Например, на заседании секции общественного питания 13 марта 1958 г. в своем выступлении на 4-й общегородской конференции работников торговли по обмену опытом завпроизводством Невской фабрики кухни И. И. Разина говорила о перспективах развития предприятия. В планах фабрики ставилась задача увеличить производство: выпускать больше чищенных овощей, 10—12 тонн обработанного мяса, 4—5 тонн рыбы, кулинарные изделия, организовать соусный цех, реализовывать замороженные продукты и др. [ГА СПб, ф. 7082, оп. 2, д. 823, л. 74].

Общепит в то время мог мало помочь этой проблеме, столовые в основном решали проблему питания на производстве. Большую часть общепита составляли ведомственные столовые и буфеты, закрытые для посторонней публики. Рестораны или кафе были заведениями, доступными далеко не всем именно из-за малого их количества. Например, на 760-тысячный Куйбышев в 1956 г. приходилось всего 2 кафе и 4 ресторана, в Таганроге в 1968 г. на услуги столовых население тратило денег в 3 раза больше, чем на услуги ресторанов и кафе [Жидкова, 2011: 466]. Эту проблему изредка поднимали и средства массовой информации: от лица работницы завода «Шарикоподшипник» К. Чибисовой журнал «Работница» задавался вопросом «Почему в Москве мало хороших столовых?». Герои публикации пытались пообедать в ресторане «Киев», простояли в очереди час и ушли голодными, тогда как «в выходной день хорошо бы не стряпать дома, а отдохнуть по-настоящему»².

Общепит не мог удовлетворить запросы населения по выходным и праздничным дням. Поэтому в семьях сохранялась практика домашних обедов и праздничного застолья в условиях квартиры. Большинство праздников, даже такие многолюдные, как свадьба, отмечались по преимуществу дома, а не в ресторане. В этом плане очень показательны кадры из фильма «Москва слезам не верит», в котором свадьба Тоси отмечается дома и праздничный стол, за которым сидят гости, через дверной проем «продлен» из одной комнаты в другую.

Урбанизм и кулинарные книги

Эта политика находит отражение и в публикации рецептов, кулинарных книгах. Кроме культового издания «Книга о вкусной и здоровой пище», начинают выходить новые. В 1960-х гг. значительно возрастает количество выпускаемых книг по ведению домашнего хозяйства.

² Почему в Москве мало хороших столовых // Работница. 1953. № 11. С. 35.

В 1955 г. в издательстве Министерства торговли вышла «Кулинария», которая была рекомендована в качестве учебника для школ кулинарного ученичества. Издание 1959 г. было ориентировано уже и на промышленное производство, и на домашнюю кухню. «В новом издании книги “Кулинария” помещены рецептуры блюд и кулинарных изделий, которые можно приготовить не только в предприятиях общественного питания, но и домашних условиях», — писали авторы-составители в предисловии [Кулинария, 1959: 5]. От промышленного выпуска остались указания на пропорции продуктов, они указывались в граммах на порцию. Конечно, в домашних условиях отмерять 75 граммов салаки или 135 граммов свинины было не очень удобно.

На страницах женских журналов «Работница» и «Крестьянка» соотношение таких слов, как «праздник» и «праздничная еда», стало регулярным. В кулинарных рубриках часто появлялись рецепты под заголовком «Праздничный пирог», «К новому столу» и др. Рубрика «Кулинария» в начале 1950-х становится постоянной. Октябрьский номер журнала «Работница» за 1953 г. выходит с кулинарной страничкой под заголовком «Праздничный стол». Данный номер предлагал в качестве блюд праздничного меню студень из свиных ножек, закуску из сельди рубленой, борщ киевский, зразы из телятины, кулебяку, плов, песочное пирожное с миндалем и бисквитный торт на сметане³.

Также значительно возрастает спрос на кондитерские изделия. В журналах рецепты разнообразной выпечки, тортов, печенья публикуются постоянно. К рекламе полуфабрикатов, из которых можно было приготовить праздничную выпечку, подключились даже официальные партийные издания. Например, газета «Слава Севастополя» — орган Севастопольского горкома Коммунистической партии Украины опубликовала несколько рецептов пирогов и пирожных из готового теста, предварив их такими словами: «В магазинах кулинарии и полуфабрикатов организована продажа слоеного и песочного теста, хозяйки из него могут быстро приготовить вкусные и питательные пироги, пирожные, торты. Как это сделать?»⁴

В 1959 г. вышла в свет книга Р. П. Кенгиса и П. С. Мархеля «Домашнее приготовление тортов, пирожных, печенья, пряников, пирогов», ставшая классической книгой, раскрывающей тайны кондитерского искусства, и неоднократно переиздававшаяся [Кенгис, Мархель, 1959].

В целом культура выпечки была очень распространена в народе. Пироги являлись блюдом, хорошо известным многим женщинам. В произведениях И. Велембовской, где еда символически связывает город и деревню, пироги пекут как жительницы села, так и городские женщины. Однако начинки у них разные. В романе «Сладкая женщина» главная героиня Анна привозит своего сына к матери в деревню и он пробует пирожок, приготовленный бабушкой: «Дома бабка выставила перед гостями студень, кисель и красивые пироги. Юра схватил пирог, но когда откусил, то сначала растерянно скривил рот, а потом тоскливо заплакал: в пироге был мокрый, пахнущий постным маслом, зеленый лук. “Эка что же они подделали над ребенком? — удивилась бабка. — Не ест ничего. Куда

³ Работница. 1953. № 10. С. 36.

⁴ Слава Севастополя. 1960. 9 января. С. 4.

же ты мне такого привезла?»» [Велембовская, 1988: 213]. В другой повести — «Женщины» — главные героини к празднику также пекут пироги, и опять речь идет о начинке. «А пирожки у нас мама с калиной уважает. Я ее тоже люблю, калину. Только от нее пахнет дюже, когда паришь...» — говорит Аля о своей матери, которая осталась в деревне [Велембовская, 2019: 115].

Книга Р. П. Кенгиса и П. С. Мархеля была нацелена на то, чтобы познакомить читательниц со всем разнообразным спектром выпечки: дрожжевым, песочным, слоеным тестом, разнообразными видами тортов и пирожных. Само издание было лишено каких-либо политизированных или научно-популярных статей, текст носил сугубо технологический характер. Иллюстрации демонстрировали профессиональные приемы работы с тестом, инструментами и кремом. Издание было тесно связано с праздничной культурой, поскольку очень доступно объясняло хозяйкам приготовление одного из важнейших элементов праздничного застолья — сладостей. Однако определенное влияние времени видно и здесь. Достаточно много места было уделено инвентарю. Формы для теста, отсадочные мешочки с насадками для крема, гребешки и другое промышленность не могла обеспечить в полном объеме, и купить в магазине все это было сложно. Поэтому авторы замечали: «Фасонные трубочки можно... сделать самим. Из куска жести или консервной банки вырезают ножницами треугольник, свертывают его в коническую трубочку, пропаивают оловом наружный шов, подрезают выступающие концы в широком месте и на узком конце или вырезают, или выпиливают разные зубчики» [Кенгис, Мархель, 1959: 12]. Казалось бы, просто, вот только где можно было достать куски белой жести, авторы не писали. Также подробно рассказывалось, как из бумаги сделать формы для тортов, давались другие технологические советы.

Появляются специальные издания, посвященные торжественному застолью. Заслуживает интереса книга Л. М. Лемкуль «Праздничный стол», вышедшая в 1971 г. В ее вводной части пища уже рассматривается не только как процесс удовлетворения физических потребностей, но и как источник удовольствия: «...пища является не только средством для обеспечения насущных жизненно необходимых потребностей человека. Питание должно удовлетворять также и эстетическим потребностям человека, пища должна доставлять удовольствие своим видом и вкусом. Человек нередко хочет получить наслаждение от еды. Недаром все торжественные случаи в жизни отмечаются праздничным столом» [Лемкуль, 1971: 5]. Воскресному совместному обеду уделяется большое внимание не просто как элементу отдыха, но и как механизму, который должен сплачивать семью, является важным моментом социализации: «Обыкновенно такие трапезы остаются в памяти всех членов семьи, дают возможность по-особому ощутить тепло домашнего очага. Особенно это нужно детям, которые должны впитывать домашние установки вообще и, кроме того, научиться вести себя за столом» [там же]. Книга состоит из 3 глав. Первая посвящена воскресным обедам, третья — праздничным обедам или ужинам. Вторая глава называлась «Если к Вам неожиданно пришли гости».

Первая глава содержит по 10 вариантов воскресных обедов для каждого сезона: зимы, весны, лета и осени. Набор рецептов предполагает закуску, первое блюдо, второе и десерт.

В отличие от «Книги о вкусной и здоровой пище», где сохранялся большой ассортимент блюд — от бюджетных до деликатесных, эта глава делала упор на средний бюджетный уровень. Например, много было вариантов приготовления различных блюд из фарша: тефтели, фаршированные кабачки и др. Немало было дано советов по экономии времени. Скажем, на первое предлагалось подать бульон с пирожками с начинкой из лука и яиц, а на второе — вареное мясо из этого бульона с тушеным картофелем.

Автор рекомендовала учитывать сезонность исходных продуктов, например весной и летом широко использовать молодые овощи. Один из комплексов содержал следующее меню весеннего обеда: салат из стеблей шпината и сельдерея, суп из молодой крапивы, тефтели, запеченные с молодой капустой; десерт — манный пудинг с клубничным соусом. Однако издание не отвечало на вопрос, где достать эти овощи. С молодой крапивой у хозяек проблем не могло возникнуть, а вот где можно было весной найти клубнику — это более сложный вопрос. Уже с середины 1950-х проблема снабжения горожан овощами поднималась в некоторых городах даже на страницах газет, а там, где не освещалась публично, фиксировалась в документах исполнительной власти. Например, в газете «Вечерний Ленинград» в 1953 г. были опубликованы материалы «Улучшить торговлю овощами и фруктами», «Покупатель говорит “плохо!”», в которых признавались серьезные недостатки в снабжении города свежими овощами, в частности картофелем. В качестве недостатка отмечалось невыполнение приказа А. И. Микояна № 533 от 20 июля 1953 г. о том, что в городе необходимо наладить продажу населению расфасованного отборного картофеля, в мешках и крафт-бумаге, развесом по 3 и 5 кг и расфасованной квашеной капусты в стеклянных банках по 1 кг [ГА СПб, ф. 7082, оп. 2, д. 661, л. 18]. Материалы горисполкома Рязани свидетельствуют, что если в Ленинграде не хватало отборного картофеля, то в Рязани летом 1953 г. некоторые торговые организации вообще не продали ни одного грамма свежей капусты, свежих огурцов [ГА РО, р-6, оп. 2, д. 120, л. 19].

Большой интерес представляет вторая глава «Если к Вам неожиданно пришли гости». Начинается она так: «Эта неожиданность подстерегает нас вероятнее всего в субботу или воскресенье. Но... каждая хозяйка должна быть в какой-то мере к этому готова» [Лемкуль, 1971: 97]. Следует отметить, что данная практика шла вразрез с традиционной русской обрядовостью, в которой существовала разветвленная система ритуалов приглашения на различные виды трапезы, и ее нарушение могло повлечь серьезный семейный разлад в семье: «Приглашение считается главным условием полноценного социального общения» [Кабакова, 2016: 140]. Даже похоронный обряд включал ритуал приглашения на поминки.

Книга закрепляла социальную практику внезапных визитов и общения, и не в рамках совместного похода в кафе или ресторан, а на домашней кухне. Набор рецептов свидетельствует, что хозяйка в любом случае, хоть на скорую руку, должна приготовить угощение. Предлагались разные варианты выпечки (кексы, печенье), набор различных закусок, салатов. Хотя их соответствие принципу «на скорую руку» весьма относительно. Например, оригинальными выглядят несколько советов, как подать в соусе имеющиеся дома котлеты.

Безусловно, их можно рассматривать как вполне дельные при наличии котлет в холодильнике хозяйки. А вот выпечка из опарного дрожжевого теста или блинчики с начинкой из сухих грибов — это уже хлопотные рецепты, которые вряд ли выручат хозяйку при появлении незваных гостей.

Относительно праздничных блюд интересно такое замечание: «Надо сказать, что эти блюда более дорогие и трудоемкие, но их готовят в семьях по такому поводу, когда не жаль потрудиться» [Лемкуль, 1971: 123].

Миграция женщин из деревни в город

Кулинарные книги в период преобразований Н. С. Хрущева испытали сильное влияние социальных трансформаций, которые происходили в плоскости «город — деревня». «Книга о вкусной и здоровой пище» 1939 и 1952 гг. ставила задачей пропаганду успехов пищевой промышленности и стимулирование пополнения государственного бюджета, и нацелена она была прежде всего на городского жителя. Особенно ярко это сказалось в издании 1952 г., в котором появляется раздел «Кухня», что, собственно, отразило строительство послевоенного жилья, которое в первую очередь отражало восстановление крупных городов страны после войны. Сельская местность в этих изданиях как таковая вообще не присутствовала. В период же преобразований Хрущева кулинарные книги начали отражать неоднородность социального пространства. Появились издания, обращенные к сельчанам. На это оказали влияние два фактора: усиленная миграция из села в город и возможность строительства индивидуального жилья. В 1948 г. принимается Указ Президиума Верховного Совета СССР «О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов», в котором говорилось: «...каждый гражданин и каждая гражданка СССР имеют право купить или построить для себя на праве личной собственности жилой дом в один или два этажа с числом комнат от одной до пяти включительно как в городе, так и вне города» [Сборник законов СССР... , 1956: 366].

С февраля 1958 г. началась постепенная паспортизация жителей села, в том числе крестьян, лишенных права получения паспортов согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. Колхозникам, выезжавшим в другие области, края и республики на сезонные работы («отходники»), органы милиции стали выдавать краткосрочные паспорта. Временные паспорта получали и выезжавшие из деревни в город на постоянную работу, учебу и др. И. Е. Зеленин отмечает, что на протяжении 1960—1964 гг. из деревни в город переселились почти 7 млн селян, в основном бывших колхозников [Зеленин, 2000: 404].

Однако этот же автор указывает на то, что миграция носила стихийный характер. Здесь сказались и негативные последствия реорганизации МТС, ущемление интересов владельцев приусадебных хозяйств, грубые ошибки местных властей, допущенные при преобразовании колхозов в совхозы, сселение деревень, инициированное Хрущевым, и др. При этом О. М. Вербицкая отмечает, что миграция происходила в первую очередь за счет молодых слоев сельского населения. Тяжелый физический труд, низкая механизация труда, слабая материальная заинтересованность — все это отбивало у молодежи желание выбирать сельскохозяйственную специальность [Вербицкая, 1992: 104].

Пища как маркер разделения города и деревни получила яркое отражение в произведениях И. Велембовской, где поднята тема миграции из деревни в город. Автор показывает, что одним из преобладающих движущих механизмов переезда в город является стремление уйти от тяжелого сельского труда. Например, мать главной героини Ани в повести «Сладкая женщина» отпускает свою дочь, хотя с неохотой, но с пониманием, что в городе работа все-таки полегче, а дома пришлось бы «в поле овес вязать или на лесозаготовку» [Велембовская, 1988: 197]. Еда сельских жителей — продукты подсобного хозяйства. В повести «За каменной стеной» в дом тетки главного героя Алексея, которая живет в с. Воротово, уже проникли элементы городской жизни: телевизор «Рекорд», горка с посудой, но еда остается именно сельской. На завтрак хозяйка подает вареные яйца, сало, отварную картошку [Велембовская, 2019: 138]. Как показывают исследования О. М. Вербицкой, жители села значительно отставали в использовании электрических приборов, да и само электричество достигло далеко не всех сел и деревень. В питании сельские жители больше употребляли натуральное мясо, а у рабочих значительная часть мясного рациона состояла из колбасы и копченостей [Вербицкая, 1992: 157].

Именно колбаса становится символом городской жизни в произведениях И. Велембовской. Например, в повести «Мариша Огонькова» одна из героинь потеряла здоровье во время голода военного времени: «Евгению военные годы сломили. Так болел желудок, что никакая еда была не радостью. Слишком много за эти годы съели всякой травы и гнили: мороженой картошки, побывавшего под снегом зерна, прелой свеклы. Молодые животы все переварили, а Евгения заболела всерьез» [Велембовская, 1988: 366]. Для нее колбаса выступает лакомством, символом недостижимой городской жизни и, возможно, лекарством. Она говорит дочери: «Знаешь, чего бы я съела бы, доченька... Кусочек той колбаски, которую отец-покойник привозил. Нарезана наискосок, и шкурочка так колесиком и остается.

— Где же нам колбасы взять, мама? Разве только Ромачок пришлет».

В повести «Дела семейные» прослеживается судьба братьев, выросших в разных условиях — в городе и деревне. Братья были поделены между матерью и ее сестрой из-за трудной жизни в деревне в послевоенные годы. Когда один из них, Валентин, узнал, что его забирает в город тетка, то он обрадовался и начал хвастаться: «Теперь каждый день колбасу буду есть! <...> И на поезде поеду» [там же: 505].

В других произведениях И. Велембовской еда выступает как символ коммуникации между городом и деревней. Деревенские везут в город продукты подсобного хозяйства, в село начинают проникать продукты пищевой промышленности. Однако однородности в доступности продуктов пока не существует. В повести «Женщины» одна из героинь, Аля, в качестве подарка на Новый год своей наставнице привозит двух петухов, которых было решено приготовить на праздничный стол. Также весьма показателен ее монолог во время приготовления праздничного ужина. «А майонез этот у нас и в деревне тоже продают, — заявила она, помогая делать винегрет. — Только мама у нас им брезгует, маслом заправляет. На этот счет она у меня отсталая. И технику не признает: я хотела электрическую печь купить, а она ни в какую» [Велембовская, 2019: 115].

Кулинарные книги для жительниц села

Одним из значимых кулинарных изданий, ориентированных на село, становится «Домоводство». Первое издание было выпущено в 1957 г., второе в 1958-м и переработанное — в 1959 г. Содержание этих изданий было шире, чем содержание «Книги о вкусной и здоровой пище», и охватывало оно весь цикл домашнего хозяйства. Книга начиналась с главы «Гигиена жилища и усадьбы» и давала советы по устройству дома. Она декларировала, что размер жилища должен быть не менее 8,25 м на каждого члена семьи. Однако все советы касались устройства дома без удобств: без канализации, с дровяной печью. В издании 1959 г. приводились картинка с планировкой дома на две-три комнаты. Здесь, как и в «Книге о вкусной и здоровой пище» 1952 г., нашлось место для рекомендаций по устройству кухни. Только речь шла не о газовой плите, кафеле на стенах, водопроводе — об этом жителям села даже не приходилось мечтать. Текст не скрывал, что в доме колхозника может не быть канализации: «Мойку удобно сделать в виде шкафчика. Внутри шкафчика, если нет канализации, ставится ведро для воды, а в верхнюю доску шкафчика вставляются два тазика» [Домоводство, 1958: 9]. Рекомендации сводились к обустройству внутреннего пространства и кухонной мебели. Рисунки и текст ненавязчиво показывали, что мебель для кухни хозяин может сделать самостоятельно: «Кухонный стол для удобства работы нужно делать высотой около 85 см с нижней частью в виде шкафчика с полками, закрывающимися дверцами и выдвигаемыми ящиками в верхней части» [там же: 8]. С этой целью приводились рекомендуемые размеры рабочего стола и табурета, текст сопровождался картинками. Безусловно, эти рекомендации были нелишними, колхозники расходовали на приобретение мебели гораздо меньше денег, чем семьи рабочих, поскольку строительство собственного дома, ведение домашнего хозяйства в значительной степени оттягивало финансы на другие нужды. Семья колхозника со средними доходами тратила в 1960 г. на мебель 279—430 руб. в год. По ценам того времени цена этажерки или тумбочки составляла 125—140 руб. [Вербицкая, 1992: 169].

Далее следовали разделы, посвященные домашним делам, рукоделию, пошиву одежды. Последний раздел сопровождался выкройками изящных платьев, изображением туфель на каблуках, что не вписывалось в условия жизни села. Большой раздел был посвящен кулинарии, в нем были представлены рецепты салатов, супов, вторых блюд. В целом объем рецептов в «Домоводстве» меньше, чем в «Книге о вкусной и полезной пище». Сами рецепты при этом проще и доступнее по технологии приготовления. Нет, к примеру, блюд из осетрины и пр. Специальный раздел посвящен выпечке. Здесь можно наблюдать определенное проникновение городской культуры. Кроме рецептов традиционных крестьянских пирогов, появляются рецепты пирожных, рулетов, кремов для наполнения эклеров. Как и в «Книге о вкусной и здоровой пище», представлен рецепт кулича и именно с таким названием. Также в «Домоводстве» был большой раздел рецептов по консервации и сохранению продуктов. Если в «Книге о вкусной и здоровой пище» раздел консервирования предлагал небольшой материал о заготовке фруктов и овощей, то в этом издании немало места отведено консервации рыбы и мяса. В частности, подробно излагалось, как солить и коптить рыбу,

заготавливать окорока, делать сливки, творог, сыр. Подробно рассказывалось, как приготовить колбасу в натуральной оболочке в домашних условиях, для чего рекомендовалось использовать свиные кишки [Домоводство, 1958: 236]. Инструкция сопровождалась подробными картинками. Также подробно рассказывалось об изготовлении домашней коптильни для мяса и рыбы, подготовке продуктов к копчению.

Еще один раздел был посвящен молочным продуктам, приготовлению кисломолочных изделий: сливок, творога, брынзы, простокваши. Одновременно приводились и некоторые рецепты из кисломолочных продуктов: творожной сырковой массы, творожной массы с медом и др.

Много информации находилось в разделе по содержанию домашней живности. Издание подробно рассказывало, как надо ухаживать за коровой, правильно доить ее, кормить: «Основу рациона молочной коровы должно составлять сено хорошего качества. В среднем его дают 3—3,5 килограмма на 100 килограммов живого веса. Если, кроме сена, корова ежедневно получает 12—15 килограммов сочных кормов, дачу сена можно уменьшить до 2,5—3 килограммов» [там же: 709].

В переработанном издании 1959 г. появился раздел, посвященный кроликам. Издание убеждало: «Разведением кроликов с успехом можно заниматься в условиях домашнего хозяйства. Для этого надо выбрать подходящую породу, организовать для них соответствующие условия кормления и содержания, научиться их разводить и правильно использовать» [Домоводство, 1959: 687]. Подробно говорилось о разных породах кроликов, о том, как снимать шкурку, готовить тушку к потреблению. В то время на кролиководство делали ставку как на источник получения мяса в более простых условиях: в городе, на школьном участке, в сельском доме.

Выращивание птицы и кроликов широко практиковалось в качестве элемента трудового воспитания детей. Например, в 1959/60 учебном году коллектив учащихся и учителей Магазской восьмилетней школы занимался выращиванием цыплят в зимний период. В результате правильного содержания цыплят был достигнут высокий процент их сохранности. Зимой из 2000 цыплят сохранилось 1660, что составляет 83 %, летом из 1400 цыплят — 1342, выращено 448 кроликов, от отдельных кроликоматок получено по 30—36 крольчат [Ласточкин, 2006: 57]. С 4 по 9 августа 1959 г. в Рязани проходил Первый Всероссийский слет юных кролиководов и птицеводов [Тюмасева, Орехова, 2006: 11].

Таким образом, книга «Домоводство» транслировала образ хозяйства, в котором у колхозника производство сельскохозяйственной продукции занимало важное место. Частное производство как бы поддерживалось властью, в отличие от политики сплошной коллективизации 1930-х. Доля личных подсобных хозяйств в агропроизводстве оставалась значительной. Например, в Ивановской области в конце 1950-х гг. они давали 57 % общего объема производства, 53 % производства молока, 87 % производства яиц [Жидкова, 2011: 469]. Одновременно в большой мере проявилась противоречивость политики советской власти. С одной стороны, власти вроде бы одобряли наличие частного подворья, с другой — приняли ряд мер, которые ставили под угрозу возможность заниматься своим хозяйством. В 1958 г. вышло Постановление «О запрещении

содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках» (см.: [там же]).

В мае 1963 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «О нормах скота, находящегося в личной собственности граждан, не являющихся членами колхозов» [О нормах скота... , 1963]. Согласно этому документу устанавливались нормы содержания скота в личной собственности. В частности, одной семье разрешалось держать не более одной коровы или одной козы. Официально государство такие ограничения объясняло тем, что основным производителем сельскохозяйственной продукции в стране являются колхозы, а в личной собственности скот может находиться только для удовлетворения личных потребностей.

Надо отметить, что народ отреагировал на это Постановление очень бурно. В Совет Министров СССР на имя Н. С. Хрущева поступило множество писем из Воронежской, Калининской, Кемеровской, Курганской, Омской, Новосибирской, Пензенской, Ростовской областей. Особенно некоторых авторов возмущало, что одну корову приравнивали к одной козе, что ударило по семьям, где козье молоко было весомым вкладом в питание семьи и помогало поддерживать стабильный жизненный уровень малоимущим слоям населения — с низкой зарплатой и большим количеством членов семьи: «Уважаемый Никита Сергеевич! Я мать семерых детей, хочу высказать Вам свою обиду не только от себя, а от всех многочисленных матерей, проживающих в сельской местности. Мы держим хозяйство не для наживы и обогащения, а с целью иметь возможность учить детей и вырастить их здоровыми. Если наше хозяйство привести в норму по Указу, то мы будем не в состоянии учить детей в средней школе, так как продуктов будет недостаточно и купить их будет не на что» [ГА РФ, ф. 5446, оп. 97, д. 1496, л. 88 об.].

В итоге в сельском хозяйстве начала складываться парадоксальная картина. Народ, проживающий в селе и в центре регионов с потенциально высоким уровнем производства мяса и молочных продуктов, стал испытывать в них острый недостаток. Например, житель Краснодара обращался с таким вопросом в газету «Известия»: «Больные, находящиеся на диетическом питании, где должны приобретать эти продукты? В данном случае в г. Краснодаре масла сливочного нет. До сих пор меня снабжала дочь, которая проживает и работает в Москве. В настоящее время вышел приказ о воспрещении приема посылок по почте с продуктами питания» [ГА КК, р-687, оп. 3, д. 1702, л. 128]. Власти Краснодара решить этот вопрос не смогли: «Ответ тов. Демек. На Ваше письмо, адресованное редакции газеты “Известия”, сообщаем, что торговля маслом животным действительно происходит с перебоями не только в г. Краснодаре, но и в городах и районах края. Полное удовлетворение населения маслом животным в настоящее время не представляется возможным из-за ограниченности ресурсов» [там же, л. 125].

Самая парадоксальная ситуация складывалась непосредственно на селе. Люди порой не могли купить молока детям, и им приходилось ездить в город. 26 января 1962 г. жители станицы Тбилисская совхоза Кропоткинский писали: «В 1958—1959 годах по предложению Никиты Сергеевича Хрущева население нашего совхоза сдало коров государству. На нашем отделении проживают

570 человек, а молоко продают ежедневно по 50 литров. О других молочных продуктах мы не можем даже мечтать. Остается только одно: ездить за 50 километров в город и там покупать молоко и молочные продукты. Дело уже дошло до того, что люди занимают очередь в 2—3 часа ночи, чтобы ребенок не остался без молока» [там же, л. 357 об.].

В «Домоводстве», как уже говорилось, был большой раздел по консервированию овощей и фруктов. Он был существенно больше, чем в «Книге о вкусной и здоровой пище», где в основном предлагались рецепты варенья (в том числе из апельсинов, лимонов и лепестков роз) и маринованных огурцов, помидоров, винограда и дыни. В «Домоводстве» засолка и маринады представлены, помимо рецептов из огурцов, помидоров и капусты, еще и рецептами из ягод, яблок, арбузов, свеклы и лука. Фрукты для варенья здесь использовались в основном те, которые растут в садах средней полосы.

В этот период начинает выходить большое количество изданий, специально посвященных консервированию. Например, книга «Консервирование овощей, фруктов и грибов в домашних условиях» подробно рассказывала о разных способах консервирования, соленьях [Шапиро и др., 1965]. Много внимания было уделено инвентарю. В частности, демонстрировались разные типы крышек для стеклянных банок, несколько видов закаточных машинок с одним или двумя роликами. Про машинку с одним роликом не скрывалось, что процесс закатывания банки с ее помощью продолжителен и требует физических усилий. Обращает на себя внимание и тот факт, что одна из моделей машинок разрабатывалась в Белорусском научно-исследовательском институте плодоводства, овощеводства и картофеля [там же: 13]. Издание «Домашнее консервирование» рассказывало не только о традиционных соленьях, мариновке и выгонке сока, но и о приготовлении салатов впрок, заготовке джемов для пирогов, закусочных консервов [Кравцов, 1958].

Можно предположить, что активизация публикаций таких изданий была вызвана интересом к консервированию как сельских, так и городских жителей. В «Домоводстве» в разделе, который касался усадьбы, представлена схема посадки плодовых деревьев около дома. Таким образом, издание декларировало возможность колхозникам заниматься выращиванием небольшого объема сельскохозяйственной продукции для своих собственных нужд. С 1949 г., после опубликования Постановления Совета Министров СССР № 807, началось стремительное развитие садоводческих товариществ в городах [О коллективном и индивидуальном огородничестве... , 1949]. Успех садоводства позволил значительно насытить рынок фруктами, в частности, цены на яблоки на рынке стали падать и в 1960 г. не очень отличались от государственных и даже бывали ниже их. Садоводческие участки стали значительным подспорьем для многих семей, особенно с низким уровнем дохода. Ярким в этом плане было письмо слесаря Н. Смирнова, который подробно расписывал бюджет своей семьи. На семерых приходилась зарплата только самого Николая в сумме 810 руб. За вычетом расходов на оплату жилья, бани оставалось 640 руб. в месяц — это 3 руб. в день (имеются в виду дореформенные деньги). Автор письма сетовал, что практически живет в бедности: «Трудно! Ребята не могут одновременно гулять, не хватает на всех одежды и обуви. Мы с женой ходим в стеганых ватниках. Каждый

свободный час времени мы отводим работе в саду. Там мы проводим все выходные дни» [РГАСПИ, ф. 509, оп. 1, д. 155, л. 23 об.]. Однако и здесь проявилась противоречивость действий советской власти. В 1961 г. садовые участки попали в орбиту борьбы с нетрудовыми доходами. Это наглядно отразилось в публикации журнала «Коммунист» «Кто не работает, тот не ест»⁵. В ней владельцев дачных участков определяли как стяжателей, хапуг и воров. Главной задачей статьи было формирование негативного общественного мнения по отношению к мелкой предпринимательской деятельности. Публикация достигла цели. Журнал «Коммунист» получил большое количество откликов читателей, которые выражали недовольство практикой торговли плодами дачных участков. Например, К. Е. Рвин предлагал полностью запретить членам садоводческих товариществ продавать выращенный урожай частным образом, обязав их организованно сдавать излишнюю продукцию в кооперативные организации для продажи населению по государственным ценам [там же, л. 131]. Можно предположить, что множественные кулинарные книги по консервированию должны были переключить владельцев излишков садовой продукции с продажи на заготовку в фонд домашних запасов.

Выводы

Таким образом, социальные трансформации 1960-х гг. оказали значительное влияние на повседневные жизненные практики. Очередная смена в системе идеологических установок относительно общественной роли женщин, изменение роли села в системе производства, миграционные процессы, развитие элементов частного сельского хозяйства, практик питания, ведение быта начинают находить отражение в художественной литературе, которой дозволяется освещать те или иные проблемы. Значительно меняются и кулинарные книги: теперь это элемент пропаганды, в которую впервые были вовлечены и жители сельской местности. Взятый властями курс на повышение жизненного уровня не был реализован. Фактическая жизнь граждан постоянно сталкивалась с противоречивыми указами советской власти: вовлечение женщин в производственную деятельность оборачивалось для них двойной нагрузкой, политика на селе не раз осуществляла смену вектора. Кулинарные книги здесь выступали определенным механизмом, который мог, так или иначе, смягчить эти противоречия, помочь вести домашнее хозяйство в условиях повышающегося спроса на качество продуктов питания и нарастающего дефицита. Поэтому кулинарные книги выполняют и чисто практическую функцию — помогают решать хозяйственные вопросы. Издания, обращенные к сельским жителям, декларировали возможность заниматься индивидуальным производством, способствовали повышению жизненного уровня. Однако, как показали практики принятия ряда нормативно-правовых актов, власть рассматривала индивидуальное хозяйство только как малый элемент, но не основной вектор развития сельского сектора экономики.

⁵ Коммунист. 1960. № 14. С. 13—21.

Список источников

- Баранская Н. Неделя как неделя // Баранская Н. Женщина с зонтиком: повесть и рассказы. М.: Современник, 1981. С. 3—54.
- Велембовская И. А. Сладкая женщина: повести, рассказы. М.: Сов. писатель, 1988. 544 с.
- Велембовская И. А. Сладкая женщина: (сборник). М.: Вече, 2019. 384 с.
- Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву, середина 40-х — начало 60-х годов. М.: Наука, 1992. 224 с.
- Горлов В. Н. Повышение уровня жизни советских людей как один из наиболее существенных результатов развития советского общества в 1950—1960-е гг. // История: факты и символы. 2021. № 2. С. 9—18.
- ГА КК (Государственный архив Краснодарского края).
- ГА РО (Государственный архив Рязанской области).
- ГА СПб (Государственный архив Санкт-Петербурга).
- ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации).
- Домоводство. М.: Сельхозиздат, 1958. 547 с.
- Домоводство. М.: Гос. изд-во с.-х. лит., 1959. 776 с.
- Жидкова Е. М. Культура питания и реформы эпохи Хрущева // Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева и др. СПб., 2011. С. 463—477.
- Зеленин И. Е. Аграрная политика Н. С. Хрущева и сельское хозяйство // Труды Института российской истории РАН, 1997—1998 гг. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. Вып. 2. С. 394—425.
- Кабакова Г. И. Русские традиции застолья и гостеприимства. М.: Форум: Неолит, 2016. 464 с.
- Кенгис Р. П., Мархель П. С. Домашнее приготовление тортов, пирожных, печенья, пряников, пирогов. М.: Пищепромиздат, 1959. 368 с.
- Кравцов И. С. Домашнее консервирование плодов, овощей и ягод. Одесса: Одес. обл. изд-во, 1958. 96 с.
- Кулинария. М.: Госторгиздат, 1959. 403 с.
- Ласточкин В. Б. Трудовое воспитание в сельской школе в условиях перехода к всеобщему восьмилетнему образованию // Вестник Чувашского университета. 2006. № 6. С. 48—58.
- Лемкуль Л. М. Праздничный стол. М.: Пищ. пром-сть, 1971. 360 с.
- О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих: Постановление Совета Министров СССР № 807 от 24 февраля 1949 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
- О нормах скота, находящегося в личной собственности граждан, не являющихся членами колхозов: Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 мая 1963 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1963. № 18. 9 мая. С. 317—318.
- Попова О. Д. «Книга о вкусной и здоровой пище» в системе формирования новых социальных практик питания в 1920—30-е годы // История: факты и символы. 2020. № 4. С. 21—31.
- Попова О. Д. «Книга о вкусной и здоровой пище» 1952 г. в системе идеологических мифов СССР // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2023. № 2. С. 97—117.
- Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В. Гендер и кулинарная основа культуры // Уральский исторический вестник. 2021. № 1. С. 193—195.
- РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).
- Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 — июль 1956 г.) / сост. М. И. Юмашев, Б. А. Жалейко. М.: Госюриздат, 1956. 500 с.

- Сохань И. В. «Книга о вкусной и здоровой пище»: гастрономические образы сталинской эпохи // Человек. 2012. № 6. С. 139—153.
- Сохань И. В., Гончаров Д. В. Социокультурная инженерия тоталитаризма: советский гастрономический проект // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз: (журнал политической философии и социологии политики). 2013. № 2. С. 142—155.
- Тюмасева З. И., Орехова И. Л. На пути к природолюбию. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. 66 с.
- Шапиро Д. К., Голомиток М. М., Захарич Ф. Ф. Консервирование овощей, фруктов и грибов в домашних условиях. Минск: Беларусь, 1965. 142 с.
- Яхно О. Н. Кулинарные книги как источник реконструкции кулинарной культуры // Уральский исторический вестник. 2019. № 1. С. 113—121.
- Food in Russian History and Culture / ed. by M. Glants, J. Toomre. Bloomington: Indiana University Press, 1997. 250 p.
- Geist E. Cooking bolshevik: Anastas Mikoian and the making of the book about delicious and healthy food // Russian Review. 2012. Vol. 71, iss. 2. P. 295—313.
- Seasoned Socialism: Gender and Food in Late Soviet Everyday Life / ed. by A. Lakhtikova, A. Brintlinger, I. Glushchenko. Bloomington: Indiana University Press, 2019. 373 p.

References

- Baranskaia, N. (1981) Nedelia kak nedelia [Week as week], in: Baranskaia, N., *Zhenshchina s zontikom: Povest' i rasskazy*, Moscow: Sovremennik, pp. 3—54.
- Domovodstvo (1958) [Housekeeping], Moscow: Sel'khozizdat.
- Domovodstvo (1959) [Housekeeping], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo sel'skokhoziaistvennoi literatury.
- Geist, E. (2012) Cooking bolshevik: Anastas Mikoian and the making of the book about delicious and healthy food, *Russian Review*, vol. 71, iss. 2, pp. 295—313.
- Glants, M., Toomre, J. (eds) (1997) *Food in Russian History and Culture*, Bloomington: Indiana University Press.
- Gorlov, V. N. (2021) Povyshenie urovnia zhizni sovetskikh liudei kak odin iz naibolee sushchestvennykh rezul'tatov razvitiia sovetskogo obshchestva v 1950—1960-e gg. [Increasing the standard of living of Soviet people as one of the most significant results of the development of Soviet society in 1950—1960s], *Istoriia: fakty i simvol'y*, no. 2, pp. 9—18.
- Iakhno, O. N. (2019) Kulinarnye knigi kak istochnik rekonstruktsii kulinarnoĭ kul'tury [Cookbooks as a source of the gastronomic culture reconstruction], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 1, pp. 113—121.
- Kabakova, G. I. (2016) *Russkie traditsii zastol'ia i gostepriimstva* [Russian traditions of feasting and hospitality], Moscow: Forum, Neolit.
- Kengis, R. P., Markhel, P. S. (1959) *Domashnee prigotovlenie tortov, pirozhnykh, pechen'ia, prianikov, pirogov* [Homemade cakes, pastries, cookies, gingerbreads and pies], Moscow: Pishchepromizdat.
- Kravtsov, I. S. (1958) *Domashnee konservirovanie plodov, ovoshchei i iagod* [Home canning of fruits, vegetables and berries], Odessa: Odesskoe oblastnoe izdatel'stvo.
- Kulinariia* (1959) [Cooking], Moscow: Gostorgizdat.
- Lakhtikova, A., Brintlinger, A., Glushchenko, I. (eds) (2019) *Seasoned Socialism: Gender and Food in Late Soviet Everyday Life*, Bloomington: Indiana University Press.
- Lastochkin, V. B. (2006) Trudovoe vospitanie v sel'skoĭ shkole v usloviakh perekhoda k vseobshchemu vos'miletнему obrazovaniuu [Labor education in rural schools in the context of the transition to universal eight-year education], *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, vol. 6, pp. 48—58.
- Lemkul, L. M. (1971) *Prazdnichnyi stol* [Festive table], Moscow: Pishchevaia promyshlennost'.

- Popova O. D. (2020) “Kniga o vkusnoĭ i zdorovoĭ pishche” v sisteme formirovaniia novykh sotsial’nykh praktik pitaniia v 1920—30-e gody [“The Book of Tasty and Healthy Food” in the system of forming new social food practices in the 1920—30s], *Istoriia: fakty i simvoly*, no. 4, pp. 21—31.
- Popova, O. D. (2023) “Kniga o vkusnoĭ i zdorovoĭ pishche” 1952 g. v sisteme ideologicheskikh mifov SSSR [The 1952 “Book of Tasty and Healthy Food” in the system of ideological myths of the USSR], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, serii 8, Istoriia, no. 2, pp. 97—117.
- Pushkareva, N. L., Zhidchenko, A. V. (2021) Gender i kulinarnaia osnova kul’tury [Gender and the culinary basis of culture], *Ural’skiĭ istoricheskii vestnik*, no. 1, pp. 193—195.
- Shapiro, D. K., Golomshtok, M. M., Zakharich, F. F. (1965) *Konservirovanie ovoshcheĭ, fruktov i gribov v domashnikh usloviakh* [Canning vegetables, fruits and mushrooms at home], Minsk: Belarus.
- Sokhan, I. V. (2012) “Kniga o vkusnoĭ i zdorovoĭ pishche”: gastronomicheskie obrazy stalinskoĭ ėpokhi [“The Book of Tasty and Healthy Food”: gastronomic images of the Stalin era], *Chelovek*, no. 6, pp. 139—153.
- Sokhan, I. V., Goncharov, D. V. (2013) Sotsiokul’turnaia inzheneriia totalitarizma: sovetskiĭ gastronomicheskii projekt [Sociocultural engineering of totalitarianism: Soviet gastronomic project], *Politiia: Analiz. Khronika. Prognoz: (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)*, no. 2, pp. 142—155.
- Tiumaseva, Z. I., Orekhova, I. L. (2006) *Na puti k prirodoliubiiu* [On the way to love of nature], Cheliabinsk: Izdatel’stvo Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.
- Velembovskaia, I. A. (1988) *Sladkaia zhenshchina: Povesti, rasskazy* [Sweet Woman: Novels and short stories], Moscow: Sovetskiĭ pisatel’.
- Velembovskaia, I. A. (2019) *Sladkaia zhenshchina: (Sbornik)* [Sweet Woman: (Collection)], Moscow: Veche.
- Verbitskaia, O. M. (1992) *Rossiiskoe krest’ianstvo: ot Stalina k Khrushchevu, seredina 40-kh — nachalo 60-kh godov* [Russian peasantry: from Stalin to Khrushchev, mid 40s — early 60s], Moscow: Nauka.
- Zelenin, I. E. (2000) Agrarnaia politika N. S. Khrushcheva i sel’skoe hoziaĭstvo [Agrarian policy of N. S. Khrushchev and agriculture], *Trudy Instituta rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, 1997—1998*, iss. 2, Moscow: Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, pp. 394—425.
- Zhidkova, E. M. (2011) Kul’tura pitaniia i reformy ėpokhi Khrushcheva [Food culture and reforms of the Khrushchev era], in: Zlydneva, N. V. et al. (eds), *Kody povsednevnosti v slavianskoĭ kul’ture: eda i odezhd*, St. Petersburg, pp. 463—477.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 27.12.2023; принята к публикации 09.01.2024.

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 27.12.2023; accepted for publication 09.01.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Попова Ольга Дмитриевна — доктор исторических наук, профессор, и. о. ведущего кафедрой истории России, историографии и источниковедения, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, г. Рязань, Россия, od-popova@mail.ru (Dr. Sc. (History), Professor, Acting Head of the Department of Russian History, Historiography and Source Studies, Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russian Federation).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 140–144.

Woman in Russian Society. 2024. No. 1. P. 140–144.

Обозрение

УДК 316.346.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЯМ НЕРАВЕНСТВА ЖЕНЩИН И МУЖЧИН В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Евгения Владимировна Андрюшина, Наталия Сергеевна Григорьева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, eugenie80@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются результаты международного круглого стола «Гендерные исследования в современной науке: от теории к практике», состоявшегося в рамках XX Международной конференции «Государственное управление в новых геополитических и геоэкономических условиях» (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 6 декабря 2023 г.). Цель мероприятия — выявление и характеристика современных вызовов и перспектив гендерных исследований в российском академическом дискурсе.

Ключевые слова: государственная политика в отношении женщин, комплексный гендерный подход, социальные роли женщин и мужчин, рынок труда, управление, здравоохранение, образование, семья

Для цитирования: Андрюшина Е. В., Григорьева Н. С. Актуальные подходы к исследованиям неравенства женщин и мужчин в современном обществе // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 140—144.

Review

CURRENT APPROACHES TO THE STUDY OF INEQUALITY BETWEEN WOMEN AND MEN IN MODERN SOCIETY

Evgeniya V. Andryushina, Nataliya S. Grigorieva

Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russian Federation, eugenie80@mail.ru

Abstract. The article analyzes the results of the international round table “Gender research in modern science: from theory to practice”, held within the framework of the XX International Conference “Public Administration in New Geopolitical and Geo-Economic Conditions” (Moscow, Lomonosov Moscow State University, December 6, 2023). The purpose of the event is to identify and characterize modern challenges and prospects for gender studies in Russian academic discourse.

Key words: state policy on women, integrated gender approach, social roles of women and men, labor market, management, health care, education, family

For citation: Andryushina, E. V., Grigorieva, N. S. (2024) Aktual'nye podkhody k issledovaniyam neravenstva zhenshchin i muzhchin v sovremennom obshchestve [Current approaches to the study of inequality between women and men in modern society], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 140—144.

6 декабря 2023 г. на факультете государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках XX Международной конференции «Государственное управление в новых геополитических и геоэкономических условиях» состоялся круглый стол «Гендерные исследования в современной науке: от теории к практике». Организаторами мероприятия выступили кафедра социологии управления и Центр сравнительной социальной политики и гендерных исследований факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова.

Необходимость и новизну круглого стола определили, с одной стороны, усиливающийся интерес к различным аспектам равенства/неравенства мужчин и женщин в зарубежном и отечественном научно-академическом дискурсе (активизации гендерных исследований поспособствовало также присуждение в октябре 2023 г. Нобелевской премии в сфере экономики К. Голдин за исследования положения женщин на рынке труда), а с другой — актуальные российские практики в достижении Целей устойчивого развития ООН (цель № 5), когда гендерное равенство рассматривается не только как одно из основных прав человека, но и как фундамент для преобразования мира, всеобщего развития и достижения иных ЦУР, что обеспечит сбалансированность всех компонентов устойчивого развития.

Круглый стол стал площадкой для выступлений и обсуждения докладов/сообщений как уже состоявшихся авторитетных отечественных специалистов, усилиями которых гендерные исследования в России получили свое развитие (д-р экон. наук М. Е. Баскакова, д-р филос. наук О. А. Воронина, д-р полит. наук, проф. Н. С. Григорьева, д-р экон. наук, проф. В. Г. Доброхлеб), так и представителей следующей волны исследователей, начавших заниматься

вопросами равноправия мужчин и женщин в конце 1990-х — начале 2000-х гг. (д-р экон. наук, проф. И. Е. Калабихина, канд. филос. наук, доц. А. А. Костикова, д-р экон. наук, проф. Т. В. Чубарова) и на рубеже 2010—2015 гг. (канд. экон. наук, доц. С. М. Ребрей, ст. преп. В. В. Уткина). Активное участие в круглом столе аспирантов и студентов магистратуры (А. Ребрикова, А. Жохова, канд. экон. наук Е. Степаныхева, А. Орфонидий), в фокусе научного интереса которых положение женщин и мужчин в современном российском обществе, только подтвердило наличие востребованности развития данного научного направления со стороны «подрастающего» поколения исследователей.

В работе круглого стола активно участвовали магистры Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультет) из Китая, что придало ему статус международного. Следует также отметить выступления исследователей, чей научный интерес не связан непосредственно с гендерной проблематикой, но которые активно используют гендерный подход в своих работах (д-р экон. наук О. А. Кислицына, д-р экон. наук, проф. В. Ю. Кулькова, канд. полит. наук, доц. Е. В. Андрушина, мл. науч. сотр. М. А. Шарова). Активное участие в работе круглого стола приняли 27 человек, а также слушатели из числа докладчиков других секций, магистры и аспиранты факультета государственного управления.

В преамбуле мероприятия подчеркивалась необходимость более активно, но корректного, релевантного классическим категориям и теориям, использования гендерного подхода в исследованиях современного общества, что корреспондируется с целями Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023—2030 гг., основными векторами перспективной научной проблематики в области достижения равноправия мужчин и женщин.

На круглом столе был рассмотрен практически весь спектр вопросов, касающихся взаимоотношений мужчин и женщин в обществе, начиная с общетеоретических подходов в условиях современных технологических вызовов и заканчивая инновационными методиками измерения гендерного равенства/неравенства на основе индекса осевых институтов, т. е. фактически был предложен новый инструментарий для дальнейших отечественных исследований в рамках данного научного направления.

Основная и очень интересная дискуссия развернулась вокруг вопросов гендерной сегрегации на современном рынке труда в контексте совершенствования политики занятости, включая проблемы дисбаланса женщин и мужчин в IT-сфере.

Увлекательным стало обсуждение факторов, влияющих на обращаемость мужчин и женщин за медицинской помощью, анализ которых наглядно указывает на необходимость выработки новых стандартов ведения пациентов — мужчин и женщин, например через внедрение скрининга по определенным факторам риска с целью преодоления их отрицательных последствий для здоровья.

Но, пожалуй, наибольший интерес вызвало выступление китайских магистров Сунь Юйцзя, Фу Иди, Чанг Шуи, Жу Ян, представивших свой коллективный доклад «Why contemporary Chinese women increasingly reluctant to get married» («Почему современные китайки все реже выходят замуж»). Докладчики

ознакомили с результатами своего онлайн-опроса (сопоставив их с данными других социологических опросов), проведенного для подтверждения гипотезы, что женщины склонны откладывать брак или избегать его. Авторы связывают это в первую очередь с изменениями гендерных ролей и самого института брака, а также влиянием индивидуализма на мышление китайских женщин. Традиционно брак и рождение детей рассматривались в Китае как необходимые шаги для того, чтобы женщины считались успешными и реализованными. Однако сегодня они все больше мотивированы целями личного развития, карьерного роста и финансовой независимости. Сообщение студентов из Китая 2023 г. вернуло участников круглого стола к результатам исследований семейных стратегий российской молодежи, которые проводились на факультете государственного управления в 2008, 2013 и 2019 гг. и выявили тревожную тенденцию: если в 2008 г. только около 3 % опрошенных не планировали в будущем иметь детей, то 10 лет спустя число молодых людей, которые в возрасте 20—21 года настроены на сознательную бездетность, значительно возросло — почти в 4 раза — и составило 11,3 %. Иными словами, лонгитюдные исследования, выполненные в России, равно как и результаты, полученные китайскими магистрами, показали, что у молодых женщин усилилось стремление посвятить жизнь персональным целям и самореализации. Парадокс заключается в том, что при этом семья и дети по-прежнему остаются для них важными ценностями.

Интерес российских аспирантов фокусировался на вопросах женского лидерства как на уровне публичной власти и государственной службы, так и в бизнесе. Они ознакомили с результатами своих исследований, в которых пытаются ответить на давний вопрос: почему сохраняется низкий уровень представительства женщин на вершине политической элиты.

Кратко резюмируя итоги круглого стола, следует отметить, что в результате состоявшегося обсуждения были обозначены векторы перспективной разработки научных проблем в области достижения равноправия мужчин и женщин как в России, так и за ее пределами. Кроме того, совершенно очевидна значимость подобных встреч, которые позволяют коллегам не только представить результаты собственных исследований, но и услышать друг друга, найти точки согласия и несогласия, обсудить спорные вопросы, а главное — предложить варианты их решения. Поэтому мы планируем в 2024 г. продолжить работу круглого стола с целью поиска новых технологий решения, казалось бы, старых проблем взаимоотношений женщин и мужчин в их современном звучании и интерпретации.

Статья поступила в редакцию 26.12.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 15.01.2024.

The article was submitted 26.12.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 15.01.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Андрюшина Евгения Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, eugenie80@mail.ru (Cand. Sc. (Political Sc.), Associate Professor at the Department of Sociology of Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Григорьева Наталия Сергеевна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, grigorieva@spa.msu.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Head of the Department of Sociology of Management, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: wings@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателям</i>	3
--------------------------	---

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рябов О. В., Рябова Т. Б. «Советская Родина» как концепт холодной войны. Материнский символ страны в массовой песне	4
Ребрей С. М., Богачева В. В. Положение женщин в Республике Корея: индекс осевых институтов	23
Вишневский Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи	40
Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Демографическая структура семьи: генезис методологического подхода	56

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л., Мухина З. З. «Освобождение женщин» и семейная политика 1918—1920-х гг.: приобретения и издержки	75
Сулейманова Р. Н. «Многодетным матерям — должное внимание». Как в Башкирии выполнялся Указ Президиума Верховного Совета СССР 1944 г.	93
Белова А. В. Профессиональное, личное, обыденное в женской автобиографической памяти (На примере записей тверичанки середины 1970-х гг.)	103
Попова О. Д. Кулинарные книги и практики питания в советской женской повседневности 1960-х	120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Андрюшина Е. В., Григорьева Н. С. Актуальные подходы к исследованиям неравенства женщин и мужчин в современном обществе	140
<i>Информация для авторов</i>	145

CONTENTS

<i>To readers</i>	3
-------------------------	---

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Riabov O. V., Riabova T. B. The “Soviet Motherland” as the Cold War concept. The mother symbol of the country in the Soviet popular songs	4
Rebrey S. M., Bogacheva V. V. Women’s position in the Republic of Korea: an axial institutions index	23
Vishnevsky Y. R., Didkovskaya Y. V., Zyryanova O. B. Matrimonial and reproductive attitudes of youth in the context of young family safety	40
Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. Demographic structure of families: genesis of the methodological approach	56

HISTORICAL SCIENCES

Mitsyuk N. A., Pushkareva N. L., Mukhina Z. Z. “Women’s liberation” and family policy of the 1918—1920s: acquisitions and costs	75
Suleimanova R. N. “Due consideration for mothers of many children”. How the Decree of the Presidium of the USSR Supreme Council of 1944 was implemented in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic	93
Belova A. V. Professional, personal and everyday aspects in women’s autobiographical memory (Based on the example of records of a female resident of Tver in the mid-1970s)	103
Popova O. D. Cookbooks and nutrition practices in Soviet women’s everyday life of the 1960s	120

SCIENTIFIC LIFE

Andryushina E. V., Grigorieva N. S. Current approaches to the study of inequality between women and men in modern society	140
<i>Information for the authors</i>	145

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 — 2024

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. С. Михеева*

Дата размещения на сайте 21.03.2024 г.
Формат 70×108 1/16. Уч.-изд. л. 10,5. Объем 2,1 МБ

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru